

ХЬЮ ЛОФТИНГ

ЦИРК

ДОКТОРА ДУЛЦЛА

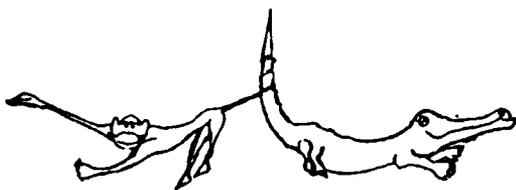

ХЬЮ ЛОФТИНГ

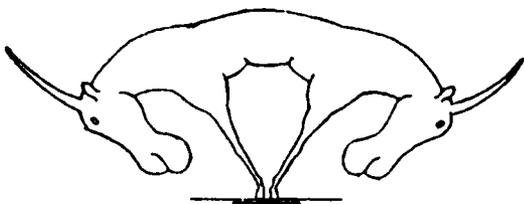

ХЬЮ ЛОФТИНГ

ЦИРК
ДОКТОРА ДУЛИТЛА

КУХОННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ПОРОСЕНКА ГАБ-ГАБА

МОСКВА
РУДОМИНО
1993

Перевод с английского
А.В. Шлыковой и Е.Л. Новицкой

Рисунки автора

Серия разработана художником
И.К.Борисовой

Л $\frac{48040400-2}{476(02)-93}$ Без объявл.
ISBN 5-7380-0022-6

© А.В.Шлыкова, 1993. "Цирк Доктора Дуантла". Перевод.
© Е.Л.Новицкая, 1993. "Кухонная энциклопедия поросенка
Габ-Габа". Перевод.
© И.К.Борисова, 1993. Оформление серии.

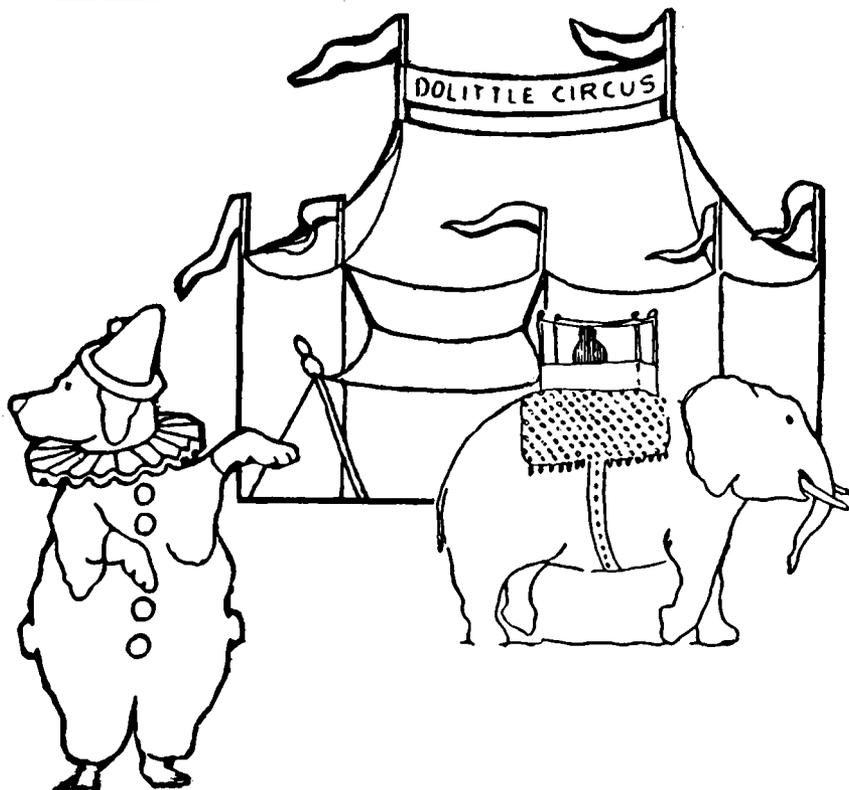

ЦИРК

ДОКТОРА

ДУЛЛА

Hugh Lofting
Doctor Dollittle's
Circus
1925

Перевод с английского
А.В.Шлыкковой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

В КРУГУ ДРУЗЕЙ У КАМИНА

В этой истории рассказывается о том, что произошло с Доктором Дулитлом, когда он путешествовал с бродячим цирком.

Сначала у Доктора даже и мысли не было задерживаться в цирке надолго, он просто хотел заработать немного денег, чтобы вернуть долг. Дело в том, что он и его компания одолжили у одного моряка небольшой корабль, который разбился, налетев на скалы. Теперь ни корабля, ни денег у них не было, а долг нужно было возвращать. Поэтому Доктор решил устроиться на время в какой-нибудь цирк и показывать там за деньги Тяни-Толкая.

Сам Джон Дулитл был неприхотлив, если дело касалось денег, поэтому, как справедливо заметил Гу-Гу, разбогатеть ему было совсем не трудно. Однако деньги у него почему-то надолго не задерживались. Даб-Даб любила повторять, что только за время работы Доктора в цирке он становился богачом несколько раз. Хотя, надо признать, представление Даб-Даб о богатстве было довольно-таки расплывчатым. У Доктора действительно время от времени появлялись кое-какие деньги, но к концу недели или месяца он неизменно оставался без гроша.

Итак, начнем с того, что в один прекрасный день Доктор Дулитл вернулся из долгого путешествия по Африке в свой родной городишко Падлби-наболоте и привез с собой своих друзей: пса Джипа,

утку Даб-Даб, филина Гу-Гу, поросенка Габ-Габа, Тяни-Толкая и белую мышку. Всю эту компанию, разумеется, нужно было кормить, а у Доктора, как всегда, карманы были пусты.

Хорошо еще, что благоразумная Даб-Даб заставила их взять с пиратского корабля съестные припасы, лежавшие в трюме.

— Если хорошенько экономить, — сказала она, — мы, пожалуй, продержимся еще пару дней.

Но кроме нее о завтрашнем дне никто не думал: ведь вернуться домой было так приятно! В то время, как хозяйственная утка отправилась на кухню чистить горшки и готовить обед, остальные побежали в сад. Они носились по саду, отыскивая там свои любимые уголки, до тех пор пока Даб-Даб не начала стучать поварешкой о сковородку, созывая всех на обед. Тут питомцы Доктора бросились со всех ног в дом, повизгивая, попискивая и похрюкивая от удовольствия в предвкушении обеда в старой доброй кухне, где им когда-то так хорошо было вместе.

— Сегодня вечером будет холодно, придется разжечь камин, — сказал Джип, когда друзья расселись за столом. — Сентябрьские вечера — всегда такие холодные! Может быть, вы нам что-нибудь расскажете после обеда, Доктор? Мы ведь так давно не собирались все вместе у камина, чтобы послушать ваши истории!

— Или читаете что-нибудь из вашей книги про животных, — попросила Даб-Даб. — Я так хочу послушать историю про лису, которая чуть не украли королевского гуся.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал Доктор, нагибая на вилку сардину. — Может быть, и прочитаю. Да, эти пиратские сардины — просто объеденье! Даю голову на отсечение, что они из Бордо.

Но не успел Доктор доесть последнюю сардину, как его позвали к больной. Это была ласка со сломанным когтем. Сразу же после нее явился еще один пациент — петух с соседней фермы, у которого болело горло. Он так охрип, что мог кукарекать только шепотом. Из-за этого все обитатели фермы не могли встать вовремя.

Потом два фазана привели слабенького фазаненка, который никак не мог научиться правильно клевать.

Хотя люди, живущие в Падлби, еще не знали, что Доктор вернулся, весть о его приезде моментально разлетелась среди зверей и птиц. Поэтому не прошло и часа, как огромная разношерстная толпа выстроилась у дверей его приемной. И целый день до позднего вечера Доктор перевязывал и лечил мохнатых и пернатых пациентов, собравшихся со всей округи.

— Ох, опять, как всегда. Никакого покоя! — вздыхала Даб-Даб. — Галдят с утра до ночи. Как будто у Доктора, кроме их болезней, и забот никаких нет.

Джип оказался прав: с наступлением темноты сильно похолодало. Друзья разыскали в погребе немного дров, и вскоре в большом и уютном камине заплясал веселый огонь. Все расселись вокруг него поудобнее и стали спрашивать Доктора, чтобы он им что-нибудь почитал из своих книг.

— Подождите, — сказал Доктор. — Сначала давайте решим, что мы будем делать дальше. Прежде всего нам нужно найти цирк, в котором мы могли бы устроиться. Но как это сделать, я ума не приложу. Ведь циркачи разъезжают повсюду. Где мы их будем искать? Вот если бы можно было у кого-нибудь спросить...

— Тише, — вдруг сказал Гу-Гу. — Кажется, кто-то звонит в дверь.

— Странно, — удивился Доктор. — Кто бы это мог быть так поздно?

— Наверное, та старая дама с ревматизмом, — пропищала белая мышка. — Она, видимо, решила, что ее доктор в Оксенторпе все-таки хуже нашего Джона Дулитла.

В коридоре Доктор зажег свечи и открыл дверь. На пороге стоял не кто иной, как Продавец Кошачьей Еды...

— Вот это да! — воскликнул Доктор. — Готов поклясться, что это сам Мэтью Магг! Входи же Мэтью, дружище. Как ты узнал, что я здесь?

— Сердце подсказало, Доктор, — сказал Продавец Кошачьей Еды, вваливаясь в коридор. — Только сегодня утром я сказал своей жене: «Теодозия, сдастся мне, что Доктор вернулся. Схожу-ка я к нему вечером, проверю...»

— Я ужасно рад тебя видеть, — сказал Доктор. — Пойдем скорее на кухню. Там теплее.

На кухне выяснилось, что гость пришел не с пустыми руками. Каждый из питомцев Доктора получил подарок: Джип — бараний мосел, белая мышка — кусочек сыра, Габ-Габ — пучок редиски. А самому Доктору достался горшок цветущей герани. Мэтью Магга усадили в мягкое кресло у камина, и Доктор предложил ему превосходного табаку из своей табакерки.

— Я получил ваше письмо про воробья, — сказал Мэтью. Надеюсь, все в порядке, он нашел вас?

— Да. Он мне очень помог. Он улетел, когда мы отплыли из Дэвожа. Ему так хотелось вернуться обратно в Лондон.

— Готов поклясться, что это сам Мэтью Маг, —
воскликнул Доктор.

— А вы как, надолго здесь?

— И да, и нет, — замялся Доктор. — Я бы очень хотел побыть дома хотя бы несколько месяцев: отдохнуть и привести сад в порядок. Ты же видел, как там все заросло. Но, к сожалению, мне нужно сначала заработать хоть немного денег.

— Гм, — хмыкнул Мэтью, раскуривая свою трубку. — Заработать немного денег! Всю свою жизнь я только и пытаюсь сделать это. Правда, ничего хорошего у меня из этого пока не вышло. Скопил, вот, всего двадцать пять шиллингов. Если они вам помогут, я мог бы...

— Что ты, что ты, Мэтью, спасибо, — замахал руками Доктор. — Понимаешь, чтобы вернуть долг, мне нужно очень много денег. Вот послушай, что я придумал: недавно я приобрел одно необыкновенное новое животное — Тяни-Толкая. Представь себе, у него две головы! Его подарили мне обезьяны в Африке за то, что я спас их от эпидемии. Я хочу устроиться в какой-нибудь бродячий цирк и показывать Тяни-Толкая за деньги. Хочешь на него взглянуть?

— Еще бы, конечно, хочу. Похоже, что это действительно что-то новенькое.

— Пойдем в сад, он там, — сказал Доктор. — Только, прошу тебя, не рассматривай его слишком назойливо — он еще к этому не привык и ужасно стесняется. Давай возьмем с собой ведро воды и притворимся, что принесли ему попить.

Тяни-Толкай так понравился Мэтью, что, даже вернувшись с Доктором на кухню, он не переставал улыбаться.

— Вот это да, Джон Дулитл! — воскликнул он. — Готов побиться об заклад, что с таким чудо-зверем вы непременно разбогатеете. Никто не видел

ничего подобного с начала света. Я всегда считал, что ваше место — в цирке. Сами посудите: кто еще, кроме вас, знает язык зверей? Никто. Когда же вы хотите начать?

— В том-то все и дело, что я еще не знаю. Может быть, ты мне что-нибудь посоветуешь? Понимаешь, я бы хотел знать заранее, что это будет за цирк, какие люди там работают. Хотелось бы найти что-нибудь получше.

Тут Мэтью Магг наклонился к Доктору и шлепнул его трубкой по колену.

— Считайте, что вам здорово повезло! Я действительно знаю такое место. Сейчас в Гримблдоне ярмарка, и там выступает самый замечательный цирк на свете. Он уедет оттуда только в субботу. Мы с Теодозией были там в самый первый день. Конечно, я не могу сказать, что это очень большой цирк, но что хороший — ручаюсь. Там, уж точно, держат только первоклассных артистов. Вот что, давайте-ка сходим туда завтра и вы сами договоритесь обо всем с директором, а?

— Превосходная идея! — обрадовался Доктор. — Только, прошу тебя, никому ничего не рассказывай. Пока Тяни-Толкай не начнет выступать перед публикой, мы должны держать его в тайне.

ГЛАВА 2

ДОКТОР ВСТРЕЧАЕТ ДРУГА И РОДСТВЕННИЦУ

Теперь нам нужно сказать несколько слов о Мэтью Магге. Продавец Кошачьей Еды был довольно-таки странным человеком. Главным его пристрастием было бегать с одной работы на другую. Но все его попытки устроиться на новое место обычно заканчивались плачевно: он опять возвращался к своему старому ремеслу — ловле крыс на фермах в окрестностях Падлби. Наверное, поэтому ему и не удавалось ничего заработать.

Конечно же, Мэтью уже пытался устроиться в тот цирк, про который рассказывал Доктору, но ему, как всегда, отказали. Поэтому вы можете представить, как он обрадовался, когда услышал, что Джон Дулитл собирается там выступить, да еще и с таким необыкновенным зверем, как Тяни-Толкай. И всю дорогу домой воображение рисовало ему радужные картины: как он, вместе со своим любимым другом Доктором Дулитлом, управляет величайшим цирком на свете.

На следующий день Мэтью явился к Доктору ни свет, ни заря. Даб-Даб заставила их взять с собой несколько сэндвичей с сардинами, и они отправились в дорогу.

Путь от Падлби до Гримблдона лежал неблизкий. Друзья уже порядком устали, как вдруг услышали позади себя стук копыт: их нагоняла двуколка фермера. Возница хотел было остановиться и предложить подвезти путников, но его жена, увидев, какой Мэтью грязный и оборванный, запретила ему останавливаться.

— Вот тебе и любовь к ближнему! — воскликнул Продавец Кошачьей Еды, когда двуколка промчалась мимо. — Сами-то, небось, удобно устроились, а мы должны пешком топтать. Это Исидор Стайлс, я его знаю: у него самые большие картофельные плантации в наших краях. Частенько я ловил крыс у него на ферме. А эта его жена! Вы видели, как она на меня посмотрела? Сама — пугало огородное, а еще нос задирает: крысолов, видите ли, ей не компания!

— Посмотри-ка, — перебил его Доктор. — Они, кажется, остановились и разворачиваются назад.

А дело было в том, что конь фермера, когда пробежал трусцой мимо, вдруг узнал в маленьком, тяжело шагающем по дороге человечке, самого знаменитого Джона Дулитла. Он много слышал о нем и не раз видел. Конь очень обрадовался, что его друг снова вернулся домой, и решил с ним поздороваться. Поэтому, не спросясь хозяина, он развернулся и поскакал обратно. Оторопевший фермер напрасно понукал его и натягивал вожжи.

Поравнявшись с Доктором, конь сказал:

— Здравствуйте. Куда путь держите?

— А, здравствуй, здравствуй. Мы идем в Гримблдон, на ярмарку, — ответил Джон Дулитл.

— Вот здорово, и мы туда же! — обрадовался конь. — Садитесь в двуколку, я вас подвезу. Там сзади старухи есть свободное место.

— Но ведь нас никто не приглашал, — сказал Доктор. — Посмотри, твой хозяин очень нервничает. Лучше не сердь его и беги, куда тебе велят. А о нас не беспокойся, мы как-нибудь сами доберемся.

Очень нехотя конь повиновался, развернулся и поскакал в Гримблдон. Но не пробежал он и получили, как ему стало ужасно стыдно. «Какой позор,

— подумал он. — Такой великий человек идет пешком, а эта деревенщина едет в двуколке. Пусть лучше меня повесят, но я этого так не оставлю».

И, притворившись, что его что-то напугало на дороге, конь опять круто развернулся, чуть не выбросив при этом седоков из повозки, и помчался галопом назад к Доктору.

Фермерша издала пронзительный вопль, ее муж изо всех сил вцепился в вожжи, но конь не обратил на это ни малейшего внимания. Добежав до Доктора, он начал вставать на дыбы, прыгать и лягаться, как необузданный жеребенок.

— Сейчас же полезайте в повозку, Доктор, — зашептал он Джону Дулитлу. — Полезайте, или я сброшу этих болванов в канаву!

Напуганный Доктор одной рукой схватил коня за уздечку, а другой похлопал его по носу. Эффект получился поразительный. Конь сразу же стал тихим и нежным, как ягненок.

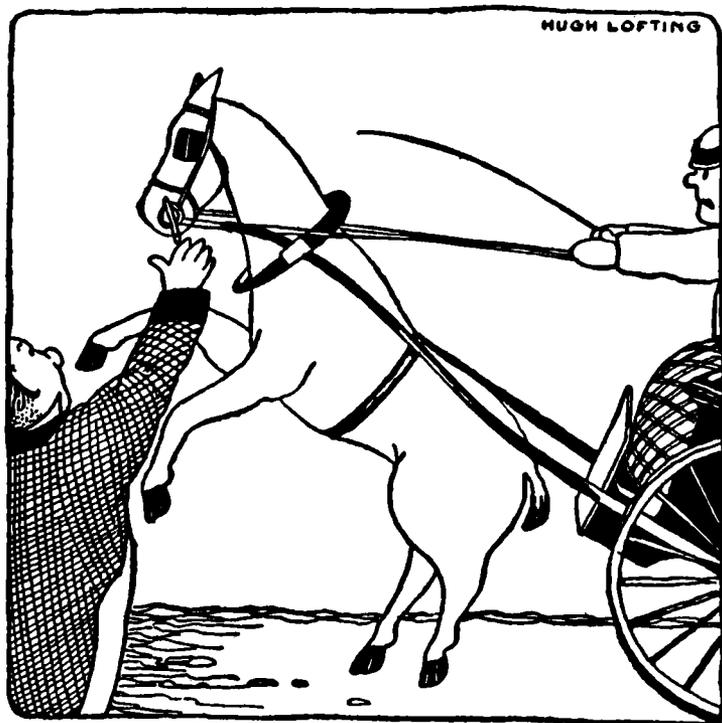
— Ваш конь немного возбужден, сэр, — сказал Джон Дулитл фермеру. — Может, вы мне позволите занять ваше место ненадолго? Я ветеринарный врач и сумею с ним справиться.

— Да, конечно, садитесь, — согласился фермер. — Мне всегда казалось, что уж в лошадях-то я кое-что понимаю. Но почему-то сегодня с этой бестией совершенно невозможно сладить...

Итак, Доктор забрался в двуколку и взял в руки вожжи, а за ним, довольно ухмыляясь, полез и Мэтью Магг. Устроившись поближе к фермерше, он сказал:

— Прекрасный сегодня день, миссис Стайлс, не правда ли? Кстати, как поживают крысы в вашем амбаре?

Утро еще не успело закончиться, а друзья уже

Доктор схватил коня за уздечку.

добрались до Гримблдона. Народу в городе было полно. Повсюду царило праздничное оживление. На рынке, где продавался скот, в загонах красовались могучие быки, племенные свиньи, откормленные овцы и породистые тяжеловозы с вплетенными в гривы разноцветными ленточками. Улицы заполнили толпы зевак и, чтобы пробраться к огороженному забором месту, где расположился цирк, Доктору и Мэтью пришлось изрядно поработать локтями. Доктор уже начал беспокоиться, что за вход придется платить (а вы помните, что в кармане у него не было ни пенни), как вдруг увидел перед собой высокий помост с занавесом. Это сооружение очень походило на открытый летний театр. На сцене стоял здоровенный человек с огромными черными усами. Время от времени из-за занавеса выходили разные люди в ярких цирковых костюмах, и великан представлял их публике, рассказывая о всевозможных чудесах, которые они могут творить. И кто-бы ни появлялся на сцене: клоуны, акробаты или заклинатели змей — он всегда говорил, что они величайшие во всем мире артисты.

Это производило на публику громадное впечатление: каждый раз после очередного выхода артистов кто-нибудь из деревенских простаков начинал протискиваться к кассе у маленькой калитки, чтобы заплатить за билет и попасть в цирк за забором.

— Ну вот, мы и на месте, — прошептал Продавец Кошачьей Еды на ухо Доктору. — Ну как, разве я не говорил вам, что это потрясающий цирк? Поглядите-ка, народ просто валом валит!

— А кто этот великан — директор? — спросил Доктор.

— Ага, он самый. Александр Блоссом. С ним-то вам и надо поговорить.

Доктор начал потихоньку протискиваться поближе к сцене. Наконец он добрался до нее и стал знаками показывать директору, что хочет ему кое-что сказать.

Но Блоссом был так занят, выкрикивая имена артистов и расписывая чудеса, которые можно увидеть в его цирке, что не замечал маленького толстого человечка, отчаянно жестикулирующего посреди огромной толпы.

— Полезайте на сцену, — закричал Доктору Мэтью. — Там и поговорите.

Доктор послушался и полез на помост. Когда он туда взобрался, то вдруг с ужасом обнаружил, что стоит на сцене, а на него направлены сотни любопытных взглядов. От смущения он не знал, куда деваться. Но отступить было поздно и, собрав всю свою храбрость, он тронул за рукав орущего директора и вежливо произнес:

— Простите...

Мистер Блоссом тут же перестал кричать о «величайшем представлении на земле» и взглянул вниз на маленького толстячка, который так внезапно очутился рядом с ним.

— Э... э... — от смущения Доктор никак не мог решить, с чего же ему начать. Стало ужасно тихо. Потом в толпе начали хихикать.

Блоссом же, как все конферансье, никогда не терялся и редко упускал возможность кого-нибудь высмеять. И пока Дулитл мучительно соображал, что же ему все-таки сказать, директор снова повернулся к публике и, показывая на Доктора, закричал:

— А это, леди и джентльмены, — настоящий Шалтай-Болтай! Это он доставил королевской рати столько хлопот. Платите денежки и заходите. Вы

получите огромное удовольствие, когда он свалится со стены прямо на ваших глазах.

Толпа покатилась со смеху, а бедному Доктору стало совсем плохо, он готов был провалиться сквозь землю.

— Да поговорите же вы с ним, поговорите, — кричал ему снизу Продавец Кошачьей Еды.

Когда смех немного стих, Доктор решил попытаться счастья еще раз. Но только он раскрыл рот, как из толпы раздался душераздирающий вопль:

— Джон!

Пытаясь понять, кто же зовет его по имени, Доктор обернулся и начал вглядываться в толпу. Наконец он увидел того, кого искал. Это была женщина, яростно размахивающая зеленым зонтиком.

— Кто это? — удивился Мэтью.

— Господи помилуй, — простонал Доктор и, сгорая со стыда, начал спускаться со сцены. — Мэтью, мы пропали. Это — С а р а !

ГЛАВА 3

ДЕЛО СДЕЛАНО

— Ну здравствуй, здравствуй, Сара — смущенно забормотал Джон Дулитл, когда наконец добрался до обладательницы зеленого зонтика. — Как ты, однако, поправилась и похорошела!

— Ничего подобного, Джон, — свирепо отрезала Сара. Не будешь ли ты так любезен, милый братец, сказать мне, что все это значит? С какой стати ты кривляешься на сцене, как клоун? Мало того, что ты бросил врачебную практику ради каких-то мышей, лягушек и прочей гадости, теперь ты еще и паясничаеть. Неужели у тебя нет ни капли гордости? Ведь ты был лучшим врачом во всей западной Англии! Говори сейчас же, что ты делал на этой ужасной сцене!

— Ничего особенного. Я просто пытался устроиться в цирк на работу.

Сара охнула и схватилась за голову. Доктору показалось, что она вот-вот упадет в обморок.

Но тут к ним подошел высокий тощий джентльмен в одежде пастора, который все это время стоял неподалеку.

— Что случилось, дорогая? — спросил он и взял Сару под руку.

— Ланселот, — слабо проговорила она. — Познакомься: это мой брат Джон Дулитл. Джон — это преподобный Ланселот Дингл, приходской священник в Гримблдоне, мой муж. Но, Джон! Ты, наверное, шутишь? Работать в цирке — это так неприлично! А это еще кто с тобой? — добавила она, увидев приближающегося к ним Мэтью Магга.

— Это Мэтью Магг, — ответил Доктор. — Ты же его знаешь.

— Фу! Этот крысолов, — Сара поморщилась и даже закрыла глаза от отвращения.

— Вовсе нет. Он занимается торговлей мясом, — возразил Доктор. — Познакомьтесь: это преподобный Ланселот Дингл, а это мистер Магг. — И Доктор представил пастору своего оборванного и лоснящегося от грязи друга так, как будто тот был королем. — Мистер Магг — один из моих самых постоянных пациентов, — добавил он.

— Послушай, Джон, — смягчилась наконец-то Сара. — Если ты все-таки устроишься в цирк, обещаю тебе, что будешь выступать под каким-нибудь псевдонимом. Мне даже подумать страшно, что будет с нашей репутацией, если все узнают, что шурин пастора — обыкновенный циркач!

Доктор на минуту задумался, а потом сказал, улыбнувшись:

— Хорошо, Сара. Я придумаю себе другое имя. Но вдруг меня все-таки кто-нибудь узнает? Ты ведь не будешь на меня из-за этого сердиться, правда?

Распростившись с Сарой, Доктор и Мэтью снова отправились на поиски директора. Они нашли его у входа в цирк, подсчитывающего выручку. Публика уже разошлась, и теперь можно было спокойно поговорить. Джон Дулитл описал Блоссому Тяни-Толкая и сказал, что хотел бы выступить с ним в цирке. Директор сразу же захотел посмотреть на столь необычное животное и предложил Доктору привезти его в Гримблдон. Однако Доктор сказал, что будет лучше, если директор сам приедет к ним в Падлби. На том и порешили. Друзья объяснили Блоссому, как до-

браться до их городка, и очень довольные, что все получилось так, как они задумали, отправились домой.

Они плелись по дороге и жевали сэндвичи с сардинами, когда Мэтью вдруг спросил:

— Доктор, если Блоссом возьмет вас к себе в цирк, вы прихватите меня с собой? Я буду кормить животных, чистить клетки — в общем, делать все, что нужно. Вот увидите, я вам здорово пригожусь.

— Конечно, Мэтью, — ответил Доктор. — Но как же твоя собственная работа?

— Ах, эта.., — махнул рукой Мэтью, злобно вгрызаясь в сэндвич. — Разве там много заработаешь? К тому же мне до смерти надоело раздавать мясо раскормленным пуделям и кискам. Во всем этом нету... как же это называется, — задумавшись, он протянул руку с сэндвичем к небу, — нету... ни капли риска. А я по натуре парень рискованный, обожаю приключения. Всегда только их и искал. Даже когда в люльке еще лежал. Цирк — вот это я понимаю. Это настоящая жизнь. Настоящая работа для мужчины!

— А как же твоя жена? — спросил Доктор.

— Теодозия-то? А мы и ее возьмем с собой. Она тоже любит приключения. К тому же, она умеет штопать одежду, шить и делать всякую другую работу. Ну как, что вы об этом думаете, Доктор?

— Что я об этом думаю? — переспросил Доктор. Все это время он шел, глядя себе под ноги. — Я думаю о Саре.

— Ну и чудной же у нее муж. Этот, как его... господин преподобный Дэнгл.

— Дингл, — поправил Доктор. — Видно, он тоже любит риск. Да, как все-таки странно устроен мир — бедная моя Сара! Бедный старик Дингл!

*Задумавшись, Мэтью Маг
протянул руку с сэндвичем к небу.*

Этим же вечером, но уже совсем поздно, когда ярмарка в Гримблдоне закрылась, Александр Блоссом приехал к Доктору в Падлби. Джон Дулитл сразу отвел его на лужайку рядом с домом, где при свете фонаря пасся Тяни-Толкай. Вернувшись в библиотеку, директор тут же спросил:

— Сколько вы за него хотите?

— Нет, нет, что вы, — поспешно ответил Доктор.
— Он не продается.

— Да зачем он вам нужен? — удивился Блоссом.

— С первого взгляда видно, что циркач из вас не выйдет. Я дам вам за него двадцать фунтов!

— Нет, — сказал Доктор.

— Тридцать фунтов, — сказал Блоссом.

— Нет, — опять отказался Доктор.

— Сорок фунтов, пятьдесят фунтов, — продолжал настаивать директор. Он все увеличивал и увеличивал сумму, предлагая такие деньги, от которых глаза присутствующего при этом Мэтью Магга раскрывались все шире и шире, и, когда они уже готовы были совсем выскочить из орбит, Доктор сказал:

— Спорить бесполезно. Или вы берете меня вместе с Тяни-Толкаем, или никого. Я обещал ему, что буду лично следить, чтобы с ним хорошо обращались.

— Как это? — удивился директор цирка. — Разве не вы его хозяин? Кому же вы обещали?

— Тяни-Толкай сам себе хозяин, — ответил Доктор. — Он приехал сюда по моей просьбе. Поэтому обещание я давал ему самому.

— Что? Да вы, наверное, с ума сошли! — воскликнул директор.

Только Мэтью Магг собрался объяснить ему, что Доктор умеет разговаривать на языке зверей, как

Джон Дулитл знаком приказал ему молчать.

— Как вы не понимаете, — сказал он. — Я с ним ни за что не расстанусь. Вам придется взять нас обоих, или никого.

Тогда Блоссом сказал, что он на такие условия не согласен, надел свою шляпу и уехал. Горю и разочарованию Мэтью Магга не было предела.

Но не прошло и десяти минут, как директор вернулся. Он очень надеялся, что Доктор передумает и побежит догонять его. Однако этого не произошло. И Блоссому ничего не оставалось делать, как согласиться на все условия Доктора: Тяни-Толкаю и всем остальным он предоставит фургончик, в котором они будут путешествовать вместе с цирком; заработанные деньги будут делиться поровну между ним и Доктором; Тяни-Толкай сможет устраивать себе выходной в любой день и будет получать такую еду, какую только захочет.

Наконец Доктор с директором обо всем договорились, и, пообещав прислать утром фургончик, Блоссом собрался уходить.

— Кстати, вдруг сказал он, уже стоя на пороге. Я забыл спросить, как вас зовут?

Доктор хотел было ответить, но вдруг вспомнил о просьбе Сары.

— Зовите меня Джоном Смитом, — сказал он.

— Хорошо, мистер Смит. Я пришлю вам фургон завтра к одиннадцати часам утра. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Доктор.

Когда за директором захлопнулась дверь, все питомцы Доктора выскочили в коридор.

Все это время они прятались в разных уголках дома и подслушивали. Каждому не терпелось узнать, чем же закончатся переговоры. Теперь, когда директор ушел, они дали волю своим чувствам.

— Ура! — кричал Габ-Габ. — Ура цирку!

— Ну и ну, — сказал Мэтью Магг. — А вы, Доктор, оказывается, не промах! Заставили Блоссома согласиться на все наши условия. Да разве он мог упустить Тяни-Толкая? Прибежал обратно, как миленький, когда понял, что его дела плохи. Держу пари, он надеется на нас здорово подзаработать.

— Бедный старый дом, — вздохнула Даб-Даб, — умильно стирая пыль со шляпницы. — Мы опять бросаем тебя, и так скоро!

— Ура! — вопил Габ-Габ. Стоя на задних ножках, он пытался удержать шляпу Доктора на кончике своего пяточка. — Ура цирку! Пусть скорей наступит завтра! Хрю-хрю-хрю.

ГЛАВА 4

ДОКТОРА УЗНАЛИ

На следующее утро Даб-Даб разбудила всех очень рано.

— Вы не забыли, что мы должны собраться к одиннадцати? — сказала она. — Нам ведь еще нужно успеть позавтракать и вымыть посуду.

На самом деле, трудолюбивая хозяйка немного перестаралась. Она убралась и заперла дом за-долго до одиннадцати. И друзьям пришлось просидеть на крыльце несколько часов кряду, дожидаясь приезда фургона. У одного только Доктора не было ни одной свободной минуты. К нему нескончаемым потоком продолжали идти звери и птицы со всей округи. И каждый надеялся, что Доктор ему поможет.

Наконец Джип, бегавший на разведку, принес всей компании, собравшейся в саду, долгожданную весть:

— Наш фургончик уже за поворотом! — радостно затыкал пес. — Он такой красивый — желтый с красным.

Все очень обрадовались и начали хватать свои узелки. Габ-Габ тоже взял свой багаж — это был пучок редиски. Но как только поросенок начал спускаться с крыльца, чтобы побежать навстречу фургону, веревка лопнула и редиска рассыпалась по всему крыльцу...

Наконец на дороге показался фургончик. Когда друзья его увидели, у них даже перехватило дыхание от восторга — такой он был красивый. Он был сделан наподобие цыганской кибитки: с окошками,

дверью и трубой. Лучи утреннего солнца весело играли на его ярких красно-желтых боках.

Но конь, впряженный в этот великолепный фургончик, выглядел совсем иначе: он был очень старый и грустный. Доктор сказал, что давно уже не видел такого уставшего и изможденного животного. Поговорив с ним, он выяснил, что его зовут Беппо и в этом цирке он работает уже тридцать пять лет. Доктор тут же решил, что непременно скажет Блоссому, что Беппо пора отправить на заслуженный отдых доживать свой век в тишине и спокойствии.

Несмотря на то, что фургон был совсем новый, Даб-Даб, прежде чем внести туда багаж, тщательно подмела пол. Чтобы постельное белье Доктора не испачкалось, она связала его в узелок и спрятала подальше.

Когда все погрузили свои пожитки и сами залезли в фургон, Доктор заволновался, сможет ли старый Беппо тащить такой тяжелый груз. Чтобы помочь ему, он решил идти пешком и подталкивать фургон сзади. И хотя Беппо уверял, что справится сам, Доктор все равно не стал залезать в фургон.

Чтобы по дороге никто не смог увидеть Тяни-Толкая, друзья плотно закрыли дверь и задернули занавески. Наконец фургончик тронулся в путь. На козлах сидел человек, который привез фургончик в Падлби, а рядом с ним шагали Доктор и Мэтью Магг.

Когда они проезжали мимо деревенского рынка, возница остановился, чтобы купить себе кое-что из еды. Тут же вокруг нарядного фургончика собралась толпа зевак. Всех интересовало, куда они едут и что там внутри. Мэтью Маггу, которого распира-

ло от гордости, до смерти хотелось похвастаться, что они циркачи и едут выступать на ярмарку в Гримблдон, но Доктор запретил ему произносить какие-либо речи.

Они добрались до города около двух часов пополудни и въехали в цирк через заднюю калитку. Там их встретил сам Блоссом. Он ужасно удивился, когда увидел, какую странную компанию привез с собой Доктор.

Особенное недоумение у него вызвало появление поросенка. Но увидев Тяни-Толкая, директор так обрадовался, что тут же забыл обо всех остальных.

Он сразу же повел их на место, где им предстояло выступать. Это было сооружение, которое напомнило Доктору его первое свидание с Блоссомом. Оно представляло собой сцену, поднятую на три фута от земли. Снизу можно было увидеть, что на этой сцене находится небольшое помещение, сколоченное из досок и обтянутое холстом. Вход в него был закрыт ширмой, а сверху прибита табличка. Надпись на ней гласила:

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!
ТОЛЬКО У НАС УДИВИТЕЛЬНОЕ
ДВУХГОЛОВЕЕ ЖИВОТНОЕ
АФРИКАНСКИХ ДЖУНГЛЕЙ!
ВХОД — 6 ПЕНСОВ.

Таким образом, чтобы попасть в комнату за ширмой и посмотреть на Тяни-Толкая, нужно было подняться по ступенькам на сцену и заплатить деньги.

Все остальные питомцы Доктора и он сам должны были жить в своем фургончике, который поставили тут же, неподалеку от помоста. Даб-Даб сразу

начала хлопотать по хозяйству и создавать уют в их новом доме.

Блоссом хотел начать показывать Тяни-Толкая публике в тот же день, но Доктор категорически отказался.

— Любому дикому животному нужен отдых после такого долгого путешествия, — сказал он. — Кроме того, Тяни-Толкай еще очень пуглив и должен сначала привыкнуть к шуму и гаму цирковой жизни.

Блоссому это совсем не понравилось, но он был вынужден сдаться. Тяни-Толкай поместили в его новую комнату, и Доктор проверил, чтобы у него было все необходимое: и вода, и сено, и мягкая подстилка. После этого вся компания под предводительством великого Александра Блоссоба отправилась осматривать цирк и знакомиться с артистами.

Главное представление проходило только два раза в день (в два часа дня и в половине седьмого вечера) в большом шатре, раскинутом посередине циркового городка.

Вокруг этого шатра располагались палатки и балаганы поменьше. Войти в них можно было только за дополнительную плату. Чего и кого там только не было: и тир, и комната головоломок, и бородатые женщины, и дикари с острова Борнео, и карусели, и силачи, и заклинатели змей, и зверинец, и многое-многое другое.

Сначала директор повел Доктора и его друзей в зверинец. Этот зверинец представлял собой ужасно жалкое зрелище. Большинство животных были необыкновенно грязными и казались очень несчастными. Доктор так расстроился, что хотел тут же поругаться с Блоссомом, но его остановил Продавец Кошачьей Еды.

— Не вздумайте с ним сейчас ссориться, Доктор, — зашептал Мэтью ему на ухо. — Потом, когда Блоссом поймет, как ему выгодно с вами работать, он сделает все, о чем вы его попросите. А если вы взбрыкнете сейчас, он нас просто выгонит. Тогда вы уж точно ничем не сможете помочь этим бедным животным.

Совет Мэтью показался Доктору разумным, и он утешился тем, что подходил к каждой клетке и шептал ее обитателю, что постарается чем-нибудь ему помочь.

В это время в зверинец вошла группа деревенских жителей. Такой же грязный, как и его заведение, зритель начал показывать им животных. Остановившись перед клеткой, в которой томился маленький мохнатый зверек, он закричал:

— А это, дамы и господа, знаменитый Хури-Гури из лесов Патагонии. Он умеет висеть вниз головой, цепляясь за ветки хвостом. Проходите к следующей клетке!

Доктор с Габ-Габом подошли поближе, чтобы посмотреть на знаменитого Хури-Гури.

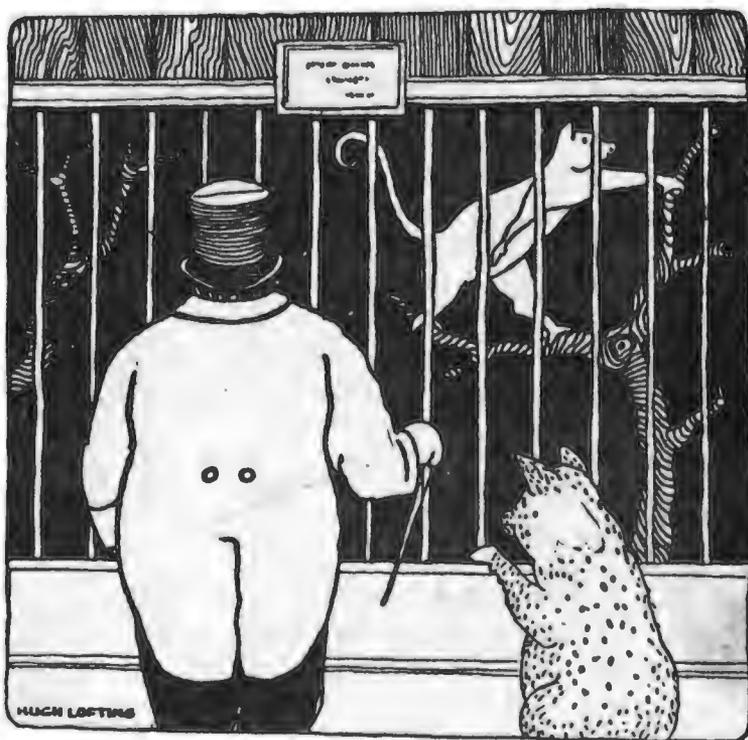
— Да это же обыкновенный американский опосум из семейства мамасумов! — воскликнул Доктор.

— Откуда вы знаете, что это мама-сум? — удивился поросенок. — У него же нет с собой детенышей. Может быть, это папа-сум!

— Какой же ты глупенький, Габ-Габ, — вздохнул Доктор. — Мамасумы — это название семейства, что значит — сумчатые.

— А вот это, — снова закричал зритель. — Самый большой слон, живущий в неволе!

— Самый маленький из всех, которых мне когда-либо приходилось видеть, — пробормотал Доктор.

— Да это же обыкновенный опоссум, —
воскликнул Доктор.

Тут Блоссом предложил им сходить в соседний шатер, посмотреть на Фатиму, заклинательницу змей, и они вышли из тесного, дурно пахнущего зверинца на свежий воздух. Доктор проходил мимо клеток, понурив голову и не отрывая глаз от пола. Ему было ужасно неловко, что он не может поговорить с животными. Звери же, конечно, узнали знаменитого Джона Дулитла и знаками показывали ему, чтобы он остановился и побеседовал с ними.

Когда вся компания вошла в шатер заклинательницы змей, посетителей там не было. На маленькой сцене сидела сама Принцесса Фатима и пудрила свой огромный нос. При этом она беспрестанно чертыхалась. Рядом с ней стояла большая коробка со змеями. Мэтью Магг заглянул в нее и, задохнувшись от ужаса, бросился вон из шатра.

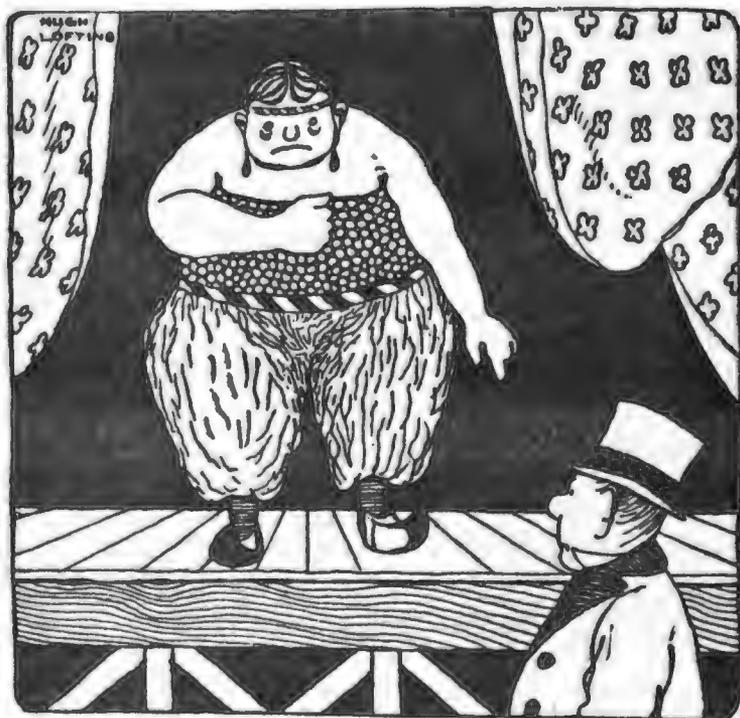
— Стой, Мэтью, — позвал его Доктор. — Не бойся, они совершенно безобидные!

— Кто сказал, что безобидные? — завопила Фатима. — Ноздри ее раздувались от гнева, а глаза свирепо засверкали. — Это же королевские кобры из Индии. Ядовитее не бывает!

— Вот уж неправда, — возразил Доктор. — Это американские черные змеи, совсем не ядовитые. — И он ласково погладил одну из змей по ее маленькой головке.

— Не трожь моих змей, — опять завопила Принцесса. — Или я снесу твою чертову башку!

Тут Блоссом весьма кстати сообразил, что ему пора вмешаться и познакомить разъяренную заклинательницу с мистером Смитом. Но в этот момент отрылась дверь и в шатер зашло еще несколько посетителей, которым очень хотелось посмотреть на представление. Блоссом отвел Доктора в угол и шепотом сообщил ему:

— Не трожь моих змей! —
завопила Принцесса.

— Она просто великолепна, Смит. Одна из лучших моих артисток. Сейчас вы сами увидите.

За занавесом кто-то начал бить в барабан и играть на свирели. Фатима встала, достала из коробки двух змей и повесила их себе на шею.

— Увазяемые леди и зентельмены. Прошу тютючку поближе, — засюсюкала она. — Вам будет луце видно.

— Что это она так странно говорит? — шепотом спросил Габ-Габ у Доктора.

— Тише... Я полагаю, она думает, что говорит с восточным акцентом, — ответил он.

— Кажется мне, что это какой-то странный акцент, — пробормотал Габ-Габ. — Какая же она дряблая и жирная!

Заметив, что Фатима не производит на Доктора должного впечатления, директор повел их в шатер силачей. По дороге туда Габ-Габ случайно увидел представление Петрушки Панча и его жены Джуди. Он остановился там как раз в тот момент, когда собачка Тоби укусила Панча в нос. Это так понравилось поросенку, что он не захотел уходить, и его с трудом смогли оттащить от сцены, на которой разыгрывалась веселая комедия. Надо сказать, что представление Панча и Джуди стало впоследствии самым любимым развлечением Габ-Габа в цирке. Он не пропустил ни одного спектакля, и хотя на сцене каждый раз происходило одно и то же, ему никогда не надоедало смотреть на препирательства Петрушки и его жены.

В палатке, где выступали силачи, кучка деревенских парней наблюдала, как огромный великан поднимает тяжеленные гири. Джону Дулитлу это представление очень понравилось, и он тоже стал хлопать вместе со всеми. Тут уже не было ника-

кого обмана. У силача было открытое честное лицо и здоровенные мускулы. Доктор сразу почувствовал к нему расположение.

Подождав, когда утихнут аплодисменты, великан начал выполнять особенно сложный трюк. Он лег на спину, а себе на ноги положил тяжеленную штангу. После этого он начал поднимать ноги до тех пор, пока они не приобрели вертикальное положение. Здесь кроме силы требовалось еще и умение сохранять равновесие. Иначе бы штанга упала и непременно покалечила тяжеловеса. Но когда он наконец поднял ноги, вдруг раздался громкий треск. Это одна из досок сцены не выдержала и провалилась. Штанга тут же закачалась и упала прямо на грудь бедному парню.

Зрители закричали от ужаса, а Блоссом прыгнул на сцену. Чтобы снять штангу с груди силача, потребовалась помощь еще двоих мужчин. Но даже после этого великан не поднялся. Он лежал, не двигаясь, глаза его были закрыты, а лицо — белое, как полотно.

— Позовите врача! — закричал Блоссом Продавцу Кошачьей Еды. — Он без сознания, бегите за доктором, быстро!

Но Джон Дулитл был уже на сцене рядом с бездыханным телом великана.

— Уйдите с дороги, я осмотрю его, — сказал он директору.

— Да вы-то что можете сделать? Он сильно покалечился. Посмотрите, он едва дышит. Надо срочно послать за доктором.

— Я сам доктор, — сказал Джон Дулитл. — Мэтью, беги в наш фургон и принеси сюда мою маленькую черную сумочку.

— Вы — доктор? — Блоссом поднялся с колен.
— Мне кажется, вы называли себя мистером Смитом.

— Конечно, он дохтур и есть, — раздался чей-то голос из толпы. — Когда-то он был самым лучшим дохтуром в наших краях. Я его знаю. Дулитлом его звать. Джоном Дулитлом из Падлби-на-болоте.

ГЛАВА 5

ДОКТОР РАЗОЧАРОВЫВАЕТСЯ

Осмотрев силача, Доктор обнаружил, что у него сломаны два ребра. Однако он успокоил всех, сказав, что благодаря своей недюжинной силе и могучему сложению, великан сумеет быстро поправиться. Бедного парня отнесли к нему в вагончик и уложили в постель. С тех пор Доктор навещал его четыре раза в день, а Мэтью даже оставался у великана спать, на случай, если тому что-то понадобится ночью.

Силач (он выступал под псевдонимом Геркулес) был очень благодарен Доктору и сильно привязался к нему за время своей болезни. Надо сказать, что дружба с Геркулесом очень помогла Джону Дулитлу впоследствии, но об этом вы узнаете позже.

Ложась спать в первый вечер, Доктор подумал, что его цирковая карьера началась не так уж плохо: хотя он и нажил себе врага в лице Фатимы, но приобрел и нового друга — силача Геркулеса.

После несчастного случая с Геркулесом Джону Дулитлу больше не имело смысла скрывать свое настоящее имя. И вскоре все циркачи называли его Доктором или просто Доком. Силач так его расхвалил, что от пациентов теперь не было отбою. Оказалось, что у каждого что-нибудь да болит, и все, начиная с бородатой женщины и кончая клоунами, обращались к Доктору за советом.

На следующий день Тяни-Толкай впервые предстал перед публикой. Его успех превзошел все ожидания. У кассы собралась огромная толпа желающих взглянуть на невиданное двухголовое жи-

вотное. Сначала Тяни-Толкай так стеснялся, что чуть не умер. Чтобы не видеть глазающих на него посетителей, он все время пытался зарыть в солому одну из своих голов. Но зрители начали возмущаться и говорить, что их обманывают. Ведь им была видна только одна голова животного, похожего на ослика. Пришлось Доктору с ним поговорить.

— Я тебя очень прошу, — сказал он, — держи на виду обе свои головы. Тебе вовсе не обязательно смотреть на людей. Ты даже можешь повернуться к ним спиной. Главное, чтобы они убедились, что у тебя действительно две головы.

Но, несмотря на то, что теперь обе головы стали прекрасно видны, некоторые глупцы все еще продолжали утверждать, что их обманывают. И когда двое парней начали тыкать Тяни-Толкаю палками, чтобы доказать, что одна из его голов набита опилками, он так рассердился, что мотнул изо всех сил обеими своими головами, ударив при этом наглецов прямо в живот. После этого они уже не требовали доказательств, что он весь живой и настоящий.

Чтобы Тяни-Толкаю больше никто не мог обидеть, Доктор попросил Продавца Кошачьей Еды охранять его. И Мэтью, поручив Теодозии ухаживать за Геркулесом, с удовольствием приступил к этой своей новой работе. Однако, даже несмотря на заботу Мэтью, бедному Тяни-Толкаю вначале приходилось очень тяжело. Но когда Джип рассказал ему, сколько денег приносят его выступления, он решил выдержать все унижения ради Доктора. И хотя его мнение о людях сильно ухудшилось, постепенно он начал привыкать к глазающим на него физиономиям и даже научился отвечать им взглядом (всех своих четырех глаз), полным бесстрашного превосходства и презрения. Надо сказать, что люди этого вполне заслуживали.

Во время представления Доктор обычно сидел на стуле рядом со сценой и собирал шестипенсовые монеты. При этом он улыбался каждому проходящему мимо посетителю, как своему старому другу. Правда, иногда ему действительно встречались знакомые, например, пожилая дама с ревматизмом, сквайр Дженкинс и некоторые соседи из Падлби. Рядом с Доктором неизменно сидела Даб-Даб. Она зорко следила, чтобы он не пропускал детей бесплатно. Стоило ей только на минутку отвлечься, как на сцену уже забирался какой-нибудь мальчишка, не заплативший ни пени. Бедная домохозяйка без конца ругала за это Доктора.

Каждый вечер в фургон к Джону Дулитлу приходил Блоссом. Они вместе подсчитывали и делили выручку. При этом всегда присутствовал филин Гу-Гу (который, надо признаться, неплохо разбирался в арифметике). Он следил, чтобы каждый обязательно получил равную долю денег.

Хотя Тяни-Толкай пользовался большим успехом, Доктор скоро понял, что пройдет немало времени, прежде чем они смогут вернуть моряку долг. Ведь вся его компания жила только на заработанные Тяни-Толкаем деньги. Кроме этого, его устраивало и многое другое. Большинство аттракционов в цирке Блоссоба было основано на обмане зрителей. Например, все азартные игры устраивались таким образом, чтобы наивные посетители проигрывали. Доктору, который всю свою жизнь ненавидел ложь и обман, было очень стыдно, что он работает в таком не совсем честном заведении.

Но больше всего Джона Дулитла беспокоило положение животных. Он чувствовал, что они грубо несчастны. В самый первый вечер в цирке, когда все артисты уже разошлись по своим палаткам

— Джон Дулитл и Блоссом вместе
подсчитывали и делили выручку.

и фургонам и в цирковом городке стало необычайно тихо, Доктор отправился в зверинец. Там на него обрушился целый поток жалоб. Звери рассказывали ему, что кормят их очень плохо, клетки совсем не убирают, многие вольеры тесны...

Доктор выслушал каждого и пришел в такое негодование, что тут же отправился к Блоссому. Он сказал ему, что жизнь зверей в цирке просто невыносима, и перечислил все, что, по его мнению, нужно сделать, чтобы ее улучшить.

Директор выслушал Доктора до конца, а потом рассмеялся ему прямо в лицо:

— Да вы что, Док! Если бы я сделал все, о чем вы меня просите, я бы давно разорился. Отправить лошадей на пенсию! Отослать опоссума домой в Америку! Заставлять зрителей целыми днями чистить клетки! Выгуливать зверей каждый день — как будто это не цирк, а пансион для благородных девиц! Да вы что, с ума сошли? Вы ничего не понимаете в правилах игры. Разве я не согласился на все ваши условия? Разве я не разрешил вам делать все, что вы хотите? А остальное — уж моя забота! Я не позволю, чтобы в мои дела кто-то вмешивался. Я уже и так терплю убытки из-за Геркулеса и не собираюсь разоряться только из-за того, что вам в голову пришли эти бредовые благотворительные идеи! Это мое последнее слово!

С тяжелым сердцем Доктор вышел от Блоссомы и направился к себе в фургончик. На его ступеньках сидел Мэтью Магг и курил трубку. Неподалеку от него старый конь Беппо щипал при свете луны пожухлую траву.

— Чудесная ночь, правда? — сказал Мэтью, завидев Доктора. — Ба, да вы никак чем-то расстроены! Что случилось?

— Расстроен, — повторил Доктор. — Не то слово. Хуже не бывает. Я только что разговаривал с Блоссомом. Просил его, чтобы он хоть немного позаботился о своих зверях. Да какое там... Он и пальцем не намерен пошевелинуть. Наверное, я уйду из цирка, Мэтью.

— Вот тебе и на! — воскликнул Мэтью. — Да вы же еще и работать толком не начали! Блоссом даже не знает, что вы умеете говорить на языке зверей. И потом, разве все цирки должны быть плохими? Вот погодите, у вас будет свой цирк — самый хороший, самый чистый, самый честный. Каждому захочется попасть в такой цирк. К вам будут приезжать со всего света! Но сначала нужно заработать денег. Что это вы так рано нос повесили?

— Ничего из этого не выйдет, Мэтью, — вздохнул Доктор. Я не могу помочь бедным животным. А оставаться и смотреть на их страдания — выше моих сил.

В этот момент старый конь Беппо, услышав голос друга, подошел поближе и ласково уткнулся мордой прямо Доктору в ухо.

— Привет, — сказал ему Джон Дулитл. — Боюсь, Беппо, я уже ничем не смогу тебе помочь. Мне очень жаль, но, наверное, я уйду из цирка.

— Как же так, Доктор! — тихонько заржал конь. — Вы — наша последняя надежда. Только сегодня утром я случайно услышал разговор слона с Говорящей Лошадью (знаете, той самой, что выступает в большом представлении). Они говорили: «Какое счастье, что теперь Доктор с нами». Конечно, за одну минуту ничего не изменишь. Нужно немножко потерпеть. Если вы уйдете, у зверей не останется никакой надежды, что их жизнь изменится к лучшему. А если останетесь — то совсем скоро сами

станете директором и будете управлять цирком так, как нужно. Пока мы с вами, нам нечего бояться. Только не бросайте нас! Вот увидите: настанет день, когда «Цирк Доктора Дулитла» будет самым великим из всех цирков на свете.

Доктор на минуту задумался. Мэтью, который ничего не понял из этого разговора, никак не мог дожждаться, что же он решит.

— Ну? — спросил он наконец. — Вы остаетесь?

— Да, Мэтью, — ответил Джон Дулитл. — Я понял, что должен остаться. Поступить по-другому я сейчас не могу. Спокойной ночи.

В субботу ярмарка в Гримблдоне закрылась, и цирк собрался переезжать в другой город. Чтобы сложить и погрузить в фургоны все палатки и балаганы, нужно было хорошо потрудиться. И все воскресенье в цирке кипела работа. Повсюду бегали люди и выкрикивали какие-то приказания. Рабочие сворачивали палатки, разбирали помосты и грузили их в фургоны. И вечером огромная поляна, которая только вчера еще была такой веселой и нарядной, вдруг превратилась в обыкновенную скучную и замусоренную площадку.

Из питомцев Доктора только Даб-Даб участвовала в общей суматохе, остальные же наслаждались новизной и необычностью всего происходящего.

Друзей позабавило то, как изменилась внешность многих артистов, когда они сменили свои цирковые костюмы на обычную одежду. Габ-Габ даже растерялся: попробуй теперь кого-нибудь узнать. Клоун смыл краску с лица, Фатима сняла свой роскошный восточный костюм и превратилась в респектабельную уборщицу, собравшуюся в отпуск. Дикарь с острова Борнео надел галстук и воротничок и начал разговаривать, как все нормаль-

ные люди. А бородатая леди сняла свою бороду, сложила ее и упаковала в чемодан.

Наконец, когда все сборы закончились, процессия цирковых фургонов двинулась в путь. Город, куда они направлялись, находился в пятидесяти милях от Гримблдона. Естественно, проехать такое расстояние за один день было невозможно, поэтому циркачи решили заночевать где-нибудь у дороги. Для компании Джона Дулитла это путешествие стало настоящим удовольствием. Днем они любовались из окошка на проплывающие мимо поля и деревни, а ночью вкушали все прелести цыганской жизни, останавливаясь на ночлег, где придется.

Джип всю дорогу охотился за крысами, выгоняя их из придорожных канав. Иногда, учуяв запах лисицы, он убегал чересчур далеко, но, так как цирковые кибитки передвигались очень медленно, всегда успевал догнать их. Габ-Габ же развлекался тем, что все время пытался угадать, где же они остановятся заночевать на этот раз.

Но больше всего питомцы Доктора любили поздний вечер, когда процессия останавливалась на ночь. Тогда у дороги разжигали костер и ставили на огонь чайник. Потрескивание дров и аромат чая, как нельзя лучше, поднимали настроение и располагали к беседе. В это время к Джипу обычно прибегали двое его друзей — Свисток, дворняжка клоуна, и Тоби — пудель Панча и Джуди. Они очень любили компанию Доктора и тоже мечтали, чтобы он стал директором цирка. И в перерывах между удивительными историями из собачьей жизни, которые они всегда с увлечением рассказывали, Тоби со Свистком уверяли Доктора, что в «Цирке Дулитла» всегда будет царить справедливость и поэтому он будет самым лучшим на земле.

Джон Дулитл всегда утверждал, что у собак характеры бывают такие же разные, как и у людей. Он даже написал об этом книгу, которая называлась «Психология собак». Но большинство врачей-психотерапевтов сочли ее недостойной своего внимания. «Фу! — восклицали они. — Только слабоумный может выбрать такую тему для исследования». Надо признать, что говорили они это только для того, чтобы скрыть, что ни капли не смыслят в данном вопросе.

Само собой разумеется, что у Свистка и у Тоби характеры были совершенно непохожи. Свисток с виду был обыкновенной дворнягой, но при близком знакомстве с ним выяснилось, что у него совершенно необыкновенное чувство юмора. Он мог превратить в шутку все, что угодно. Возможно, это объяснялось тем, что Свисток работал вместе с клоуном и в его обязанности входило смешить людей. Но кроме того, юмор был и его жизненной философией. Он не раз рассказывал Доктору и Джипу, что еще маленьким щенком понял, что в жизни нельзя ни к чему относиться серьезно. Он всегда мог оценить самую хитроумную шутку и веселился даже тогда, когда смеялись над ним самим.

Именно эта способность Свистка тонко чувствовать юмор и натолкнула Доктора на мысль издавать первые юмористические газеты для животных. Впоследствии, когда он организовал «Клуб мышей и крыс», ему удалось осуществить этот замысел. Газеты назывались «Жизнь погребя», «Подвальный юмор». Они несли свет развлечений тем, кто живет в темноте.

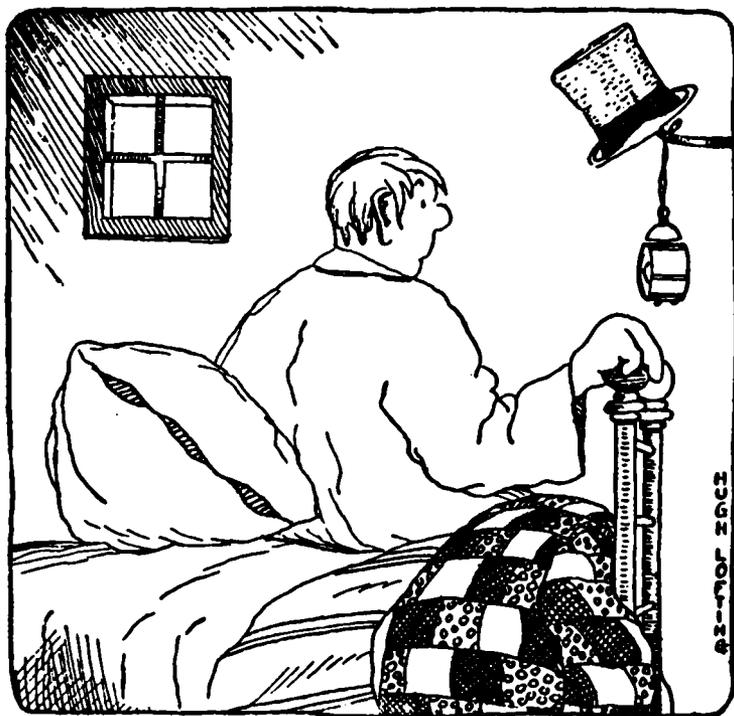
Характер Тоби отличался от характера Свистка, как земля и небо. Этот белый карликовый пудель относился к себе и к жизни со всей серьезностью.

Самой главной чертой его характера была решимость получить от жизни все, что ему, по его мнению, полагалось. Хотя, надо заметить, что при этом он совсем не был эгоистом. Доктор часто говорил, что такая «деловая хватка» часто встречается среди маленьких собак, которые вынуждены компенсировать свой небольшой рост излишней наглостью и агрессивностью. Когда, например, Тоби прибежал в первый раз в фургончик Доктора, он тут же забрался к нему на кровать и свернулся там калачиком. Страшно возмущенная такой наглостью Даб-Даб попыталась его согнать, но пудель даже и не подумал сдвинуться с места. Он сказал, что хозяин кровати — Доктор, а он ничего не имеет против. И с тех пор, прибегая в гости к Дулитлу, Тоби всегда устраивался на его постели. Как видите, эту привилегию он получил только благодаря своему нахальству. Тоби всегда требовал для себя привилегий и обычно получал их.

Пожалуй, только в одном Тоби со Свистком были похожи. Они оба ужасно гордились своей дружбой с Джоном Дулитлом, которого они считали величайшим человеком на свете.

Однажды вечером цирк, как всегда, остановился у дороги на ночь. Почти вся компания Доктора была в сборе. Не было только одного Габ-Габа, который побежал на соседнюю ферму посмотреть, нет ли там в свинарнике его сородичей. Ночь была очень холодной, поэтому друзья решили не разводять костер на улице, а посидеть в фургончике. Как только Даб-Даб поставила чайник, прибежали и Тоби со Свистком. Все расселись вокруг теплой печки и принялись болтать.

— Вы слышали новость, Доктор? — спросил Тоби, запрыгнув по своему обыкновению к нему на кровать.

Утром Джон Дулитл чувствовал себя
совершенно разбитым.

— Нет. Какую новость?

— В городе Эшби, куда мы сейчас едем, мы заберем Софи.

— А кто это, Софи? — спросил Доктор, доставая свои тапочки из-за печки. — Первый раз про нее слышу.

— Софи — это дрессированная тюлениха, — объяснил Тоби. — Она умеет жонглировать мячиками и делать разные трюки в воде. Месяц тому назад она заболела, и Блоссом оставил ее в Эшби. А теперь она выздоровела и будет снова у нас работать. Завтра дрессировщик привезет ее в цирк. Софи — отличная девчонка. Правда, немного сентиментальная. Я уверен, что она вам понравится.

Цирк приехал в Эшби в среду вечером. А уже на следующее утро он должен был открыться для посетителей. Поэтому всю ночь напролет циркачи трудились при свете факелов: они ставили шатры и палатки, сбивали помосты и натягивали тенты от солнца. Даже когда помещение для Тяни-Толкая было готово и компания Доктора отправилась отдыхать, уснуть все равно не удалось. Всю ночь земля сотрясалась от ударов молотков и слышались крики рабочих. Когда же наконец забрезжил рассвет, солнечные лучи осветили палаточный городок, построенный всего за одну ночь.

Утром Джон Дулитл чувствовал себя совершенно разбитым. Поднимаясь с постели, в которой он и глаз не сомкнул за всю ночь, он подумал, что все-таки к кочевой жизни нужно долго привыкать. Позавтракав, Доктор поручил Мэтью присматривать за Тяни-Толкаем, а сам отправился знакомиться с дрессированной тюленихой.

ГЛАВА 6

СОФИ С АЛЯСКИ

Софи участвовала в главном представлении два раза в день. Обычно она выступала после акробатов на трапеции, братьев Пинто, и Говорящей Лошади. В остальное же время ее можно было увидеть в небольшом балагане неподалеку от входа в цирк.

Каждый желающий мог заплатить три пенса за вход и посмотреть, как она ныряет в бассейне за рыбкой и делает разные забавные трюки.

Когда Доктор подошел к балагану Софи, посетителей там еще не было. Он поздоровался с дрессировщиком, который завтракал, сидя на ступеньках, и зашел внутрь. Там он увидел вырытый в земле бассейн около двенадцати футов шириной. Бассейн опоясывала огороженная решеткой платформа, откуда зрители могли наблюдать за представлением. Сама Софи грустно плескалась в грязной воде. Это была очень красивая тюлениха, пяти футов в длину, с гладкой блестящей шкурой и умными глазами. Когда же Доктор заговорил с ней на ее родном языке и Софи поняла, кто перед ней, она вдруг разразилась потоком слез.

— Что случилось? Почему ты плачешь? — удивился Доктор. Но тюлениха не отвечала и продолжала рыдать. — Успокойся, пожалуйста, — попросил ее Джон Дулитл. — Сейчас же успокойся и прекрати истерику. Ты что, все еще болеешь? Мне сказали, что ты выздоровела.

— Ах да, конечно, выздоровела, — пролепетала Софи сквозь слезы. — Это было обычное расстрой-

ство желудка. Знаете, они все время кормят нас этой тухлой рыбой.

— Так в чем же тогда дело? Почему ты плачешь?

— Я плачу от радости, — сказала Софи. — Как раз перед тем, как вы сюда вошли, я думала о том, что единственный человек на свете, который мог бы мне помочь, — это Джон Дулитл. Я знаю вас благодаря почте и «Арктическому журналу», который приходил к нам на Аляску каждый месяц. Я даже посылала вам свои статьи по подводному плаванию, может быть, вы помните? Одна из них называлась «Спорт Аляски», в ней я рассказывала о двойном махе ластами. Эту статью напечатали в августовском номере. Мы ужасно расстроились, когда вам пришлось закрыть «Арктический журнал». Его так любили все тюлени и морские котики.

— Но почему же ты все-таки плачешь? Что стряслось? — опять спросил Доктор.

— Ах, да, — Софи вновь зарыдала. — Вот видите, как я вам рада! Я даже забыла на минуту о своем горе. Сначала я подумала, что вы обычный посетитель. Но когда вы заговорили со мной на моем родном языке, да еще и на диалекте тюленей Аляски, я поняла, что передо мной — знаменитый Джон Дулитл, единственный человек в мире, которого я так мечтала встретить! Я так обрадовалась, что...

— Подожди, подожди, — перебил ее Доктор. — Сейчас ты снова расплачешься. Лучше расскажи мне о своей беде.

— Хорошо, — согласилась Софи. — Значит так. Когда я... в.

Но в этот момент снаружи послышался какой-то шум и звяканье ведра.

— Тише! Кажется, сюда идет твой дрессировщик, — быстро прошептал Доктор. — Пожалуйста, про-

должай нырять, как ни в чем не бывало. Я не хочу, чтобы он узнал, что я умею разговаривать с животными.

Тут вошел смотритель с ведром. Он собирался помыть пол. Окинув взглядом тихого маленького толстячка в помятом цилиндре, он решил, что это обыкновенный посетитель, на которого можно не обращать внимания, и приступил к уборке. Как только он вымыл пол и ушел, Софи продолжила свой рассказ.

— Вы знаете, — сказала она, — когда я заболела, мы гастролировали в Хэтли. Это такой городок на море. Так вот, мы остались там с Хиггинсом (так зовут моего дрессировщика) на две недели, а цирк Блоссомы уехал. В этом городке, прямо на побережье, есть маленький зоопарк, в котором устроены специальные искусственные пруды для выдр и тюленей. Однажды Хиггинс разговорился с дрессировщиком этих тюленей и сказал ему, что я заболела. Тот решил, что мне нужна компания и предложил выпустить меня в этот пруд. Так я оказалась среди своих сородичей. Скоро я познакомилась с одним старым тюленем, который был из тех краев, что и я, — его привезли в Хэтли из Берингова пролива. Так вот, этот тюлень и рассказал мне, что случилось с моим мужем. Это были очень плохие новости. С тех пор, как меня поймали, мой муж очень страдает и даже отказывается есть. Раньше он был вожаком всего нашего стада, но после того, как я его покинула, он стал так худеть и слабеть от переживаний, что вместо него выбрали другого тюленя. Многие даже считают, что он долго не проживет. — Тут Софи снова тихонько заплакала. — Ах, как я его понимаю! Мы ведь так любили друг друга! Он был очень большой и сильный, поэтому

ни один тюлень в стаде не осмеливался с ним спорить, но без меня он стал совершенно беспомощным, как ребенок. Он ведь привык полагаться на меня во всем. А я даже не знаю, что с ним сейчас происходит. Это просто ужасно!

— Да... — протянул Доктор и задумался. — Подожди минутку, не плачь. Как ты думаешь, что тебе нужно делать?

— Я должна отправиться к нему, вернуться на Аляску, — твердо ответила тюлениха. Она поднялась из воды и развела своими лапами, как руками. — Я должна быть рядом с ним. Тогда он снова станет самым лучшим вожаком. Я так надеялась, что смогу убежать из Хэтли, но это оказалось невозможным.

— Хм, — пробормотал Доктор. — Но до Берингова пролива ужасно далеко. Ума не приложу, как ты сможешь туда добраться!

— Вот как раз об этом я и хотела с вами поговорить. Конечно, по суше я передвигаюсь очень медленно, но стоит мне добраться до моря, — тут тюлениха с такой силой взмахнула хвостом, что половина воды выплеснулась из бассейна, — считайте, что я уже на Аляске. Вот почему я хочу попасть обратно в Хэтли.

— Понятно, — сказал Доктор, стряхивая воду с ботинок. — Я вижу, что ты превосходная пловчиха. Но скажи мне, как далеко отсюда до побережья?

— Около ста миль, — ответила Софи. — Ах, мой дорогой, мой бедный Слаши! Мой бедный, бедный Слаши! — рпять зарыдала она.

— Бедный кто? — спросил Доктор.

— Слаши. Так зовут моего мужа. Он во всем мне доверялся. Мой бедный дурачок Слаши! Что же мне делать? Что делать?

— Я должна вернуться на Аляску, —
ответила тюлениха.

— Послушай, — перебил тюлениху Джон Дулитл. — это не так-то просто — переправить тебя тайно к морю. Конечно, я не говорю, что это невозможно. Но здесь все нужно хорошенько обдумать. Может быть, мне удастся освободить тебя как-нибудь по-другому, никого не обманывая. Не волнуйся, мы что-нибудь придумаем. Для начала я пошлю с какой-нибудь птицей весточку твоему мужу, чтобы он узнал, что у тебя все в порядке, и не переживал так сильно. Этот же почтальон принесет нам известия и о твоём муже, и ты будешь знать, что с ним. А сейчас постарайся развеселиться. Посмотри, сюда идут люди. Они, кажется, хотят посмотреть на твоё представление.

В этот момент в сопровождении Хиггинса в балаган вошла учительница с группой детей. Они не обратили никакого внимания на маленького толстячка, который быстро пробирался к выходу, хитро улыбаясь себе под нос. Скоро дети веселились от души, глядя на выкрутасы большой тюленихи в бассейне. Хиггинс же решил, что Софи окончательно выздоровела, так как никогда прежде он не видел её такой веселой и счастливой.

ГЛАВА 7

ПОСЛАНЕЦ С СЕВЕРА

Поздно вечером Доктор позвал филина Гу-Гу и они отправились к тюленихе.

— Софи, — сказал Доктор, подойдя к бассейну. Я привел тебе своего друга филина. Ты должна ему рассказать, как найти на Аляске твоего мужа. Он отправится к морю и передаст чайкам, летящим на северо-запад, твое послание. Ах да, я забыл вас познакомить. Софи, это Гу-Гу, самая умная птица из всех, которых мне доводилось знать. Он — отличный математик!

Гу-Гу сел на решетку, и Софи подробно рассказала ему, как добраться до Слаши, а потом продиктовала свое длинное и нежное послание, которое завершалось словами: «Пусть верит — я вернусь!» Когда она закончила, филин сказал:

— Думаю, что мне нужно лететь в Бристоль, Доктор. Отсюда это ближайший город на побережье. Кроме того, в тамошней гавани живет очень много чаек. Я попрошу кого-нибудь из них выучить послание Софи и передать его на Аляску.

— Замечательно, Гу-Гу, но понимаешь, все это нужно сделать как можно быстрее. У нас очень мало времени. Было бы лучше, если бы ты нашел какую-нибудь морскую птицу, которая проделала бы весь путь сама — от начала до конца.

— Хорошо, Доктор. Я попробую найти такую птицу, — сказал Гу-Гу. — Только, пожалуйста, не закрывайте на ночь окно, чтобы я смог влететь в фургончик, когда вернусь. Ждите меня не раньше двух часов ночи! — С этими словами Гу-Гу вспор-

хнул и вылетел на улицу.

Вернувшись домой, Доктор сел переписывать последнюю часть своей книги «Об умении животных плавать». Ему нужно было добавить еще три главы — Софи рассказала ему очень много интересного о стилях плавания.

Он был так увлечен работой, что не заметил, как пролетело время. Поэтому он очень удивился, когда обнаружил, что Гу-Гу уже сидит на его письменном столе. Оказывается, был уже третий час ночи.

— Доктор! — сказал Гу-Гу очень тихо, чтобы никого не разбудить. — Вы ни за что не догадаетесь, кого я встретил. Помните ту чайку, которая предупредила вас, что маяк на Мысе Стивена неисправен? Представляете, я наткнулся на нее прямо в Бристольской гавани. Мы не виделись с тех пор, как плавали на нашем старом добром кораблике по морю. Но я ее сразу узнал. Я рассказал ей, что ищу птицу, которая могла бы передать на Аляску послание Софи. Когда она поняла, что я делаю это по вашей просьбе, она тут же предложила свою помощь. «Я всегда рада помочь уважаемому Доктору Дулитлу», — сказала она мне. Однако вернется она в лучшем случае только через пять дней. Я полечу в Бристоль в пятницу и подожду ее там.

— Превосходно, Гу-Гу. Ты просто молодец, — похвалил филина Доктор.

На следующее утро Джон Дулитл отправился к Софи и рассказал ей, что ее послание отправлено по назначению. Тюлениха очень обрадовалась. Теперь оставалось только ждать возвращения чайки.

За день до того, как Гу-Гу собрался лететь в Бристоль (а это был четверг), вся компания Доктора сидела за столом и слушала Тоби, который, как всегда, рассказывал очень занимательную и доволь-

но страшную историю из собачьей жизни. Но только пудель остановился, чтобы перевести дух и приступить к самой интересной части своего рассказа, как в окно кто-то тихо постучал.

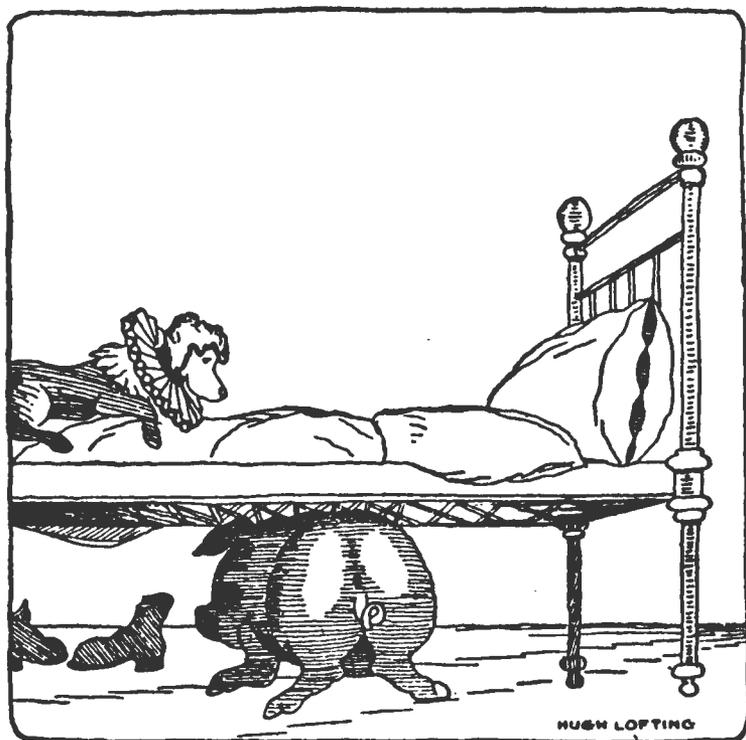
— Ой, мамочки, — прошептал Габ-Габ. — Как страшно! Уж не привидение ли это? — И поросенок забрался под кровать.

Джон Дулитл встал, раздвинул занавески и открыл окно. На подоконнике сидела чайка. Это была та самая чайка, которая несколько месяцев назад такой же точно ночью принесла ему другое послание. Только тогда он жил на корабле, который служил одновременно и домом, и почтовым отделением*. На этот раз птица была так измучена и потрепана непогодой, что казалась еле живой. Доктор бережно поднял ее с подоконника и поставил на стол. Все придвинулись поближе и замолчали. Друзья ждали, когда она соберется с силами и заговорит.

Наконец чайка сказала:

— Джон Дулитл, я не стала ждать Гу-Гу в Бристолe, а полетела сразу сюда. Мне показалось, что вы должны узнать обо всем как можно скорее. Дела очень плохи. Стадо тюленей, к которому принадлежат Софи и ее муж, находится в самом бедственном положении. Оно погибает из-за того, что Софи поймали охотники, а Слаши перестал быть вожаком. Зима началась в этом году очень рано, и, Боже, что это за зима! Даже старожилы не помнят такого: нескончаемые бураны, метели, огромные снежные заносы. Море замерзло намного раньше обычного. Я сама чуть не умерла от холода, когда летела над Аляской, а вы знаете, что мы,

* Эти события описаны в романе Х. Лофтинга «Почтовая служба Доктора Дулитла».

— Ой, мамочки, — прошептал Габ-Габ.
— Как страшно!

чайки, можем выдерживать очень низкие температуры. Так вот, при плохой погоде роль вожака в тюленьем стаде необычайно велика. Вы же знаете, что тюлени в этом смысле такие же бестолковые, как овцы: без большого и сильного вожака они становятся совершенно беспомощными. Ведь только вожак может выбрать удачное место для рыбной ловли или найти подходящее лежбище для зимовки. Но с тех пор, как Слаши затосковал, в стаде меняется один вожак за другим, тюлени без конца ссорятся, а в это время моржи и морские львы вытесняют их с самых рыбных мест, эскимосские охотники за мехом убивают их направо и налево. Ни одно тюленье стадо долго не просуществует, если у него нет умного вожака, который умеет перехитрить охотников и уберечь тюленей от опасности. Слаши был самым лучшим вожаком. Он был хитрым, как лиса, и умным, как бык. Но сейчас ему ни до чего нет дела. Целыми днями он лежит на айсберге и тоскует. Он мог бы выбрать себе новую жену из тысячи красивых тюлених, но никто, кроме Софи, ему не нужен. Тюлени рассказали мне, что раньше, когда Слаши был вожаком, их стадо было самым сильным за Полярным кругом. Теперь же, когда хорошего вожака у них нет, да еще при такой суровой зиме, оно, наверное, скоро погибнет.

Чайка закончила свой долгий рассказ, но еще целую минуту после этого в фургончике царило молчание.

Наконец Джон Дулитл спросил:

— Тоби, кому принадлежит Софи, Блоссому или Хиггинсу?

— Хиггинсу, Доктор, — ответил пудель. — Он работает почти так же, как и вы. Софи выступает в главном представлении, а за это Блоссом разрешает

ему вести свое собственное дело. Все деньги, которые Софи зарабатывает в его балагане, Хиггинс забирает себе.

— Совсем не так же, — рассердился Доктор. — Между нами есть огромная разница. Тяни-Толкай работает в цирке по своему собственному желанию, а Софи держат здесь помимо ее воли. Это страшное безобразие, что охотники могут поехать на Север и поймать там кого им вздумается! Им и дела нет до того, что они разбивают семьи, огорчают вожakov, нарушают течение всей жизни зверей. Это просто неслыханное варварство! Тоби, как ты думаешь, сколько может стоить тюлень?

— Цена на них бывает разная, Доктор, — ответил пудель. — Но я однажды слышал, как Софи рассказывала, что Хиггинс купил ее у охотников в Ливерпуле за двадцать фунтов. А разные трюки она научилась делать на корабле.

— Сколько у нас в копилке денег, Гу-Гу? — спросил Доктор.

— Все, что мы заработали на прошлой неделе. Кроме одного шиллинга и трех пенсов. Три пенса вы потратили на то, чтобы постричься, а на шиллинг купили петрушки для Габ-Габа.

— И сколько же всего осталось?

Гу-Гу наклонил голову набок и закрыл левый глаз — он всегда так делал, когда что-нибудь подсчитывал.

— Два фунта семь шиллингов, — забормотал он, — минус один шиллинг и три пенса, остается, э... остается... два фунта, пять шиллингов и девять пенсов чистой прибыли. Можете получить наличными.

— Боже, — простонал Доктор. — Этого хватит только на то, чтобы выкупить одну десятую часть

Софи. Может быть, мне у кого-нибудь занять остальную сумму? Когда я лечил людей, я мог брать у них взаймы. Это было единственное преимущество работы с людьми.

— Если я правильно помню, — пробормотала Даб-Даб, — обычно было наоборот. Больные занимали у вас деньги.

— Блоссом не разрешит вам выкупить Софи, даже если у вас будут деньги, — вмешался Свисток. — Хиггинс заключил с ним контракт на целый год.

— Ну что ж, — сказал Доктор, — тогда остается только одно. Софи все равно не принадлежит этим людям. Она свободная гражданка Заполярья. И если она хочет вернуться на родину, она туда вернется. Софи должна убежать.

Перед тем как питомцы Доктора отправились спать, он заставил их дать ему обещание, что они не расскажут тюленихе о тех плохих известиях, которые принесла чайка.

— Это только расстроит ее, — объяснил он. — Пока Софи не доберется до моря, ей лучше ничего не знать.

Когда все улеглись, Доктор позвал Продавца Кошачьей Еды, чтобы обсудить с ним план действий. Сначала это ужасно не понравилось Мэтью.

— Да вы что, Доктор! — воскликнул он. — Если вас поймут, вас арестуют! Помочь тюленихе убежать от своего хозяина! Они назовут это воровством.

— Ну и пусть, — сказал Доктор. — Меня это нисколько не волнует! Пусть называют меня как хотят. А если меня арестуют и передадут дело в суд, я буду даже рад! Наконец-то у меня появится возможность выступить публично в защиту прав диких животных.

— *Меня это нисколько не волнует!* —
сказал Доктор.

— Да они вас даже слушать не станут,— возразил Мэтью. — Они скажут, что вы просто сентиментальный чудак. Хиггинс легко выиграет дело. Право на собственность, и все такое. Я-то знаю, что вы правы, но разве судья вас поймет? Он заставит вас заплатить двадцать фунтов за удравшую тюлениху, а если вы этого не сделаете, вас посадят в тюрьму.

— Меня это не волнует, — повторил Доктор. — Послушай, Мэтью: я не хочу, чтобы ты был замешан в дело, которое тебе не нравится. Тем более, что оно не совсем честное. Ведь чтобы побег удался, мне придется обмануть Блоссом. Я совсем не хочу, чтобы из-за меня ты попал в неприятную историю. Если ты не хочешь в этом участвовать, то скажи сразу. Я же решил твердо: Софи вернется на Аляску, даже если мне придется сесть в тюрьму. Тем более, что в этом нет для меня ничего нового — мне уже приходилось сидеть в тюрьме.

— Вот здорово! — воскликнул Продавец Кошачьей Еды. — И мне тоже. Вы когда-нибудь были в Кардифской тюрьме? Клянусь, что это самая отвратительная тюрьма на свете! Хуже нее я не видал!

— Нет, — сказал Доктор. — Мне приходилось бывать только в африканских тюрьмах — пока. Надо сказать, что они тоже не очень-то хорошие. Но давай вернемся к нашему делу. Ну как, ты мне будешь помогать или нет? То, что я собираюсь сделать, конечно, противозаконно, но я считаю, что закон в данном случае неправ. Пойми, я ни капли не обижусь, если совесть не позволит тебе быть соучастником в организации побега.

— Совесть не позволит, разорви мою печенку! — воскликнул Мэтью и, раскрыв окно, аккуратно

сплюнул в ночь. — Да неужели я не помогу вам, Доктор? Этот старик Хиггинс со своей кислой физиономией не имеет никаких прав на тюлениху. Она — свободная жительница морей. А если он и заплатил за нее двадцать фунтов, то так ему, дураку, и надо. Я согласен со всем, что вы сказали. И потом, разве мы не партнеры? Разве мы не договаривались все делать вместе? Ох, и здорово же мы повеселимся! Помните, я говорил вам, что люблю риск? Помочь тюленихе сбежать — это для меня раз плюнуть. В своей жизни я обделывал делишки и похуже. Взять хотя бы тот случай, за который меня упекли в Кардифскую тюрьму. Знаете, что я тогда натворил?

— Не имею ни малейшего представления. Но не сомневаюсь, что это была какая-нибудь маленькая провинность.

— И никакая не маленькая провинность, — возмутился Мэтью. — Я...

— Ну, ладно, ладно, — поспешил переменить тему Доктор. — Какое это имеет сейчас значение? Все мы иногда ошибаемся.

— Это была не ошибка, — упрямо продолжал бормотать Мэтью, но Доктор его уже не слушал.

— Если ты на самом деле потом не пожалеешь, что помогал мне в этом... э... деле, давай обсудим все детали. Чтобы Блоссом ничего не заподозрил, мне придется на несколько дней уехать. Я скажу ему, что поеду по делам. Дела у меня действительно есть, но займусь я ими в другой раз. Будет очень странно, если мы с Софи исчезнем в один день. Поэтому я уеду первым, а ты останешься здесь за главного. Потом, через день или даже лучше через два дня, пропадет и Софи.

— Тоже отправится по делам, — вставил Мэтью,

хихикая. — Вы хотите сказать, что после того, как вы уедете, я должен буду выпустить ее из балагана?

— Да. Если ты, конечно, ничего не имеешь против.

— Что вы! Это доставит мне огромное удовольствие, — сказал Продавец Кошачьей Еды, потирая руки.

— Ну вот и отлично. Я договорюсь с Софи заранее, где мы с ней встретимся, а потом...

— А потом вам придется как следует потрудиться, — рассмеялся Мэтью Магг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

ПОБЕГ

Хотя план побега Софи держался в строжайшей тайне от всех людей, работавших в заведении Блоссомы, звери, жившие в цирке, скоро узнали обо всем от Тоби, Джипа и Свистка. И несколько дней подряд это было единственной темой для разговоров в зверинце, конюшнях и вагончике Доктора.

В пятницу утром Доктор отправился к Блоссому и сказал ему, что хочет уехать из города по делам на несколько дней. Вернувшись к себе в фургончик, он увидел, что все его питомцы сидят за столом и что-то оживленно обсуждают шепотом.

— Ну что, Доктор, вы поговорили с хозяином?
— спросил Мэтью.

— Да. Все в порядке. Сегодня вечером я уезжаю. Надо признаться, я чувствую себя ужасно неловко. Я так не люблю делать что-то исподтишка! Боже, как бы я хотел освободить Софи в открытую.

— Тогда бы я не дал за успех предприятия и ломаного гроша, — сказал Мэтью. — Я вот, например, не чувствую за собой никакой вины.

— Послушайте, Доктор, — сказал Джип. — Все звери в цирке очень сочувствуют Софи и хотят вам помочь. Если вам потребуется наша помощь — вы только скажите. Когда Софи должна убежать?

— Послезавтра. Когда цирк закроется на ночь, Мэтью отперет дверь балагана и выпустит ее. Слушай, внимательно, Мэтью: будь очень осторожен,

никто не должен видеть, как ты возишься с замком. Если нас поймают, это будет отягчающим обстоятельством. Кража со взломом — это уже уголовное преступление. Я тебя очень прошу, будь осторожнее, ладно?

— Вы можете положиться на меня, Доктор, — сказал Продавец Кошачьей Еды, гордо выпятив грудь. — Я-то уж умею обращаться с замками. У меня свой метод — никакой силы. Я — как бы это сказать — действую на них убеждением.

— Как только ты выпустишь Софи, скорее уходи, чтобы тебя никто ни в чем не заподозрил. Господи, как это все похоже на какой-то постыдный сговор!

— А мне все это кажется веселым приключением, — возразил Мэтью.

— И мне тоже, — добавил Джип.

— Это будет лучшим трюком за всю историю нашего цирка, — вмешался Свисток. — Уважаемые дамы и господа! Знаменитый факир Джон Дулитл сейчас совершит чудо! Живая тюлениха исчезнет со сцены прямо на ваших глазах! Абра — швабра — абракадабра, гоп-ля-ля! Где же наша тюлениха? Ее уже нету.

С этими словами Свисток встал на задние лапы и поклонился воображаемой публике за печкой.

— Да, — вздохнул Доктор. — Хотя все это и очень смахивает на преступление, я не испытываю угрызений совести. Они не имеют никакого права держать Софи в рабстве. Как ты думаешь, Мэтью, нам бы с тобой понравилось, если бы нас заставили нырять за рыбкой в ванну с грязной водой на потеху публике?

— Фу, какая гадость! Я никогда не любил рыбу, да и воду тоже. А вы договорились с Софи, где вы ее встретите?

Свисток встал на задние лапы
и поклонился воображаемой публике.

— Да. Как только она выйдет из цирка... И не забудь, пожалуйста, что здесь тоже потребуется твоя помощь, — перед тем как выпустить Софи из ее балагана, ты должен открыть заднюю калитку в заборе... Так вот, как только она выберется из цирка, она перейдет через дорогу. Там она увидит пустой заброшенный дом. Я буду ждать ее в маленьком темном дворике рядом с этим домом. Господи, я так надеюсь, что все пройдет гладко! От этого побега зависит судьба Софи и всех тех тюленей на Аляске тоже!

— А что вы будете делать потом, когда встретитесь? — поинтересовался Мэтью.

— Я думаю, что сейчас не имеет смысла продумывать все детали, — сказал Доктор. — На месте будет видно. Главное — переправить ее как-нибудь в Бристольский пролив. Оттуда самый короткий путь к морю. Стоит только Софи попасть в море — считайте, что она уже на Аляске. Правда, до Бристоля почти сто миль, а мне придется прятать Софи всю дорогу. Да, путь нам предстоит нелегкий. Но давайте не будем раньше времени волноваться. Я уверен, что главное для Софи — это убежать из цирка, а до моря-то мы уж как-нибудь доберемся.

Многие из питомцев Доктора начали упрашивать его, чтобы он взял их с собой. Особенно старался Джип. Но хотя Джону Дулитлу очень не хотелось расставаться со своими друзьями, он решил, что будет не так подозрительно, если он уедет из города один.

Наконец операция началась. Этим же вечером, поговорив с Софи в последний раз и забрав почти все деньги из копилки, Доктор уехал из цирка «по делам». Надо сказать, что «дела» ждали его уже в соседнем городе, куда он и отправился, удобно

устроившись в дилижансе. В то время уже существовала железная дорога, но пассажиры еще недоверчиво относились к этому новому виду транспорта и пользовались им крайне редко. Все небольшие переезды совершались старым добрым способом — в коляске, запряженной парой лошадей.

Приехав в соседний город, Доктор поселился на постоялом дворе. Два дня подряд он просидел в своей комнате, не показываясь на улице. На третий день, дождавшись темноты, он отправился обратно в Эшби. Он въехал в город через самую безлюдную его часть, отпустил извозчика и направился к месту встречи с тюленихой, выбирая самые безлюдные и глухие улочки.

В это время питомцы Доктора тоже не теряли времени даром. Им было очень обидно, что в его планах для них не нашлось места. Поэтому они решили действовать самостоятельно. И, как вы скоро сами увидите, их помощь действительно очень пригодилась Джону Дулитлу.

Перед наступлением ночи, на которую был назначен побег, все звери очень волновались. Особенно тяжело пришлось Габ-Габу, который не умел скрывать свои чувства. Но как только пробило десять часов и цирк начал закрываться, поросенок побежал к вагончику Блоссомы и устроился под его крыльцом. Гу-Гу же уселся на крыше зверинца, чтобы понаблюдать за всем, что будет происходить в цирке. Он заранее договорился со слоном и другими животными, что в случае необходимости они устроят небольшую потасовку и отвлекут внимание зрителей от тюленихи.

Несмотря на то, что цирковые огни уже потушили, на улице было очень светло. — в небе стояла полная луна. Сначала Доктор даже хотел отложить

из-за этого побег, но потом решил, что им нельзя терять время. Ведь без Софи тюленям Аляски становилось с каждым днем все хуже и хуже.

Спустя час после того, как Блоссом запер калитку и отправился спать, из домика Тяни-Толкая незаметно выскользнул Мэтью Магг. Засунув руки в карманы и тихонько насвистывая себе под нос, он начал неторопливо прогуливаться по цирковому городку. Рядом с ним, притворяясь, что он тоже гуляет, бежал Джип. Пока Мэтью шел до калитки, он не встретил ни единой души. Казалось, все уже спали. Убедившись, что его никто не видит, Продавец Кошачьей Еды быстро отодвинул задвижку и открыл калитку. После этого, оставив Джипа сторожить ее, он побежал к балагану Софи.

Но не прошло и минуты, как у забора появился сторож. Джип тут же притворился, что выслеживает крыс. Но сторож не обратил на него никакого внимания. Увидев, что калитка открыта, он закрыл ее и, к ужасу Джипа, запер на ключ. Когда сторож ушел, пес бросился со всех ног искать Мэтью.

Надо сказать, что для Продавца Кошачьей Еды выпустить на волю тюлениху оказалось не таким простым делом, как он думал раньше. Когда он подходил к балагану Софи, то уже издалека увидел фигуру Хиггинса. Тот сидел на ступеньках и курил, глядя на луну. Пришлось Мэтью спрятаться за стоящую рядом палатку и запастись терпением. Фургоны Хиггинса и Блоссомы стояли рядом, на другом конце циркового городка, и Мэтью надеялся, что дрессировщик тюленихи непременно отправится туда спать. Мэтью ждал уже полчаса, но Хиггинс никак не уходил. Вдруг он увидел, что к балагану Софи приближается еще одна фигура. Это

был сторож. Он сел на ступеньку рядом с Хиггинсом и завел разговор о погоде.

В это время к Мэтью наконец прибежал Джип. Учув, что Продавец Кошачьей Еды прячется за палаткой, пес тихонько пробрался туда и начал тербить полу его пиджака, пытаясь утащить его обратно к забору и показать, что калитка заперта.

Джип старался изо всех сил, но Мэтью так ничего и не понял. Он продолжал прятаться и ждать, когда же сторож с Хиггинсом уйдут. Но они, как назло, все сидели и разговаривали. А в это время в темном дворике неподалеку Джон Дулитл не находил себе места. Он без конца смотрел на часы, пытаясь разглядеть при тусклом свете луны, который час, и бормотал: «Что же там могло случиться? Почему ее так долго нет?»

В конце концов Мэтью решил, что сторож с Хиггинсом вообще не пойдут спать, а будут сидеть у балагана тюленихи всю ночь. Выругавшись про себя шепотом, он выбрался из своего укрытия и пошел искать свою жену Теодозию.

Теодозия сидела в их фургончике и штопала носок.

Мэтью открыл окно и тихо позвал:

— Теодозия! Послушай!

— Боже милостивый! — ахнула Теодозия, уронив носок на пол. — Как же ты меня напугал, Мэтью! Ну что, ты выпустил Софи?

— Какое там — выпустил... Ничего не получается. Хиггинс со сторожем торчат там уже целый час и болтают. Пока они не уйдут, я не могу пробраться к двери. Послушай, сходи-ка ты к ним и вытащи их как-нибудь оттуда. Скажи, например, что палатку ветром снесло или что-нибудь в этом роде. В общем, придумай, что хочешь, лишь

бы они ушли. Если мы ничего не предпримем, они будут торчать там всю ночь.

— Хорошо, — сказала Теодозия. — Подожди только, я надену свою шаль. Пожалуй, я позову их сюда на чашечку какао.

И незаменимая миссис Магг, накинув на плечи шаль, отправилась приглашать Хиггинса со сторожем к себе в фургончик.

Теперь уже ничто не мешало Мэтью. Со скоростью ветра он взлетел по ступенькам на крыльцо балагана Софи и приступил к делу. Пальцы его онемели от страха, но не утратили своей ловкости. В считанные секунды он разделался с замком и открыл дверь. Тюлениха лежала прямо под дверью. Она уже давно была готова вырваться на свободу и пуститься в свое долгое путешествие. Благодарно хрюкая, она выбралась из балагана, сползла вниз по ступенькам и, неуклюже переваливаясь, направилась к калитке. Тут Джип опять попытался объяснить Мэтью, что калитка закрыта. И снова Продавец Кошачьей Еды ничего не понял. Приняв повизгивание Джипа за проявление радости, что Софи наконец свободна, Мэтью Магг отправился к себе в фургончик, чтобы подкрепиться с «дорогими гостями» чашечкой какао. «Какой я молодец! — думал он, шагая домой. — Так здорово все придумал!»

В это время Софи наконец-то добралась до калитки. Каков же был ее ужас, когда она увидела, что калитка заперта! Джип начал носиться вдоль забора, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь дыру, через которую тюлениха могла бы пролезть. Но тщетно! Выхода не было. Бедная Софи вырвалась из своего заточения, чтобы снова очутиться в тюрьме за забором.

*В считанные секунды Мэтью Магг
разделался с замком и открыл дверь.*

Тут читателю нужно напомнить, что за всем, что происходило на цирковой площадке, внимательно наблюдала птица, восседавшая на крыше зверинца. Ночной часовой и счетовод Гу-Гу был в эту ночь начеку. Он не мог стерпеть, что Джип ведет себя так неразумно: носится вдоль забора и шумит, привлекая к себе внимание. Гу-Гу опустил ся на землю рядом с ним и зашептал ему в ухо:

— Ради Бога, Джип, не теряй голову. Если ты не одумаешься, мы пропали. Какой толк в том, что ты бегаешь здесь, как ненормальный? Лучше скажи Софи, чтобы она куда-нибудь спряталась. Ты только посмотри на нее: лунный свет освещает ее всю с ног до головы. Можно подумать, она отдыхает где-нибудь в Гренландии, а не пытается удрать из цирка! Если кто-нибудь ее здесь увидит, тогда конец. Спрячь ее хотя бы вон под тот навес, и пусть она не высовывается, пока Мэтью не отпреет калитку. Да поторопитесь: сюда, кажется, кто-то идет!

С этими словами Гу-Гу вспорхнул и полетел на свой пост. А Джип бросился к Софи и потащил ее под навес.

— Пойдем скорее к той палатке, — зашептал он. — Забирайся под навес — вот так. Слава Богу! Мы, кажется, успели вовремя. Сюда кто-то идет с фонарем. Лежи тихо и жди меня.

А в это время в темном дворике за забором цирка Джон Дулитл без конца смотрел на часы и бормотал: «Что же все-таки могло случиться? Неужели она вообще не придет?»

В вагончике же Мэтью Магга происходило следующее. Продавец Кошачьей Еды успел выпить со своими гостями только одну чашечку какао, как сторож собрался уходить.

— Да посидите еще немного, выпейте еще какао, — начал упрашивать его Мэтью. Он хотел, чтобы у Софи было как можно больше времени. — Это тихий городок. Кому придет в голову грабить цирк? Набейте-ка свою трубку табаком и еще поболтаем.

Но сторож не соглашался.

— Спасибо, — сказал он, — я бы рад остаться, да не могу. Блоссом строго-настрого приказал мне совершать обход всю ночь. Если он выйдет, а меня не будет, — мне здорово влетит.

И невзирая на все уговоры Мэтью, сторож забрал свой фонарь и ушел.

Хиггинс все же остался. Но Мэтью уже сидел как на иголках. Продолжая вести со своим гостем приятную беседу о погоде и о политике, он каждую минуту ждал, что вот сейчас раздастся крик сторожа, заметившего пропажу Софи. Но сторож, обнаружив, что дверь балагана Софи открыта, а самой тюленихи там нет, шуметь не стал. Он сразу же побежал в вагончик Мэтью.

— Хиггинс! — закричал он прямо с порога. — Твоя тюлениха сбежала!

— Сбежала? — не поверил своим ушам Хиггинс.

— Как сбежала? — воскликнул Мэтью. — Не может быть!

— Да говорю тебе, как пить дать сбежала, — повторил сторож. — Дверь нараспашку, а ее и след простыл.

— Боже мой! — воскликнул Хиггинс, вскакивая на ноги. — Я готов поклясться, что запираю сегодня дверь, как обычно. Но если все калитки закрыты, она не сможет уйти далеко. Мы ее сейчас найдем. Бежим!

Сторож с Хиггинсом выскочили из вагончика, а Мэтью с Теодозией, сделав вид, что они тоже ужасно расстроены, побежали за ними.

— Пойду-ка я еще разок гляну на все калитки, — сказал сторож. — Хоть я и уверен, что они в полном порядке, проверить лишний раз не помешает.

Сторож ушел, а Хиггинс, Мэтью и Теодозия побежали дальше.

— Моя калитка-то уж точно открыта, — прошептал Мэтью Магг своей жене на бегу. — Почему это он так уверен, что все закрыто? Очень странно!

— Давайте зайдем внутрь, — предложил Хиггинс, когда они наконец добежали до балагана Софи. — Может быть, она прячется на дне бассейна?

Все трое зашли в балаган и, чиркая спичками, стали вглядываться в мутную воду. Вскоре вернулись и сторож.

— Калитки в порядке, — выдохнул он. — Заперты все до единой.

Тут наконец до Мэтью дошло, что все прошло не так гладко, как он думал. Оставив сторожа с Хиггинсом обыскивать бассейн, он шепнул пару слов Теодозии и пулей вылетел за дверь. Теперь Мэтью оставалось только надеяться, что Теодозия подольше задержит сторожа со зрителем в балагане тюленихи.

И действительно, эта незаменимая миссис Магг снова превосходно справилась со своей задачей. Осмотрев как следует бассейн, Хиггинс сказал:

— Под водой ничего нет. Софи сбежала. Пойдем поищем ее снаружи.

Но как только мужчины направились к выходу, Теодозия вдруг закричала:

— Смотрите, смотрите! Что это?

Теодовия зашаталась и свалилась прямо на двух мужчин, склонившихся над водой.

— Где? — спросил Хиггинс и повернул обратно к бассейну.

— Вон там, внизу, — сказала миссис Магг, показывая на грязную воду. — Мне показалось, что там кто-то плавает. Поднесите-ка сюда фонарь.

Сторож с Хиггинсом склонились над краем бассейна, а смотритель даже прищурился, чтобы лучше видеть.

— Я ничего не вижу, — наконец сказал он.

— Ой, что это со мной? — вдруг воскликнула миссис Магг. — Помогите! Я теряю сознание! Кажется, я сейчас упаду в обморок!

И тут толстая Теодозия зашаталась и свалилась прямо на двух мужчин, склонившихся над водой.

Бух! Плюх! Послышались испуганные вопли, и в воду полетели — нет, не Теодозия, а Хиггинс, сторож, его фонарь и все остальное.

ГЛАВА 2

«НОЧЬ ЗВЕРЕЙ» В ЦИРКЕ

Единственной свидетельницей того, как миссис Магг «нарочно-нечаянно» столкнула сторожа со зрителем в воду, была белая мышка. И еще долго после описываемых нами событий она развлекала питомцев Доктора рассказом о том, как дрессировщик Софи мистер Хиггинс нырял в бассейн за рыбкой и ловил воздух ртом, выныривая. Для всех зверей, живших в цирке, эта ночь стала самой веселой в их жизни. Купание сторожа с Хиггинсом в бассейне послужило лишь началом грандиозного и великолепного гвалта, который продолжался полчаса и разбудил весь город.

Первым проснулся Блоссом. Услышав крики о помощи, доносящиеся из бассейна Софи, он вскочил с постели и бросился на улицу. Но когда он выбежал на крыльцо, то вдруг споткнулся о непонятно откуда взявшегося поросенка. Нога Блоссоба зацепилась за этого странного поросенка — и он шлепнулся на землю прямо носом вниз. Всю дорогу противный поросенок путался у него под ногами и заставлял без конца спотыкаться.

Потом из своего вагончика со свечой в одной руке и с молотком в другой выскочила Фатима, заклинательница змей. Но не прошла она и двух шагов, как вдруг таинственная утка пролетела прямо у нее над головой, потушив свечу одним взмахом крыла. Пришлось Фатиме вернуться и снова зажечь свечу. Но опять произошло то же самое. В то время, как Габ-Габ занимался Блоссомом, Даб-Даб не давала покоя Принцессе.

*Нога Блоссома зацепилась за поросенка,
и директор цирка шлепнулся на землю.*

Затем, второпях накинув халат, на улицу выбежала и миссис Блоссом. Но она сразу же наткнулась на старого коня Беппо, который имел привычку выпрашивать у всех сахар. Миссис Блоссом попробовала обойти его, и конь вежливо уступил ей дорогу. Но при этом он так сильно наступил на ее старую мозоль, что она застонала от боли и отправилась обратно в постель. Больше миссис Блоссом не появлялась.

Но, конечно, животные не могли задержать своими уловками всех циркачей. И скоро на вопли сторожа и Хиггинса в балаган сбежалось множество людей.

А в это время Мэтью Магг пытался снова отпереть калитку. Он быстро справился с замком, но теперь не мог найти Софи. Ведь только Джип и Гу-Гу знали, где она прячется. Джип же, видя, сколько людей бегаёт вокруг балагана тюленихи (который, как вы помните, был совсем рядом с калиткой), боялся выпустить ее из укрытия.

А народу на цирковой площадке все прибавлялось. Зажгли все фонари, кругом царил невообразимая суeta: никто толком не понимал, что происходит, одни спрашивали, что случилось, другие им что-то отвечали. Мистер Блоссом, упав при помощи Габ-Габа в грязь уже в шестой раз, раздавал тумаки каждому встречному и ревел, как взбесившийся бык.

В конце концов Хиггинса со сторожем выудили из бассейна, и они, обдавая всех запахом рыбы и керосина, присоединились к поискам беглянки.

Сторож и все остальные были уверены, что Софи находится где-то поблизости, и они не ошибались. Палатка, под навесом которой пряталась тюлениха, стояла всего в нескольких футах от ее балагана. Но

и спасительная калитка, за которой маячила долгожданная свобода, тоже была совсем рядом.

Пока Джип, изводясь от волнения, ждал подходящего момента, чтобы выпустить Софи, Хиггинс закричал, что нашел на земле следы ластов. Рабочие принесли еще дюжину фонарей и пошли по следу тюленихи.

К счастью, следы ластов уже порядком затоптали, — ведь этой ночью столько людей бегало вокруг балагана Софи. Мэтью старался изо всех сил направить преследователей по ложному следу. Однако, несмотря на это, процессия с фонарями медленно, но верно приближалась к палатке, где, затаив дыхание, лежала несчастная Софи, любящая жена Слаши. Ей казалось, что ее сердце бьется так сильно, что вот-вот выдаст ее.

В это время в своем маленьком темном дворике Джон Дулитл с тревогой прислушивался к шуму и крикам, доносившимся из цирка. Он понимал, что это могло означать только одно: Софи удалось выбраться из своего балагана. Но почему же она так долго не приходит? Доктор не находил ответа и с каждой минутой волновался все больше и больше. Однако волнения Доктора не шли ни в какое сравнение с тем, что пережил Джип. Преследователи Софи подходили все ближе и ближе к тому месту, где он ее спрятал. Бедный пес был вне себя от отчаяния.

Но он забыл о Гу-Гу, умном Гу-Гу, ночном часовом и математике. Все это время он следил за происходящим в цирковом городке, как генерал следит за полем боя. Он дожидался лишь того момента, когда все обитатели цирка присоединятся к погоне. Когда же Гу-Гу убедился, что ему никто не помешает, он привел в исполнение свой главный

стратегический план.

Филин спустился к вентиляционному отверстию в стене зверинца и тихонько угукнул. Не прошло и секунды, как в зверинце начался такой шум, гам и трам-тарарам, какой вам вряд ли приходилось слышать. Лев зарычал, опоссум пронзительно закричал, як заревел, гиена завывала, слон затрубил и начал так топтать ногами, что раздробил весь деревянный пол в щепки. Это был апофеоз заговора зверей.

Хотя зверинец находился на другом конце циркового городка, люди, шедшие по следу тюленихи, замерли и начали прислушиваться.

— Что это за гром? — спросил Блоссом.

— Похоже, что шумят в зверинце! — заметил кто-то из зрителей. — Наверное, слон сорвался с привязи.

— Я знаю, в чем дело, — вмешался в разговор другой. — Это Софи забралась в зверинец и напугала слона.

— Ах, вот оно что! — воскликнул Блоссом. — А мы ищем ее здесь. Скорей, бежим в зверинец! — И он схватил фонарь и помчался к зверинцу.

— В зверинец, в зверинец! — подхватила клич толпа. — И вскоре, к огромной радости Джипа, рядом с укрытием Софи не осталось ни одного человека.

Нет, один все-таки остался. Это был, конечно же, Мэтью Магг. Он задержался, притворившись, что завязывает шнурок на ботинке. Джип, как молния, метнулся к палатке и исчез под ее навесом.

— А сейчас, Софи, — выдохнул он, — беги, плыви, лети — делай что хочешь, только исчезни из цирка!

Подпрыгивая и неуклюже переваливаясь, Софи бросилась к выходу со всей скоростью, на какую

была только способна. Джип подгонял ее повизгиваниями, а Мэтью Магг держал калитку открытой. Наконец тюлениха выбралась за забор, перековыляла через дорогу и исчезла в маленьком дворике рядом с заброшенным домом. Продавец Кошачьей Еды закрыл калитку и начал стирать следы лап с земли. Убедившись, что ничто больше не выдаст недавнего присутствия здесь Софи, он прислонился к забору и вытер пот со лба.

— Ну и ну! — вздохнул он. — А я-то хвастался перед Доктором, что освободить тюлениху для меня — это пара пустяков. Если бы я только знал...

Но тут прямо за его спиной раздался громкий стук. Дрожащими руками Мэтью снова отпер калитку. Перед ним стоял... полицейский. На его ремне горел маленький, с бычий глаз, фонарь. Мэтью почувствовал, что на какую-то долю секунды его сердце перестало биться. Надо признаться, он совсем не любил полицейских.

— Я ничего такого не сделал, — начал он. — Я просто...

— Что у вас тут за шум? — перебил его полицейский. — Вы подняли на ноги весь город. Лев у вас убежал, что ли?

У Мэтью вырвался вздох облегчения:

— Да нет, небольшие неприятности со слонем. Он запутался в веревке и завалил шатер. Сейчас мы его распутываем. Не беспокойтесь, скоро все будет в порядке.

— О, и это все? — удивился полицейский, — Люди спрашивают у меня, не наступил ли конец света. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, господин полицейский, — сказал Мэтью и закрыл калитку в третий раз. — Передавайте привет всем своим маленьким деткам-

полицейчикам, — проворботал он едва слышно себе под нос, направляясь в зверинец.

К этому времени Джон Дулитл уже совсем извелся от ожидания и тревоги. Поэтому, когда он услышал знакомое шлепанье тюленихи, то от радости не поверил своим ушам. Передвижение тюленихи по мостовой производило очень странные звуки: казалось, что кто-то сначала шлепает об землю мокрым половиком, а потом тащит по камням мешок с картошкой.

— Это ты, Софи? — спросил Доктор шепотом.

— Да, я, — ответила тюлениха, пробираясь поближе к Доктору.

— Слава Богу! Что у вас там стряслось? Почему тебя так долго не было?

— У Мэтью получилась какая-то путаница с калиткой, — ответила Софи. — Давайте поскорее выйдем из города. Мне кажется, что оставаться здесь опасно.

— Сейчас мы не сможем этого сделать, — сказал Доктор. — Шум в цирке разбудил весь город. Нам лучше и не пытаться выйти на улицу. Я только что видел полицейского, он прошел вон там, но к счастью, уже после того, как ты сюда заскочила.

— Что же мы будем делать?

— Пока мы должны оставаться здесь.

— Но они могут прийти и сюда... — Тюлениха не договорила. Прямо напротив их дворика остановились двое мужчин с фонарями и начали разговаривать. К счастью, постояв там немного, они ушли.

— Да, ты права, — прошептал Доктор. — Здесь тоже небезопасно. Неплохо было бы найти место получше. — И Доктор огляделся вокруг.

С одной стороны он увидел высокую каменную стену, а с другой такую же высокую кирпичную

стену. Эта кирпичная стена огораживала сад, примыкающий к заброшенному дому.

— Если мы переберемся в этот дом, — мы спасены. Там можно будет отсидеться, пока суматоха в городе не утихнет. Ты сможешь перелезть через эту стену?

Тюлениха смерила взглядом высоту стены и задумалась.

— Восемь футов, — наконец пробормотала она. — Если бы у нас была лестница, я, наверное, смогла бы перелезть на ту сторону. Может быть...

— Тише, — прошептал Доктор. — Кажется, я снова вижу фонарик полицейского. Слава Богу, он прошел мимо! Послушай, может быть, нам повезет и я найду в саду лестницу. Значит, так: лежи очень тихо и жди меня. Я скоро вернусь.

И Джон Дулитл, который, несмотря на свой круглый животик, был неплохим спортсменом, отошел на несколько шагов назад, разбежался и подпрыгнул. Ему удалось уцепиться за стену и повиснуть на руках. Потом он подтянулся, перекинул обе ноги на другую сторону и легко спрыгнул прямо на клумбу. Оглядевшись вокруг, Доктор увидел, что в дальнем конце сада стоит что-то вроде небольшого сарая. Он пробрался к этому сараю, открыл дверь и проскользнул внутрь.

Там было совершенно темно, поэтому Доктор попытался отыскать лестницу наощупь. В темноте он нащупал множество разных предметов: и цветочные горшки, и грабли, и даже газонокосилку. Но лестницы нигде не было. Тогда Доктор плотно прикрыл дверь, повесил свой сюртук на грязное, затянутое паутиной окно сарая и зажег спичку.

И тут прямо над своей головой он увидел подвешенную к стене садовую лестницу как раз нужной

длины. Не прошло и минуты, как Доктор, с лестницей на плече, уже шагал по саду. Поставив ее на ровное место, он забрался наверх и, перекинув лестницу на другую сторону, опустил ее прямо рядом с Софи.

После этого Джон Дулитл (который, сидя верхом на стене, действительно был очень похож на Шалтая-Болтая) наклонился вниз и зашептал:

— А теперь, Софи, — забирайся. Я буду держать лестницу, чтобы она не упала. Когда ты залезешь наверх, садись рядом со мной, а я перекину лестницу в сад. Только, пожалуйста, не волнуйся. Ты прекрасно с этим справишься.

Нужно сказать, что в эту критическую минуту Софи очень пригодилось ее умение сохранять равновесие, которому она научилась в цирке. Но никогда ей еще не удавался трюк лучше этого. Такой ловкостью мог бы гордиться даже сам человек. Ведь тюлениха твердо знала, что ее свобода и счастье ее мужа зависят от того, сумеет она удержаться на лестнице или нет. И хотя она дрожала от страха при мысли о том, что ее могут увидеть, Софи прекрасно справилась со своей задачей. Сознание того, что она отомстит своим порабощателям благодаря искусству, которому они же ее и научили, приводило ее в восторг. Это был последний, самый великолепный аттракцион Софи.

Осторожно перелезая со ступеньки на ступеньку, она медленно, но верно поднимала свое тяжелое тело наверх. Лестница, к счастью, была длиннее стены. Это позволило Доктору поставить ее так, чтобы подъем получился не очень крутым. Но ступеньки предательски подгибались под тяжестью тюленихи, и Доктор наверху молил Бога, чтобы они выдержали и не треснули. Так как это

была садовая лестница, служившая для обрезки деревьев, она сужалась наверху. Самая верхняя ступенька была такой узкой, что Софи едва могла за нее уцепиться. В этом-то и заключалась самая сложная часть ее «аттракциона». Ведь из этого ужасно неудобного положения тюленихе нужно было перекинуть свое тяжелое тело на стену, которая была не более двенадцати дюймов шириной, и удержаться на ней несколько минут, пока Доктор будет переставлять лестницу.

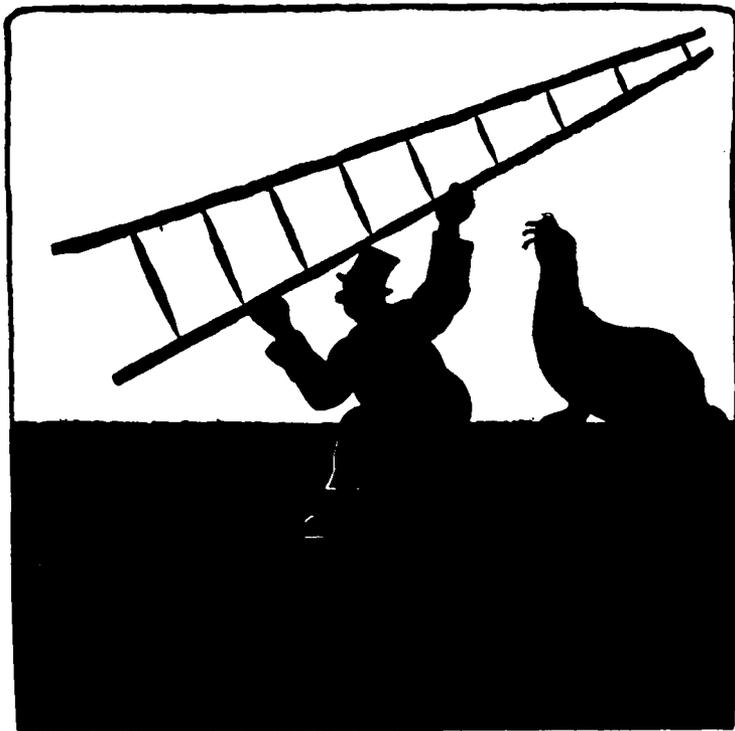
Однако в цирке Софи научилась не только забираться по лестницам, но и балансировать на тумбах. Поэтому, когда Джон Дулитл наклонился и подтянул ее за загривок, она моментально перебралась на стену и заерзала на ней, удерживая равновесие с удивительной ловкостью.

Спускаясь, Софи исполнила еще один свой трюк. Она легла на живот и съехала по лестнице вниз. Это было намного быстрее, чем спускаться обычным образом, и оказалось очень кстати: не успел Доктор убрать лестницу, как они услышали, что во дворике, который они только что покинули, кто-то уже разговаривает.

— Слава Богу, — сказал Доктор, когда голоса стихли. — Софи, мы просто чудом спаслись. Наконец-то мы в безопасности! Никому и в голову не придет искать нас здесь. Ой, да ты лежишь прямо на клумбе с гвоздиками. Иди-ка сюда, на дорожку. Теперь давай решим, где мы будем спать — в сарае или в доме?

— Как здесь чудесно! — воскликнула Софи, переваливаясь в высокой траве. — Давайте будем спать в саду.

— Что ты! Ни в коем случае. Ты только посмотри — вокруг одни дома. Завтра утром нас смогут

*Софи моментально перебралась на стену,
с удивительной ловкостью удерживая равновесие.*

увидеть из окон сверху. Давай лучше переночуем в сарае. Я так люблю запах краски и садовых инструментов! К тому же, нам не придется взламывать замки в доме.

— Или подниматься по лестницам, — добавила Софи, направляясь к сараю. — Я терпеть не могу лестницы в домах. Они намного хуже садовых. Я бы ни за что не смогла подняться на лестничную клетку.

В сарае Доктор и Софи нашли несколько старых мешков и большую грудку сена. Из этого всего они соорудили себе очень удобные постели.

— Как же хорошо на свободе! — воскликнула Софи, вытягиваясь во всю свою шелковую тюленью длину. — Вы хотите спать, Доктор? Я просто умираю от усталости.

— Вот и хорошо, — сказал Доктор. — Ты спи, а я пойду немного прогуляюсь по саду.

ГЛАВА 3

В ЗАБРОШЕННОМ САДУ

Доктор, который всегда был равнодушен к садам, закурил свою трубку и отправился на прогулку.

Представившаяся взору Джона Дулитла картина повергла его в отчаяние. Даже при тусклом свете луны можно было разглядеть, что все кругом заросло сорняками. Неухоженный вид клумб и лужаек напомнил ему его собственный прекрасный, но заброшенный сад в Падлби. Не в силах вынести вида сорняков в цветочных клумбах, Доктор нагнулся и выдернул несколько мокриц, обвивших стебли роз. Чуть дальше он обнаружил настоящие заросли пырея и чертополоха, в которых задышался прекрасный лавандовый куст.

— Боже мой! — воскликнул он и отправился на цыпочках обратно в сарай за корзиной и тяпкой. — Какой стыд — не ухаживать за таким прекрасным садом!

Через несколько минут он уже пропалывал клумбы, работая, как троянцы, при свете луны. Можно было подумать, что это его собственный сад и на тысячу миль вокруг ему не угрожает никакая опасность.

— В конце концов, — рассуждал он, складывая в корзину нарциссы, — мы занимаем это место совершенно бесплатно. Должен же я хоть чем-то отплатить хозяину за ночлег!

После того как Джон Дулитл закончил прополку, ему очень захотелось принести из сарая газоно-

косилку, чтобы подстричь лужайку. И он непременно сделал бы это, если бы не боялся, что шум косилки разбудит соседей.

Когда же неделю спустя владелец этого дома сдал его внаем своей тетушке, он был совершенно поражен, получив от нее письмо, в котором она хвалила его за прекрасный уход за садом.

Вернувшись в сарай после своей тяжелой ночной работы, Доктор вдруг обнаружил, что ужасно проголодался. Тут он вспомнил, что у дерева глицинии видел яблоню. Пришлось ему отправиться обратно в сад и поискать яблок. Но увы — ни одного яблока там не осталось: ими уже успели как следует поживиться соседские мальчишки. Зная, что днем он не сможет свободно разгуливать по саду, Доктор попытался найти что-нибудь из овощей. Но и тут ему не повезло. Пришлось Джону Дулитлу лечь спать на голодный желудок.

На следующее утро первой проснулась Софи. Разбудив Доктора, она сразу сказала:

— Ах! Всю ночь мне снилось родное старое море. От этого мой аппетит так разыгрался! У нас есть чем подкрепиться, Доктор?

— Боюсь, что нет, — вздохнул он. — Придется нам обойтись без завтрака и без обеда тоже. Ведь днем мы не сможем выйти отсюда. Давай подождем до вечера. Как только стемнеет, я попробую выйти и купить тебе копченой селедки. Я надеюсь, что сегодня вечером они наконец-то перестанут тебя искать. Тогда мы сможем выбраться из города и отправиться к морю.

Пришлось Софи собрать всю свою силу воли и потерпеть. Но к полудню они оба уже просто умирали от голода. Вдруг где-то около часу дня Софи сказала:

— Доктор, вы слышите?

— Нет, — ответил Джон Дулитл. Он был занят тем, что искал, не завалилась ли где-нибудь луковица в уголке сарая. — А что такое?

— Во дворике за стеной лает собака. Вылезайте из-под скамейки, и вы сами услышите. Боже, неужели они ищут меня с собаками? Тогда мы погибли!

Доктор вылез из-под скамейки, подошел к двери и прислушался. До него донесся глухой осторожный лай.

— Боже, — пробормотал он, — это же голос Джипа. Интересно, что ему нужно?

Неподалеку от сарая прямо рядом со стеной росла толстая ветвистая груша. Убедившись, что из окон домов его никто не видит, Доктор быстро добежал до груши и спрятался за ней.

— Это ты, Джип? — спросил он шепотом. — Что случилось?

— Да, это я, — тоже шепотом отозвался пес. — Впустите меня. Я не могу перелезть через стену.

— Да как же я тебя впущу? В стене нет двери, а если я выйду отсюда, меня увидят соседи.

— Принесите веревку и привяжите к ней корзину, — зашептал Джип. — Потом перебросьте веревку через стену, и я залезу в эту корзину. Как только я твякну, вы потянете за веревку и поднимете меня. Только побыстрее! Я не хочу, чтобы меня здесь кто-нибудь увидел.

Доктор побежал обратно в сарай, нашел там веревку и привязал к ней садовую корзину.

Вернувшись в свое укрытие под грушей, он перебросил корзину через стену, оставив у себя свободный конец веревки. Джип тут же твякнул, и Доктор начал тянуть за веревку. Когда корзина поднялась до самого верха, появилась голова Джипа.

— Привяжите веревку к дереву, — прошептал он, — только покрепче. А потом подставьте свой сюртук. Я хочу вам кое-что сбросить.

Доктор сделал все так, как сказал Джип. И пес сбросил вниз содержимое корзины. Там оказалось: четыре сэндвича с ветчиной, бутылка молока, две селедки, бритва, кусок мыла и газета. После этого на лужайку полетела и пустая корзина.

— А теперь, — сказал Джип, — ловите меня. Растяните сюртук потуже и держите его крепко. Готово? Раз, два, три!

— Вот это да! — воскликнул Доктор, когда Джип, нырнув рыбкай со стены, приземлился точно на сюртук. — Да ты сам можешь выступать в цирке!

— Когда-нибудь я этим займусь, — небрежно заметил пес. — Где же вы здесь живете? В погребе?

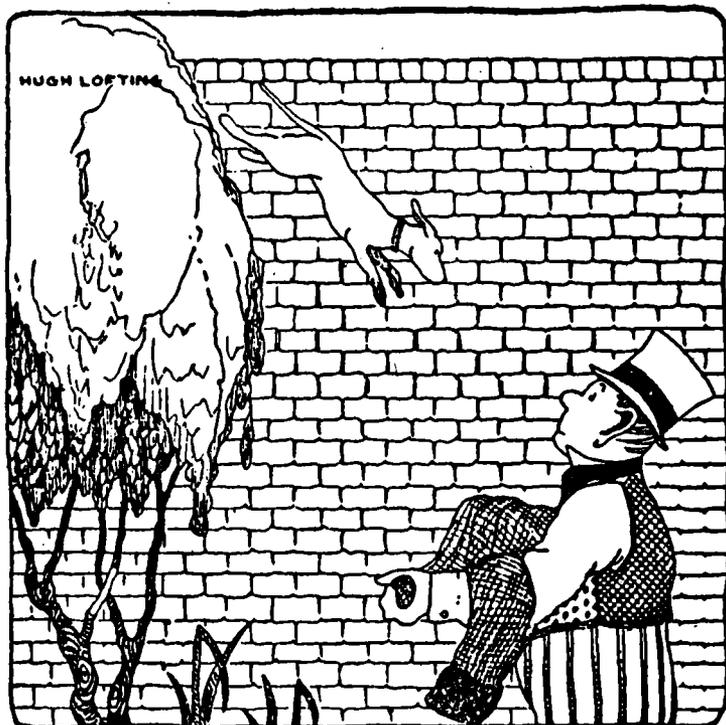
— Нет. Вон там — в сарае. Давай-ка туда потихоньку пробираться.

Через минуту они были в полной безопасности в сарае. Софи жадно заглатывала селедку, а Доктор уплетал за обе щеки сэндвичи.

— Ты просто чудо, Джип, — сказал он с набитым ртом. — Как же ты узнал, что мы здесь умираем с голоду?

— После того как Софи сбежала, — начал свой рассказ Джип, бросив тюленихе еще одну рыбку, — Блоссом и все остальные искали ее до самого утра. Они устроили такой переполох, что разбудили весь город. Люди стали высовываться из окон и спрашивать, что случилось. Гу-Гу ужасно волновался за вас. Он все время повторял: «Лишь бы Доктор и Софи не попытались сейчас уйти из города. Тогда их непременно поймают. Им нужно где-нибудь спрятаться и подождать».

Всю ночь мы просидели как на иголках. Мы

*Джип, нырнув рыбкай со стены,
приземлился точно на сюртук Доктора.*

ужасно боялись, что вас вот-вот приведут обратно. Но этого не произошло. А вас, Доктор, даже никто ни в чем не подозревает. Тогда я решил сбегать на разведку и узнать, в городе вы или нет.

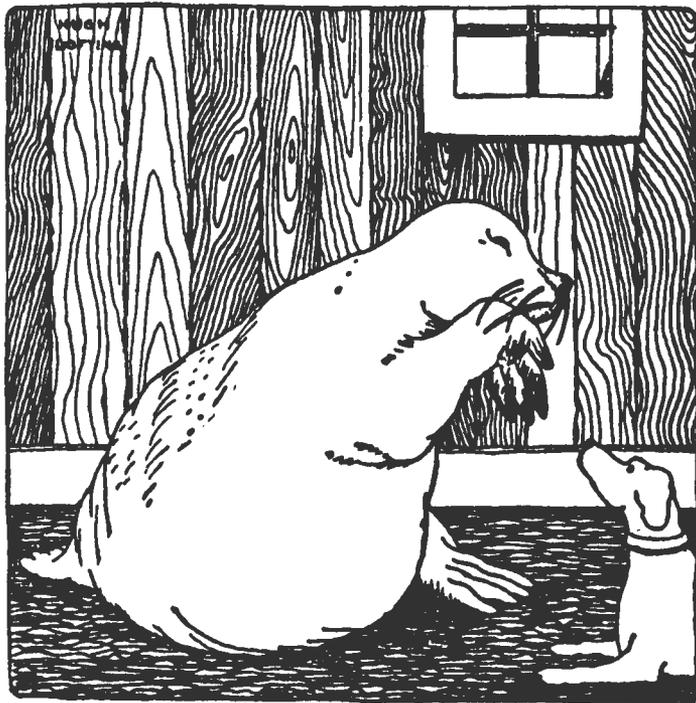
Я обежал вокруг всего Эшби, но Джоном Дулитлом и Софи нигде и не пахло. Я помчался обратно в цирк и успокоил Гу-Гу. «Если, конечно, они не улетели на воздушном шаре, — сказал я ему, — то Доктор с Софи еще здесь, в городе».

«Слава Богу, — сказал Гу-Гу. — Значит, они прячутся где-нибудь в безопасном месте. Все-таки у нашего Доктора есть голова на плечах. А сейчас, Джип, постарайся разнюхать, где же они скрываются. Тем временем я соберу им что-нибудь поесть. Наверняка они ужасно проголодались. Ведь ни Доктор, ни Софи ничего не ели со вчерашнего дня».

Ну вот, я и побежал искать ваш след *внутри* города. Я наткнулся на него в том месте, где вы вышли из дилижанса. Как я и ожидал, он привел меня в этот маленький темный дворик. Но я ужасно удивился, когда увидел, что здесь он прерывается! Да и следы лап Софи тоже больше никуда не вели. «Не могли же они пролезть через крысиную нору в стене или перелететь по воздуху», — подумал я. Я совершенно не знал, что мне делать, как вдруг до моего носа донесся запах вашего табака. Это ваш любимый табак, его-то я уж ни с чем не спутаю. Только тогда я понял, что вы здесь, в саду. Но клянусь своим носом — вы отличные прыгуны!

Доктор рассмеялся и приступил к новому сэндвичу, и даже Софи, вытерев свои усы тыльной стороной лапы, широко улынулась.

— Мы не перепрыгивали через стену, — объяснил Доктор. — А перелезли сюда вон по той

*Софи, вытерев свои усы тыльной стороной лапы,
широко улыбнулась.*

лестнице. Но как же тебе удалось незаметно пронести сюда еду?

— О, это действительно было не так-то просто, — гордо сказал Джип. — Мне пришлось потрудиться. Сначала Гу-Гу и Даб-Даб сделали сэндвичи, а потом мы достали у Хиггинса селедку для Софи. Выудили ее из ведра с рыбой. Молоко же, как всегда, нам принесла молочница. Потом Гу-Гу сказал, что вам наверняка понадобится газета — чтобы было чем заняться до вечера. И я выбрал вашу любимую «Утреннюю газету». Мы видели, что вы часто читали ее по утрам. Потом белая мышка предложила мне отнести вам мыло и бритву — вы же не любите ходить небритым. Но все это я не смог унести за один раз. Поэтому пришлось мне бегать туда и обратно два раза. Когда я бежал сюда в первый раз, меня остановила какая-то старушка. Знаете, чтобы было не очень подозрительно, я завернул еду в газету и нес ее в зубах. Так вот, эта старушенция остановила меня и закудахтала: «Ой, какой умненький песик — он несет газету своему хозяину!» Насилу я от нее отвязался. Я спрятал сверток под бочонком во дворике и побежал за следующей партией.

Но во второй раз мне встретились болваны похуже! Это была свора собак! Они учуяли запах селедки и стали меня преследовать. Пытаясь отвязаться от них, я носился по всему городу и чуть не растерял то, что вам нес. Но они никак не отставали. Тогда я положил сверток на землю и сразился с ними — а их было штук пять, не меньше. Да, нелегкая это была работа!

— Боже! — воскликнул Доктор, который доел последний сэндвич и теперь открывал бутылку с молоком. — Какое счастье иметь таких друзей! Вы

просто молодцы, что додумались принести мне бритву. Я уже так оброс! Ой, но у меня же нет воды!

— Вместо воды вы можете использовать молоко, — сказал Джип. — Не допивайте все до конца. Видите, мы об этом тоже позаботились.

— Гм, — хмыкнул Доктор и поставил на стол полупустую бутылку. — А это неплохая идея! Я еще никогда не брился с молоком! Должно быть, это очень полезно для кожи. Ты же не пьешь молока, правда, Софи? Ну вот, теперь у нас все есть.

И Доктор снял воротничок и начал бриться. Когда он закончил, Джип сказал:

— Ну, мне пора. Я обещал всем, что скоро вернусь и расскажу, как у вас дела. Они, наверное, уже очень волнуются. Если вы не выйдете отсюда сегодня ночью, я прибегу завтра в это же время и принесу вам еще что-нибудь поесть. В городе уже стало поспокойнее, но Хиггинс с Блоссомом все еще ищут Софи. Так что будьте осторожны. На мой взгляд, в этом сарае и безопасно, и уютно. Лучше отсидеться здесь еще пару дней, чем попасть в лапы к Блоссому.

— Спасибо, Джип, — поблагодарил своего верного друга Доктор. — Спасибо, что разыскал нас. Ты тоже будь осторожен. Передавай от меня всем привет.

— И от меня тоже, — добавила Софи.

— Скажи Гу-Гу и остальным, что мы им очень благодарны за помощь, — сказал напоследок Доктор, открывая дверь сарая.

После этого они опять незаметно прошмыгнули под грушевое дерево. Доктор залез по веткам наверх, посадил Джипа в корзину и спустил ее на веревке во дворик за стеной.

В следующие несколько часов ничего Примеча-

тельного больше не произошло. И хотя из дворика время от времени доносились крики охотящихся за тюленихой людей, Доктор и Софи проводили время очень приятно. Он читал газету, а она валялась в постели, мечтая о встрече со своим родным морем и несчастным мужем.

Когда наконец стемнело и читать стало невозможно, беглецы начали шепотом обсуждать свои дальнейшие планы.

— Как вы думаете, — спросила тюлениха, — мы сможем выбраться отсюда сегодня ночью? Наверняка они уже перестали искать меня.

— Надеюсь, — ответил Доктор. — Как только совсем стемнеет, я выйду в сад и послушаю, что там творится за стеной, в городе. Я знаю, тебе не терпится поскорее отправиться к морю, но мы должны быть осторожны. Постарайся немного потерпеть.

Через полчаса Доктор взял лестницу и пошел в сад. Осторожно поднимаясь по ступенькам, он долго и внимательно прислушивался к тому, что происходит за стеной.

Скоро он вернулся в сарай и, встретив вопросительный взгляд тюленихи, покачал головой.

— Думаю, нам нужно еще подождать, — сказал он. — На улицах полно народу. Но кто это — то ли люди Блоссомы, то ли просто горожане, — я так и не смог разобрать.

— Ой, ой, ой, — вздохнула Софи. — Неужели мы никогда не выйдем из этого сада? Бедный мой Слаши! Я о нем так беспокоюсь!

И в темноте послышались жалобные всхлипывания.

Через час Доктор снова отправился на разведку.

Но только он собрался залезть на лестницу, как услышал с другой стороны шепот Джипа.

— Доктор, это вы?

— Да, а что случилось?

— Слушайте меня внимательно: Хиггинс с Блоссомом только что куда-то уехали. Директор вызвал Мэтью и поручил ему собирать у входа деньги, пока его не будет. Гу-Гу считает, что для вас это прекрасная возможность улизнуть из города. Он говорит, что вам лучше выйти отсюда через час, когда представление будет в самом разгаре, а все артисты заняты. Ну что, вы все поняли?

— Спасибо, Джип. Через час мы выберемся отсюда. — Доктор посмотрел на часы. — В какую сторону поехал Блоссом?

— На восток, по направлению к Гримблдону. Свисток побежал за его фургоном и все это разузнал. А вы отправляйтесь на запад. Из этого дворика вы должны повернуть налево, а потом, когда дойдете до угла, еще раз налево. Оттуда вы выйдете на Даниджскую дорогу. Там уже вам ничто не будет угрожать. Вдоль этой дороги почти нет домов, и вы окажетесь за городом очень скоро. Я оставлю здесь еще несколько сэндвичей. Когда перелезете через стену, заберете их. Вы слышите меня?

— Да, я все понял, — шепотом ответил Доктор. Попрошавшись с Джипом, он побежал в сарай, чтобы сообщить Софи хорошие новости.

Бедная тюлениха, услышав, что они отправляются этой же ночью, сделала стойку на хвосте и захлопала от радости лапами.

— А теперь слушай внимательно, — сказал ей Доктор. — Если на улице нам кто-нибудь встретится, а в этом я не сомневаюсь, то сразу же ложись около стены и притворяйся, что ты мой мешок.

Пусть они подумают, что я тебя только что снял с плеч, чтобы передохнуть. Постарайся изобразить мешок как можно правдоподобнее, поняла?

— Поняла, — ответила Софи. — Я ужасно волнуясь. Посмотрите, как дрожат мои лапы!

Все оставшееся время Доктор не спускал глаз с часов. За двадцать минут до назначенного срока они с Софи уже сидели под стеной в полной готовности.

Наконец, в последний раз взглянув на часы, Доктор сказал:

— Пора. Первым полезу я, чтобы подержать тебе лестницу.

Но увы! Надеждам Софи не суждено было сбыться. Не успел Доктор добраться и до середины лестницы, как они услышали чей-то низкий и злобный лай, доносящийся издалека.

Джон Дулитл замер на ступеньке и нахмурился. Лаяло очень много собак, и эти собаки бежали прямо в их дворик.

— Что это? — дрожащим шепотом спросила Софи снизу. — Это не похоже ни на Джипа, ни на Тоби со Свистком.

— Нет, сказал Доктор, медленно спускаясь вниз. — Этот звук я ни с чем не спутаю. Что-то неладно, Софи. Это лают ищейки — ищейки, бегущие по следу. И они бегут сюда!

ГЛАВА 4

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ИЩЕЕК

Поговорив с Доктором, Джип вернулся к своим друзьям. Он чувствовал себя превосходно: ведь теперь Доктору с Софи наверняка удастся выйти из города.

Они с Гу-Гу болтали, сидя под столом, а Даб-Даб вытирала пыль, когда вдруг в фургончик ворвался Тоби. Не успев перевести дух, пудель закричал:

— Джип! Случилось самое худшее! Они привезли ищеек. Оказывается, Блоссом с Хиггинсом ездили в соседнюю деревню, чтобы забрать этих ищеек у парня, который их разводит. Они привезли шестерых здоровенных псов. Я их увидел, как только фургон Блоссоба въехал в город. Я побежал за фургоном, чтобы поговорить с ними, но из-за скрипа колес они меня не слышали. Если Блоссом пустит этих ищеек по следу Софи, они ее тут же найдут.

— Будь они прокляты! — пробормотал Джип. — Где они сейчас, Тоби?

— Не знаю. В последний раз я их видел, когда они бежали по рыночной площади. Вернее, неслись как сумасшедшие. Я их обогнал и помчался сюда, чтобы быстрее вам все рассказать.

— Ну, я им сейчас задам, — твякнул Джип, вскакивая. — Бежим со мной!

И он с быстротой молнии метнулся в ночь.

— Скорее всего, они попробуют взять след в балагане Софи, — сказал Джип, когда они бежали по цирковому городку. — Может быть, сейчас они еще там.

Но в балаганчике Софи ищеек уже не было.

— Черт возьми, — прошептал Джип. — Они уже были здесь и все разнюхали. Послушай, кажется, я слышу их лай в том дворике... Бежим! Может, мы еще успеем!

И он, как белая стрела, полетел к воротам, оставив Тоби далеко позади. Бедный маленький пудель старался изо всех сил; он так быстро семеня лапками, что его длинные уши развевались по ветру, но догнать сильного, быстрого Джипа ему никак не удавалось.

Влетев во дворик, Джип обнаружил, что там полно собак и людей с фонарями. Он сразу же увидел и Блоссому, и Хиггинса, и владельца ищеек. Они бегали по дворику и размахивали фонарями. Ищейки же нюхали землю и, пытаясь понять, куда же ведет след, металась из стороны в сторону. Это были громадные псы с обвислыми щеками, длинными ушами и налитыми кровью глазами. Время от времени кто-нибудь из них останавливался, отрывал свой нос от земли, раскрывал громадную пасть и начинал басом выть на луну.

Тут же изо всех окрестных дворов доносился ответный собачий лай и вой.

Притворившись, что он тоже ищет след, Джип бросился в гущу ищеек. Он выбрал самого здорового пса и, справедливо предположив, что он и есть вожак всей своры, подбежал к нему.

— Убери сейчас же своих болванов отсюда! Не вмешивайтесь в дела Доктора Джона Дулитла! — зашептал он ему на своем собачьем языке.

Вожак на минуту остановился и высокомерно оглядел Джипа с головы до ног.

— Кто ты такой, дворняга? — презрительно спросил он. — Нам приказано найти тюлениху.

Перестань дурачить меня. Джон Дулитл сейчас далеко, он путешествует.

— Ничего подобного, — забормотал Джип. — Он прячется вот за этой самой стеной, не более шести футов отсюда. Он хочет отправить тюлениху к морю, чтобы она могла убежать от этих людей с фонарями. А если вы, идиоты, сейчас же не уберетесь отсюда, у него ничего не получится.

— Я не верю тебе, — ответил вожак. — Последнее, что я слышал о Джоне Дулитле, это то, что он в Африке. Не мешай нам выполнять свои обязанности.

— Тупица, болван! — простонал Джип, вконец потеряв терпение. — Как ты не понимаешь, я говорю правду. Ты дождешься того, что я вцеплюсь в твои длинные уши. Должно быть, ты проспал в своей конуре два года. Уже месяц, как Доктор вернулся в Англию. А сейчас он работает в цирке.

Но предводитель ищет, как многие специалисты высокого класса, во всем, что выходило за рамки его профессии, был ужасно упрям и немного глуповат. Он никак не хотел верить Джипу. Надо сказать, что этот вожак был знаменит тем, что еще ни разу не дал убежать своей добыче. У него была безупречная репутация, и он ею очень гордился. Он не мог допустить, чтобы его ввел в заблуждение какой-то выскочка и бездельник.

Бедный Джип был в отчаянии. Собаки уже обнюхивали стену, на которую забиралась Софи. Джип знал, что пока тюлениха в городе и ее сильный рыбный запах не выветрился, ищейки ни за что не уйдут отсюда. Вот-вот Блоссом с Хиггинсом догадаются, что она прячется за стеной, и тогда — конец. Они непременно обыщут и дом, и сад.

Но внезапно Джипа осенило. Он выбрался из клубка ищеек и побежал в другой конец двора. Было невообразимо шумно. Ищейки и собаки из соседних дворов заливались на все лады. Джип откинул голову назад и присоединился ко всеобщему лающему хору; но его послание было адресовано только одному человеку, прячущемуся в саду за стеной.

— Эти идиоты не верят мне, — затыкал он. — Ради Бога, скажите им сами, что вы здесь. Гав, гав, га-а-ав!

И тут же ему ответил новый собачий голос:

— Это я, Джон Дулитл. Не могли бы вы уйти отсюда? Я был бы вам очень благодарен. Гав, гав, га-ав.

Услышав этот голос (для Блоссомы и Хиггинса он ничем не отличался от остальных собачьих голосов), шесть ищеек оторвали свои носы от земли и наострили уши.

— Боже, — пробормотал вожак. — Клянусь, это действительно он. Самый великий человек на земле.

— Ну, что я тебе говорил? — воскликнул Джип. — А теперь уводи этих людей отсюда на юг, да побыстрее. Бегите, не останавливаясь, до самого утра.

Вожак развернулся и со всех ног бросился к выходу из двора. За ним побежали и остальные ищейки.

— Все в порядке! — закричал хозяин собак Блоссому. — Они опять взяли след. Бежим за ними! Главное, не отставайте!

Спотыкаясь друг о друга, трое мужчин побежали за собаками. За ними, лая изо всех сил, помчался и Джип.

— Они свернули на юг! — снова закричал хозяин ищеек. — Будьте спокойны, теперь-то мы уж точно поймаем вашу тюлениху. Это прекрасные собачки. Стоит им взять след, они ни за что не упустят свою добычу. Мистер Блоссом, прошу вас, не отставайте, а не то они убегут слишком далеко.

И тотчас маленький дворик опустел. Трудно было поверить, что только минуту назад здесь было полно собак и людей с фонарями. Теперь лишь молочный лунный свет мутно разливался вокруг.

Бедная Софи рыдала на лужайке, а Доктор пытался ее успокоить, когда на стене появился силуэт Гу-Гу.

— Доктор, Доктор! — позвал он.

— Ах, это ты, Гу-Гу! Ну, что?

— Вам нельзя терять ни минуты. Сейчас самый удобный момент: все горожане вместе с Блоссомом бегут «по следу Софи». Забирайтесь скорее на лестницу!

И уже через две минуты, в то время как гончие, несясь на юг во весь опор, устраивали Хиггинсу с Блоссомом скачки с препятствиями, Доктор потихому вывел Софи на Даниджскую дорогу, и они отправились на запад, к морю.

Много дней спустя, когда таинственное исчезновение Софи из цирка стало достоянием истории, Джон Дулитл не раз говорил своим питомцам, что если бы он знал с самого начала, как это невероятно трудно — переправлять тюлениху через сто миль посуху к морю, — он вряд ли бы решился на это.

Следующая половина приключений Доктора и Софи, в которых никто из его зверей уже не участвовал, стала на долгие годы самой любимой историей в кружке у каминя. Особенно всем нравилась одна ее часть, которую Габ-Габ назвал «Гранчестер-

ский дилижанс». И каждый раз, когда друзьям, рассевшимся вокруг уютного огонька, хотелось послушать что-нибудь особенно забавное, они начинали упрашивать Доктора снова рассказать им, как он путешествовал с Софи в Гранчестерском дилижансе.

Но давайте не будем забегать вперед, а расскажем все по порядку.

Когда наконец Доктор с Софи миновали все жилые дома и вышли за город, они с облегчением вздохнули. Больше всего они боялись встретить на улице полицейского, — ведь Хиггинс уже наверняка обращался в полицию и назначил вознаграждение за поимку сбежавшей собственности.

Софи передвигалась по дороге очень медленно, переваливаясь с лапа на лапу. По тому, как она тяжело дышала, Доктор мог определить, что даже этот маленький кусочек пути по суше уже сильно измучил ее. Ему было очень жаль бедное животное, но останавливаться на дороге он не осмеливался.

Однако скоро он увидел слева маленькую рощицу, которая могла бы стать прекрасным местом для отдыха. Свернув с дороги, он отыскал в изгороди дыру, через которую могла пролезть тюлениха. Рощица представляла собой густые заросли из деревьев и ежевичных кустов. Это было такое дикое место, что здесь можно было прожить несколько лет, не встретив ни единой души (кроме, может быть, заблудившихся охотников за кроликами и детей, собирающих ягоды). Лучшего укрытия и придумать было нельзя!

— Ну вот и прекрасно, — сказал Доктор, когда Софи наконец плюхнулась на землю. Они были надежно скрыты от постороннего глаза зарослями боярышника и дрока. — До сих пор все шло совсем не плохо.

MASH LEPTIN

*Лучшего укрытия
и придумать было нельзя!*

— Боже, как я устала, — простонала Софи. — Тюлени все-таки не приспособлены для таких переходов. Как вы считаете, Доктор, сколько мы уже прошли?

— Думаю, около полутора миль.

— И это все?! — воскликнула тюлениха. — До моря еще целых сто миль! Кажется, я знаю, что нам нужно делать, Доктор. Давайте поищем какую-нибудь реку. Реки всегда впадают в моря. По воде я могу передвигаться так же быстро, как лошадь по суше. Но если я пройду еще хоть немного по этой ужасной дороге, я протру себе дырки на животе! Нам нужно искать реку.

— Ты, конечно, права, Софи. Но весь вопрос в том, где же мы ее найдем? Если бы мы были рядом с Падлби, я бы сразу сказал тебе, где река. Но эту местность я совсем не знаю. Как же я не подумал, что нам может понадобиться карта? Ай-я-яй! Спросить у людей мы сейчас не можем — ведь все думают, что я нахожусь совсем в другом месте. Что же нам делать?

— Может быть, спросить у зверей? — предложила Софи.

— Действительно! Как же я сам не догадался! Ты не знаешь, какое речное животное лучше всех разбирается в географии рек?

— О, любое из них!

— Кажется, я придумал. Давай спросим у выдры. Выдры — твои самые близкие родственницы в Англии, Софи. Они плавают и охотятся в пресной воде точно так же, как ты в соленой. Значит, так: ты оставайся здесь и отдыхай, а я пойду разыщу какую-нибудь выдру.

Софи заснула, а Доктор отправился на поиски выдры. В час ночи тюлениху разбудил треск веток

— это вернулся Доктор. Вместе с ним прискакал и какой-то необыкновенный пушистый зверек — речная выдра. Было видно, что она, хотя немного и побаивается Софи, но в то же время сгорает от любопытства. Разглядеть тюлениху ей мешал высокий папоротник, поэтому выдра без конца подпрыгивала, вытягивая свою грациозную шейку.

— Какая она огромная, Доктор, — прошептала выдра. — Вы же мне говорили, что она — наша родственница!

— Да, отчасти так оно и есть. Хотя, если уж быть совсем точным, она из семейства ластоногих, а ты — из семейства куньих.

— Ну, слава Богу. Я даже рада, что мы не такие близкие родственницы. Она ужасно неуклюжая! Посмотрите, у нее даже нет задних ног, вместо них — какие-то обрубки. Вы уверены, что она не кусается?

В конце концов выдру удалось убедить, что Софи совершенно безобидна, и она подошла к ней поближе. «Родственницы» разговорились, и выдра скоро пришла к выводу, что вести беседу с этой огромной гостьей из заморских стран даже очень приятно.

Но им так и не удалось поболтать вдоволь, так как Доктор сразу решил приступить к делу.

— Послушай, — сказал он выдре. — Я тебе уже говорил, что мы хотим добраться до моря самой спокойной и самой короткой дорогой. Софи считает, что мы должны найти реку.

— Гм, — хмыкнула выдра. — Она права. Только вот для поисков реки вы выбрали самое неподходящее место. В округе нет ни одной приличной речки, в которой ваша тюлениха могла бы плавать. Я-то здесь живу только потому, что в этих краях нет охотников за выдрами. Я ловлю рыбу в двух прудах тут неподалеку. Конечно, они не очень-то

хороши, зато за мной не гоняются своры охотничьих собак.

— Куда же нам пойти? — спросил Доктор.

— Ума не приложу. Вы знаете, я сама очень мало путешествую. Я родилась здесь, и моя мать всегда говорила мне, что это единственное место в Англии, где выдры могут жить спокойно. Поэтому за всю свою жизнь я никуда отсюда не уходила.

— Не могла бы ты принести мне немного рыбы? — попросила Софи. — Я умираю от голода.

— Конечно. Ты ешь карпов? ,

— Сейчас я могу съесть все что угодно, — ответила тюлениха.

— Тогда подожди минуточку, я сбегаяю на пруд. — И выдра запрыгала из рощицы.

Не прошло и десяти минут, как она вернулась с огромным золотистым карпом в зубах. Софи расправилась с ним в два счета.

— Почему бы вам не расспросить диких уток, Доктор? — предложила выдра. — Они всегда летят к морям вдоль рек, чтобы можно было подкрепиться по дороге. Они выбирают самые тихие речки, где редко встретишь людей. Утки вам обязательно помогут.

— Пожалуй, ты права. Но где же нам их найти?

— О, это очень легко. Они пролетают здесь каждую ночь. Вам нужно забраться на какой-нибудь холм и подождать. Когда вы услышите, что они летят, просто позовите их.

Доктор решил послушаться совета выдры и, оставив Софи и ее пресноводную кухню болтать в рощице, отправился искать холм повыше. Скоро он забрался на самый высокий холм, с которого было видно лишь одно освещенное лунным светом небо. Через несколько минут Доктор услышал отдаленное криканье и хлопанье крыльев — это дикие утки

летели по ветру. Высоко над головой ему удалось разглядеть клинышек из темных точек.

Сложив рупором ладони, Доктор поднял голову и издал призывный утиный клич. Клин остановился, и маленькие темные пятнышки начали кругами спускаться вниз, постепенно превращаясь в диких уток.

Софи с выдрой все еще болтали, когда в рощице появился Джон Дулитл с двумя восхитительными сине-зелеными утками под мышкой.

Бережно поставив их на землю, Доктор рассказал, что им нужно, и попросил совета. Немного подумав, утки ответили:

— Ближайшая отсюда река, по которой может плыть тюлениха, — это Киппет. Но чтобы добраться до нее, вам придется пройти еще сорок миль по суше, ведь отсюда к ней не ведут никакие притоки.

— Да, плохи наши дела, — пробормотал Доктор.

— Очень плохи, — вздохнула Софи. — Бедный мой Слаши! Сколько еще времени пройдет, пока я попаду к нему! А по какой местности нам придется идти?

— Местность там разная, — ответили утки. — Встречаются и холмы, и равнины. Вам нужно будет пробираться и через пшеничные поля, и через вересковые пустоши.

— Боже мой, какой ужас! — воскликнула Софи.

— Да, тебе будет нелегко. Было бы лучше, если бы вы добрались до реки по дороге.

— В том-то и дело, что мы не можем этого сделать. В любую минуту нам могут встретиться люди, которые знают о том, что Софи убежала из цирка. Потому-то мы и свернули с Даниджской дороги!

— А вам совсем не обязательно возвращаться на Даниджскую дорогу, — возразили утки. — Если вы

— Местность там разная, —
ответили утки.

пойдете вдоль вон той изгороди на запад, то скоро выйдете на старую дорогу, которая ведет из Игльби в Гранчестер. По ней ездят одни только дилижансы. Там вы вряд ли встретите кого-нибудь из Эшби. Вы пройдете по этой дороге сорок миль на север и выйдете прямо к реке Киппет. Дорога пересекает ее перед въездом в город Гранчестер, как раз у Талботского моста.

— Да, для хорошего ходока это — пара пустяков, — вздохнул Доктор. — Но для Софи — совсем другое дело. Все же, наверное, это лучший вариант. Значит, так: мы должны идти по Гранчестерской дороге на север до Талботского моста, а там свернуть к реке. Она называется Киппет. Правильно?

— Правильно, — ответили утки. — Как только вы попадете на дорогу, вы уже не заблудитесь. Но когда вы выйдете к реке, обязательно расспросите местных уток, как вам лучше добраться до моря. На этой реке наверняка есть много опасных для вас мест, про которые мы ничего не знаем. Будьте осторожны!

— Большое спасибо, — поблагодарил уток Доктор. — Вы нам очень помогли!

Утки улетели по своим делам, а Джон Дулитл посмотрел на часы.

— Сейчас два часа ночи. До рассвета еще три часа. Ну, так что мы будем делать, Софи: останемся здесь и отдохнем до завтрашнего вечера или пойдем на Гранчестерскую дорогу? Только тогда нам лучше поторопиться, ведь мы должны пройти до рассвета как можно больше.

— Конечно, пойдете сейчас! — воскликнула Софи.

Пока они плелись вдоль изгороди, маленькая выдра снова сбегала на пруд и принесла Софи еще

свежей рыбы, чтобы тюлениха могла подкрепиться перед нелегкой дорогой.

Она проводила их до конца большого поля и, показав дыру в изгороди, за которой была дорога, усккала.

Доктор и Софи пролезли в эту дыру и очутились на широкой мощенной булыжником дороге. Убедившись, что кроме них на дороге никого нет, они повернули направо и отправились на север, к реке Киппет.

ГЛАВА 5

ПАССАЖИРЫ ИЗ ПЕНЧЕРЧА

Они шли всего чуть больше часа, а Софи уже начала сдавать.

— О, Боже, Боже, — без конца повторяла она. — Эта дорога такая же ужасная, как и та. Я уже ободрала о камни весь живот. Доктор, сколько мы уже прошли?

— Наверное, мило, — ответил Доктор.

— Как, опять мило? Всего лишь мило! — воскликнула тюлениха и начала ронять в белую дорожную пыль огромные слезы. — Наверное, я ужасная обуза для вас, Доктор?

— Что ты, перестань. Еще рано отчаиваться. Подожди немного: как только мы дойдем до реки, тебе станет намного легче.

— Но до реки еще тридцать девять миль! — продолжала всхлипывать Софи. — А я уже так измучилась!

Доктор посмотрел на нее и понял, что она действительно очень устала. Ничего не оставалось делать, как остановиться.

— Слезай с дороги и ложись в эту канаву, — приказал он тюленихе. — Отдохни немного. Здесь тебя никто не увидит.

Бедная Софи плюхнулась в канаву, а Доктор присел рядом на камень и задумался. Хоть он и старался утешить тюлениху как только мог, теперь ему самому уже начало казаться, что они никогда не доберутся до реки.

Вдруг Софи спросила:

— Что это за звуки?

Доктор поднялся с камня и прислушался.

— Это скрип колес. Сюда кто-то едет. Но ты не бойся: в этой канаве тебя никто не увидит. Главное, лежи тихо, пока они не проедут.

Скрип колес раздавался все ближе и ближе, и наконец из-за поворота показался огонек. Доктор смог разглядеть, что к ним приближается что-то вроде дилижанса. Экипаж поравнялся с ними и остановился. Кучер наклонился к Доктору и спросил:

— Вы что, ждете дилижанс?

— Э... э... да как вам сказать... — начал заикаться Доктор. — А вы и есть дилижанс?

— Конечно. Неужели сами не видите?

— А куда вы едете? — Доктор понемногу начал приходить в себя.

— Местный маршрут. От Пенчерча до Энглторпа. Хотите поехать с нами?

Пока Доктор раздумывал, что ответить, ему в голову вдруг пришла шальная мысль.

— А много у вас пассажиров? — спросил он.

— Да нет, только двое: муж с женой. Сейчас они спят. Залезайте, места еще много.

Надо сказать, что кучер остановил свой дилижанс чуть дальше того камня, на котором сидел Доктор. Поэтому он не видел ни Софи, ни задней двери своей кареты.

— А ваши пассажиры из этих мест? — поинтересовался Доктор, понизив голос.

— Нет, я же вам сказал, что мы едем из Пенчерча! Может, вы еще что хотите узнать? Если вы с нами едете — забирайтесь в карету, да побыстрее! Что мне тут с вами, всю ночь что ли лясы точить?

— Хорошо, я еду, — сказал Доктор. — Только подождите минутку, пожалуйста: мне нужно взять свой багаж.

— Вам помочь?

— Нет-нет. Ради Бога, сидите. Я справлюсь сам.

Доктор подошел к дилижансу и открыл заднюю дверь. Тусклый свет масляной лампы едва освещал сидевших в дальнем углу пассажиров: мужчину и женщину. Они мирно похрапывали, свесив головы на грудь. Оставив дверь открытой, Доктор побежал к канаве и, схватив на руки тюлениху, понес ее к дилижансу.

— Мы проедем хоть какую-то часть пути, — зашептал он ей на ухо. — Ради Бога, лежи тихо и не двигайся, я положу тебя под сиденье, как будто ты мой багаж.

Для того чтобы войти в дилижанс, нужно было подняться по двум подвесным железным ступенькам. Но когда Доктор со своим тяжеленным грузом ступил на одну из них, ступеньки предательски заскрипели. Женщина, спавшая до этого в углу, тут же подняла голову и посмотрела на Доктора. Джон Дулитл замер и тоже уставился на нее. Чтобы не уронить Софи, он прижал ее к себе покрепче, а тюлениха обняла его лапами за шею.

— Джон! — издав пронзительный вопль, женщина упала в обморок прямо на своего мужа.

Конечно же, это была Сара! Лошади испуганно шарахнулись в сторону, Доктор потерял равновесие и упал. А дилижанс рванулся в ночь, оставив Джона Дулитла сидеть на дороге с Софи на коленях.

— Охо-хо... — вздохнул он, с трудом поднимаясь. — Ведь надо же было так случиться, чтобы там оказалась Сара! Это мог быть кто угодно! Но нет, именно мою сестрицу угораздило ехать в этом дилижансе. Ну да ладно, что теперь делать...

*Доктор, схватив на руки тюлениху,
понес ее к дилижансу.*

— Но как же вы хотели положить меня под сиденье? — спросила Софи. — Там не хватило бы места даже для собаки!

— Ты знаешь, у меня совсем не было времени, чтобы подумать об этом. Эх, если бы я не оступился и не разбудил Сару! Хотя, с другой стороны, даже хорошо, что это оказалась она. Если бы кто-нибудь другой увидел меня с тобой на руках, могли бы начаться всякие разговоры, и они непременно дошли бы до Блоссомы. А Сара и ее муж так стыдятся того, что я работаю в цирке, что им и в голову не придет кому-нибудь об этом рассказывать. В этом я уверен. Но послушай, по-моему идея с каретой не так уж плоха. Только сначала нужно все хорошенько обдумать. А сейчас посмотри: небо на востоке уже светлеет. Идти дальше нам опасно. Давай-ка спрячем тебя вон в том лесочке, а я схожу в соседнюю деревню и кое-что разузнаю.

И они прошли по дороге чуть дальше к небольшому перелеску.

Устроив тюлениху со всеми удобствами, Доктор отправился в деревню. Там он нашел очень уютный, увитый плющом постоялый двор, который назывался «Три охотника». Так как Доктор был ужасно голоден (со вчерашнего дня у него не было во рту и маковой росинки), он сразу же заказал себе завтрак: яичницу с ветчиной. Позавтракав, Джон Дулитл закурил свою трубку и подозвал официанта. Официант был очень старый и давно жил в этой деревне. Оказалось, что он знает множество полезных вещей обо всех дилижансах, которые курсируют по Гранчестерской дороге. Доктор расспросил его, какая между ними разница, в котором часу они проезжают, в каких бывает больше всего пассажиров, и многое другое.

После этого, поблагодарив старика за полезную информацию и вкусный завтрак, Доктор отправился по магазинам. Их было в деревне не так уж много, и он сразу нашел то, что искал: магазин готового платья. Доктор зашел туда и попросил показать ему женский плащ, висевший на витрине.

— Он стоит пятнадцать шиллингов и шесть пенсов, — сказала хозяйка магазина, подавая ему плащ. — Ваша жена высокая?

— Моя жена? — растерялся Доктор. — Ах да, конечно. Мне нужно что-нибудь подлиннее. И пожалуй, я еще куплю ей шляпку.

— Она блондинка или брюнетка?

— М-м-м... что-то среднее.

— Вот — очень милая шляпка с красными маками. Она несомненно понравится вашей жене.

— Нет. Эта не подойдет, она слишком яркая.

— Ну и что? Говорят, в Лондоне шляпки с цветами сейчас в самой моде. Может быть, вот эта вам понравится?

И она принесла большую черную шляпу без всяких украшений.

— Она очень элегантна. Я сама ношу точно такую же.

— Да, вот эту я, пожалуй, возьму. И еще я хотел бы купить вуаль.

— О, в вашей семье траур?

— Не совсем... Мне нужна очень густая вуаль. Дама будет в ней путешествовать.

Хозяйка принесла и вуаль. С большим свертком под мышкой Доктор вышел из магазина и отправился в бакалейную лавку. Там он купил для Софи вяленой воблы — это была единственная рыба, которая продавалась в этой деревне.

Около полудня Джон Дулитл вернулся в лес, где отдыхала тюлениха.

— Софи, — сказал он, — я принес тебе интересные сведения, немного еды и кое-что из одежды.

— Кое-что из одежды? — воскликнула Софи. — Что же я буду с ней делать?

— Носить, — гордо сказал Доктор. — Ты должна ненадолго превратиться в леди.

— Боже милостивый, — захрюкала тюлениха, вытирая свои усы тыльной стороной лапа. — Зачем?

— Тогда ты сможешь путешествовать в карете, как леди.

— Но я же не умею прямо ходить!

— Зато ты сможешь прямо сидеть, как больная леди. Мы сделаем из тебя хрому барышню. С твоим хождением — покончено; я буду носить тебя на руках.

— А как же мое лицо? Ведь оно совсем не подходящей формы!

— Мы закроем его вуалью, — объяснил Доктор. — А вот эта шляпка прикроет твою голову. Поешь рыбы, которую я тебе принес, и давай примерим тебе одежду. Я узнал, что первый вечерний дилижанс на Гранчестер будет проезжать здесь около восьми часов. В него-то мы и сядем; там бывает меньше всего пассажиров. До Талботского моста нужно ехать четыре часа. Все это время тебе придется сидеть на хвосте и не двигаться. Как ты думаешь, ты сможешь это выдержать?

— Попробую, — вздохнула Софи.

— Если нам повезет, и в дилижансе кроме нас никого не окажется, ты сможешь немного полежать. Между Талботским мостом и этой деревней три остановки, и я не думаю, что в это время будет очень много пассажиров. А сейчас давай-ка примерим тебе

эту одежду. Я хочу посмотреть, как ты в ней выглядишь.

И Доктор нарядил дрессированную тюлениху, как барышню. Он усадил ее на бревно, надел ей на голову шляпку, прикрыл ее мордочку вуалью, а на все остальное накинул плащ.

И, о чудо! Перед ним сидела настоящая леди: широкие поля шляпки совершенно скрывали ее длинный нос, а мордочка под густой вуалью была удивительно похожа на женское лицо.

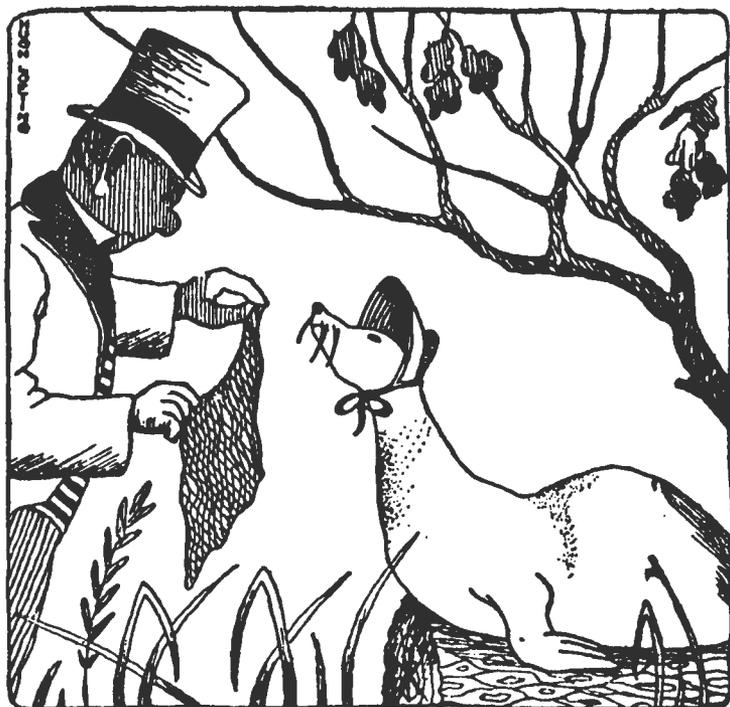
— Главное, спрячь свои усы, — сказал Доктор. — Это очень важно. Хорошо, что плащ такой длинный. Если ты как следует завернешься в него, никто ничего не заподозрит — при плохом освещении, конечно. А изнутри ты можешь придерживать его лапами. Ну-ка, попробуй. Вот здорово! Теперь ты выглядишь точно как сидящая дама, у которой руки сложены на коленях. Ой, осторожнее! Не крути головой, а то твоя шляпка соскочит. Давай-ка я завяжу тебе ленточки под подбородком — вот так.

— А как же мне дышать? — спросила Софи. Она вдыхала и выдыхала воздух с такой силой, что вуаль надувалась спереди, как воздушный шар.

— Вот так делать не надо, — сказал Доктор. — Ты же не плаваешь. Дыши поспокойнее. Не бойся, ты скоро привыкнешь.

— Ах, я не смогу долго просидеть в таком положении, — воскликнула Софи. — Так мне даже труднее сохранять равновесие, чем на лестнице. Вдруг я свалюсь на пол?

— Сиденье будет шире этого бревна и намного удобнее. Я постараюсь посадить тебя в угол, а сам сяду рядом. Ты будешь как бы зажата между мной и стенкой кареты. Если вдруг ты почувствуешь, что падаешь, шепни мне, и я тебя поддержу. Ах, как же

*Доктор нарядил дрессированную тюлениху,
как барышню.*

ты великолепна в этом наряде, Софи! Ты просто настоящая барышня!

И когда наступил вечер, на дороге появились два путника: маленький толстячок в высоком цилиндре и грузная дама под густой вуалью. Они расположились у обочины и стали дожидаться дилижанса.

ГЛАВА 6

ГРАНЧЕСТЕРСКИЙ ДИЛИЖАНС

Через пятнадцать минут Софи сказала: — Я слышу скрип колес, Доктор. Посмотрите — там какие-то огоньки на дороге.

— Да. Но это не наш дилижанс. Это экспресс, направляющийся в Твинборо. Видишь, на нем два фонарика: зеленый и белый? На нашем будут два белых огонька спереди. Постарайся не наступать на свой плащ, а то он испачкается!

Как только Твинбороский экспресс прогрохотал мимо, на дороге показался еще один дилижанс.

— А вот этот наш, Гранчестерский, — обрадовался Доктор. — Ты сиди тихо и не двигайся, а я пойду посигналю кучеру, чтобы он остановился. Потом я возьму тебя на руки и отнесу в карету. Будем надеяться, что в углу найдется свободное место. Твоя шляпка хорошо завязана, не соскочит?

— Со шляпкой все в порядке, — ответила Софи, — но вуаль ужасно щекочет мне нос. Я боюсь, что могу от этого чихнуть.

— Постарайся, пожалуйста, не чихать, — попросил Доктор, вспомнив, какой звук издают тюлени, когда чихают. (Что-то очень похожее на мычание коровы.) Оставив Софи сидеть у обочины, Джон Дулитл вышел на середину дороги и остановил дилижанс. Внутри уже сидело трое пассажиров: двое мужчин и пожилая дама. К счастью, место в углу, прямо напротив этой дамы, было свободно.

Открыв дверь, Доктор побежал за Софи, поднял ее и понес в дилижанс. Мужчины оживленно обсуждали политику и не обратили на новую хроющую

пассажирку никакого внимания. Но когда Доктор закрыл дверь и сел рядом с тюленихой, он заметил, что старушка разглядывает ее с большим интересом.

Наконец карета тронулась, и Доктор, убедившись, что ноги Софи не высовываются из-под плаща, вытащил из кармана газету. Хотя при тусклом свете масляной лампы читать было почти невозможно, он развернул газету так, чтобы она полностью закрывала его лицо, и притворился, что поглощен чтением.

Но тут пожилая дама наклонилась вперед и похлопала Софи по «колену».

— Извините меня, дорогая, — участливо начала она.

— О... э... — быстро вмешался Доктор, выглянув из-за своей газеты. — Она не умеет говорить. То есть, не умеет говорить по-английски.

— А далеко она едет? — поинтересовалась старушка.

— На Аляску, — ответил Доктор, забывшись. — То есть, потом на Аляску. А сейчас мы едем в Гранчестер.

Пожелав про себя, чтобы люди поменьше совали нос в чужие дела, Доктор снова закрылся газетой. Можно было подумать, что его жизнь зависит от того, прочтает он ее или нет.

Но от доброй старушки не так-то легко было отделаться. Немного подождав, она снова наклонилась вперед и похлопала по колену теперь уже Доктора.

— Это ревматизм? — спросила она шепотом, кивая на Софи. — Я заметила, что вам пришлось нести ее на руках, бедняжку.

— Не совсем, — замялся Доктор. — У нее слишком короткие ноги, поэтому она не может

JUSH LOFTING

— Извините меня, дорогая, —
участливо сказала пожилая дама.

ходить. С самого рождения не может ступить и шагу.

— Боже! — вздохнула его собеседница. — Как это печально. Очень, очень печально.

— Доктор, я падаю, — зашептала вдруг Софи из-под своей вуали. — Сейчас свалюсь на пол.

Пока Доктор убирал в карман газету, чтобы поддержать тюлениху, старушка снова заговорила:

— Какое у нее красивое котиковое манто!

Оказывается, ласт Софи высунулся из-под плаща.

— Да, да. Ее нужно держать в тепле, — сказал Доктор, поспешно прикрывая Софи плащом. — Это очень важно.

— Она, наверное, ваша дочь? — опять спросила старушка.

Но на этот раз ей ответила сама Софи. Вуаль так щекотала ей нос, что она наконец не выдержала и чихнула. При этом она издала такой громкий и трубный звук, что дилижанс даже качнулся в сторону. Не успел Доктор и глазом моргнуть, как тюлениха шлепнулась на пол, прямо к нему под ноги.

— Ей плохо, бедняжке, — заохала пожилая дама. — Подождите, сейчас я достану свою нюхательную соль. Она упала в обморок. Со мной это тоже часто случается во время переездов. А в этой карете еще так гадко пахнет какой-то рыбой!

К счастью для Доктора, старушка занялась поисками соли в своей сумочке, и он смог незаметно поднять Софи и снова задвинуть ее в угол. После этого он уселся между ней и двумя мужчинами, которые теперь тоже начали проявлять интерес к хромой пассажирке.

— Ах, вот она, наконец-то нашлась, — сказала старушка, протягивая Доктору серебряный флакон.

— Поднимите вуаль и поднесите его к носу бедняжки. Она тут же очнется.

— Нет-нет, спасибо, — быстро сказал Доктор. — Единственное, что ей сейчас поможет, — это отдых. Она очень устала. Давайте не будем больше разговаривать. Может быть, тогда она заснет.

Наконец-то бедному Доктору удалось заставить назойливую даму замолчать и заняться своими делами.

Следующие полтора часа пассажиры провели очень спокойно, дилижанс продолжал свой путь без особых происшествий. Но Доктору было совершенно ясно, что двое джентльменов очень заинтересовались его больной попутчицей. Они не спускали с нее глаз и все время перешептывались. При мысли о том, что их могут каждую минуту разоблачить, Джона Дулитла бросало то в жар, то в холод.

Наконец дилижанс остановился в какой-то деревне, чтобы сменить лошадей. К пассажирам заглянул кучер и сказал, что они могут поужинать на постоялом дворе. Но через полчаса всем нужно быть в сборе, чтобы снова отправиться в путь.

Бросив еще раз пристальный взгляд на Софи, два джентльмена вышли из кареты и отправились на постоялый двор. За ними последовали сердобольная старушка и кучер. Софи с Доктором остались совершенно одни.

— Послушай, Софи, — зашептал Доктор. — Что-то не нравятся мне эти двое. Боюсь, они подозревают, что мы не те, за кого себя выдаем. Ты оставайся здесь, а я схожу на постоялый двор и постараюсь узнать, поедут ли они с нами дальше.

И Доктор пошел на постоялый двор. В коридоре он встретил служанку и спросил у нее, как пройти

в столовую. Девушка показала ему комнату в конце коридора, вход в которую закрывала ширма.

— Проходите туда и садитесь за свободный столик, а ужин я сейчас принесу, — сказала она.

— Спасибо, — поблагодарил Доктор. — А вы, кстати, не знаете, кто эти двое джентльменов, которые только что вошли в столовую?

— Конечно, знаю, сэ. Один из них начальник полиции нашего графства, а другой — мистер Татл, мэр Пенчерча.

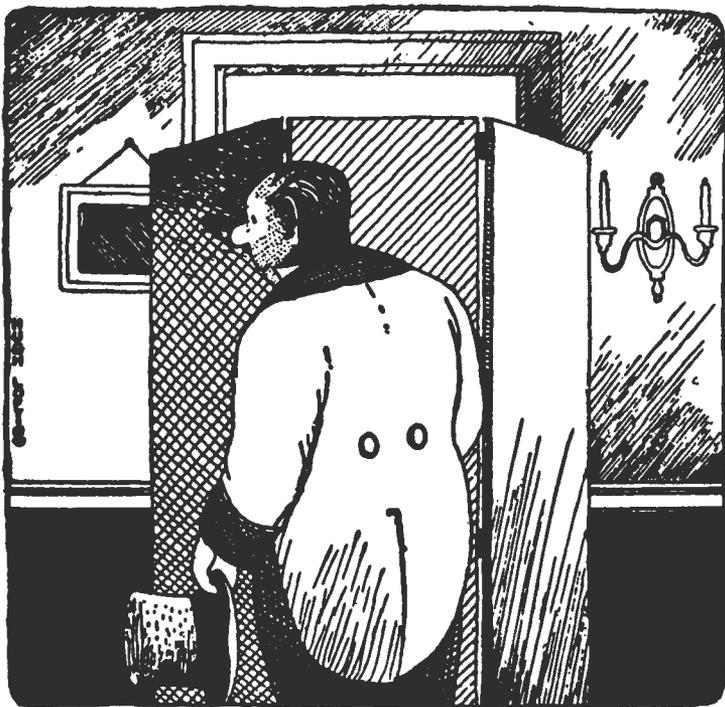
Служанка ушла, а Доктор направился к столовой. Но прежде чем войти туда, он остановился около ширмы и прислушался. Тут же он услышал голоса тех двоих джентльменов, о которых он только что расспрашивал служанку.

— У меня нет ни малейшего сомнения, — говорил один, — что это грабители, промышляющие на дорогах. Эти штучки с переодеванием — старый трюк, меня не обманешь. Ты заметил густую вуаль? Вполне возможно, что это сам Роберт Флинч. Он ограбил Твинбороский экспресс только в прошлом месяце.

— А я не удивлюсь, если этот коротышка толстяк окажется его сообщником Джо Греземом. Давай-ка сделаем вот что: после ужина вернемся на свои места, как будто мы ни о чем не догадываемся. Наверняка эти негодяи дожидаются, чтобы в дилижансе было побольше пассажиров, а когда он будет проезжать по самой глухой местности, они нападут на нас: «жизнь или кошелек»! После этого они, конечно, попытаются скрыться. У тебя с собой твои дорожные пистолеты?

— Конечно, с собой.

— Вот и отлично. Дай-ка мне один. Слушай меня внимательно: как только я тебя толкну, ты срываешь

*Доктор услышал голоса тех двух джентльменов,
о которых он только что расспрашивал служанку.*

вуаль и приставляешь пистолет к голове этого мерзавца. Я же позабочусь о коротышке. Потом мы разворачиваем карету и мчимся обратно в деревню. В местной тюрьме для них наверняка найдется подходящее место. Ну как, тебе нравится мой план?

Тут к Доктору подошла служанка. В руках у нее был поднос, уставленный тарелками с горячим и ароматным ужином. Девушка тронула Джона Дулитла за плечо и сказала:

— Входите, сэр, и присаживайтесь. Сейчас я буду разносить ужин.

— Нет, спасибо, — ответил Доктор. — Мне уже что-то расхотелось есть. Пойду-ка я лучше на свежий воздух.

К счастью, во дворе никого не оказалось. Прежних лошадей уже распрягли и отправили на конюшню, а новых еще не запрягали. Доктор побежал к дилижансу и открыл дверь.

— Софи, — зашептал он. — Скорее вылезай. Они думают, что мы переодетые разбойники. Пока здесь никого нет, нужно быстро уходить.

Софи вылезла, и Доктор, водрузив ее на себя, пошел, покачиваясь под ее тяжестью, со двора. Так как было уже довольно поздно, им не встретилось ни души. В пронзительной тишине летнего вечера раздавались лишь звяканье посуды с кухни и фыркание лошадей в конюшнях.

Они прошли по дороге совсем немного, и Доктор опустил тюлениху на землю.

— Сейчас, — сказал он, — нам не нужно далеко уходить. Здесь деревня кончается. Если мы доберемся вон до тех полей и перелезем через изгородь, — мы будем в безопасности. Сейчас я пойду вперед и поищу место, где можно перелезть, а ты иди за мной так быстро, как только можешь. Давай сюда

свой плащ и шляпку — вот так, теперь тебе будет намного удобнее.

Через несколько минут беглецы уже отдыхали в высокой луговой траве.

— Боже! — вздохнула тюлениха, вытягиваясь на земле. — Какое счастье, что я избавилась от этого гадкого плаща и вуали! Мне ни капельки не понравилось быть леди.

— Да, мы опять чудом спаслись, — сказал Доктор. — Слава Богу, что я зашел на постоялый двор и подслушал разговор этих джентльменов. Если бы мы поехали с ними дальше, нас бы точно поймали.

— А вы не боитесь, что они будут нас искать?

— Может быть. Но им и в голову не придет, что мы прячемся так близко. Они же приняли нас за дорожных грабителей. А когда они обнаружат, что нас нет, они наверняка решат, что мы уже успели уйти очень далеко. Давай подождем здесь, пока проедет наш дилижанс, а потом будем думать, что нам делать дальше.

— Да, но хоть мы с вами и спаслись, я не вижу, чем наше теперешнее положение отличается от прежнего, — сказала Софи.

— Но мы уже проехали большую часть пути! Наберись терпения, скоро мы дойдем и до реки.

— А сколько миль до нее осталось?

— Эта деревня называется Шотлейк, — задумчиво сказал Доктор. — Значит, до Талботского моста остается восемнадцать миль.

— Восемнадцать миль! Но как же мы их пройдем? Я не могу идти, Доктор. Я просто не в состоянии пройти восемнадцать миль!

— Тише. Ты говоришь слишком громко, — прошептал Джон Дулитл. — Они могут искать нас

где-нибудь поблизости. Не волнуйся, мы что-нибудь придумаем. Главное — добраться до реки, и тогда все самое худшее будет позади.

— Бедный Слаши, — забормотала Софи, поднимая глаза на луну. — Как он там без меня?.. Потом мы опять поедem в дилижансе, Доктор?

— Думаю, что нет. Наверняка они предупредили всех на постоялом дворе, и теперь кучеры будут обращать внимание на каждую даму под вуалью, попытаюсь найти тебя.

— Надеюсь, что здесь они нас не найдут, — сказала Софи. — Хотя мне кажется, что это укрытие не очень-то надежное. Боже! Вы слышите? Сюда кто-то идет!

Доктор с тюленихой лежали в самом углу поля; кроме той изгороди, через которую они только что перелезли, справа от них была еще одна живая ограда, отделявшая это поле от соседнего. Вот за ней-то беглецы и услышали чьи-то тяжелые шаги.

— Лежи тихо, Софи, — прошептал еле слышно Доктор. — Не вздумай пошевелинуться!

Вдруг ограда начала раскачиваться и послышался треск прутьев.

— Доктор, — испуганно зашептала Софи. — Они обнаружили нас. Кто-то пытается сюда перелезть.

Несколько секунд Доктор оставался в нерешительности. Он никак не мог сообразить, что же им делать: то ли лежать, затаив дыхание, то ли бежать что было сил. Ведь если их преследователи не знают, что они прячутся за этой изгородью, они, возможно, немного походят и уйдут.

Но треск веток раздавался все громче. Кто-то настойчиво пытался перелезть через ограду именно в этом месте. Доктор понял, что ждать больше нельзя, и, шепнув Софи: «Бежим!» — бросился через

поле. Бедная тюлениха, изо всех сил работая лапами и хвостом, запрыгала за ним.

Тут раздался оглушительный треск — это наконец-то сломалась изгородь, и беглецы услышали позади себя тяжелый топот. Теперь у Доктора не оставалось и тени сомнения — за ними гнались. Но испугавшись, что в них, как в разбойников, могут выстрелить без предупреждения, Джон Дулитл остановился и обернулся назад. И как вы думаете, кого же он увидел? За ними, спотыкаясь и еле волоча ноги, бежала старая-престарая рабочая лошадь!

— Все в порядке, Софи, — тяжело дыша, сказал Доктор, — остановись. Это вовсе не люди. Зря мы бежали. Боже, я, кажется, сейчас задохнусь!

Лошадь, увидев, что они остановились, перешла на шаг и иноходью направилась к ним. Даже при свете луны было видно, что она очень изнурена и слаба. Когда же лошадь подошла совсем близко, Софи с изумлением обнаружила, что у нее на носу болтаются очки.

— Господи! — воскликнул Доктор. — Да это же моя старая знакомая из Падлби! Почему же ты не позвала меня, а гонялась за нами по всему полю? Мы ждали, что ты вот-вот выстрелишь нам в спину.

— Неужели я слышу голос Джона Дулитла? — спросила старая лошадь, напряженно вглядываясь в лицо Доктора.

— Конечно. А ты что, меня не видишь?

— Почти нет, — ответила лошадь. — В последние месяцы мое зрение сильно ухудшилось. Сначала, когда вы мне дали очки, я прекрасно видела. Потом меня продали другому фермеру, и я покинула Падлби. Однажды, когда я пахала, впряженная в плуг, я споткнулась и упала. С тех пор мои очки совершенно испортились, и я почти ничего не вижу.

— Дай-ка, я взгляну на них, — попросил Доктор. — Тебе, наверное, пора уже выписывать новые.

И Джон Дулитл снял со старой лошади очки и, держа их против лунного света, начал разглядывать.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Да здесь все стекла вывернуты! Неудивительно, что ты ничего не видишь. Это очень хорошие, сильные очки — как раз для тебя, только нужно, чтобы линзы находились в правильном положении. Подожди, сейчас я поверну их так, как нужно.

— Я носила эти очки к кузнецу, который подковывает меня, — сказала лошадь. — Но он только ударил молотом по оправе, а от этого они стали еще хуже. С тех пор, как я в Шотлейке, я не могу пойти к вам, а местный ветеринар, конечно же, ничего не понимает в лошадиных очках!

— Вот теперь то, что надо, — сказал Доктор, снова надевая очки на нос своей старой приятельницы. — Я закрепил стекла как следует, на этот раз они ни за что не вывернутся. Думаю, теперь ты будешь видеть намного лучше.

— О, да! — воскликнула лошадь. Ее морда даже расплылась в улыбке. — Я вижу все ясно, как днем! Боже, как вас хорошо видно: и большой нос, и высокую шляпу, и все остальное. Как же мне приятно на вас смотреть! Сейчас я даже могу разглядеть стебельки травы в лунном свете. Вы не представляете, как это неудобно для лошади — быть близорукой! Когда пасешься, все время приходится выплевывать дикий чеснок, который ты зажевала по ошибке. Да, даром все звери говорят, что вы единственный на свете доктор, который разбирается в наших болезнях!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1

ДВОЙНИК РОБЕРТА ФЛИНЧА

— Тебе нравится твой новый хозяин? — спросил Доктор старую лошадь, усаживаясь на траву.

— О да! Он хорошо ко мне относится. В этом году я работаю совсем мало. В плуг он впрягает лошадей помоложе. А я как бы на пенсии, помогаю ему изредка то там, то здесь. Вы же знаете — я очень стара, мне целых тридцать девять лет!

— В самом деле? — удивился Доктор. — Тебе совсем не дашь так много. Впрочем, действительно, тебе уже должно быть тридцать девять. Как раз три года назад, на той неделе, когда ты начала носить очки, тебе исполнилось тридцать шесть. Помнишь, как мы справляли в огороде твой день рождения? Габ-Габ тогда еще объелся спелых персиков.

— Конечно, помню. Ах, какое это было чудесное время! Добрый старый Падлби! А что это за зверь с вами? — спросила старая лошадь, увидев Софи, заерзавшую в траве. — Барсук?

— Нет. Это тюлениха. Познакомься: ее зовут Софи, она с Аляски. Она возвращается к себе на родину, у нее там срочные дела. А я помогаю ей добраться до моря.

— Тише, — перебила его тюлениха. — Посмотрите — только что проехал наш дилижанс.

— Слава Богу, — пробормотал Джон Дулитл, когда огоньки кареты скрылись из виду. — Ты не представляешь, — сказал он, поворачиваясь к старой,

лошади, — как нам трудно было добраться даже досюда. Софи не может идти долго, и к тому же ее все время нужно прятать. Мы должны дойти до реки Киппет, до Талботского моста. Сюда мы доехали на дилижансе, но потом пришлось из него вылезти. Я как раз размышлял над тем, что нам делать дальше, когда ты появилась из-за этой изгороди и до смерти нас напугала. Да, я просто ума не приложу, как нам добраться до реки.

— Что же может быть проще? — воскликнула лошадь. — Видите вон тот сарай на горизонте? В нем стоит старая телега. И хотя там нет упряжи, зато полно веревок. Вы впряжете меня в оглобли, посадите вашу тюлениху, и я ее повезу.

— Но ведь если ты возьмешь эту телегу без спроса, у тебя будут неприятности!

— Мой хозяин никогда об этом не узнает, — рассмеялась старая лошадь. — Вы оставьте ворота открытыми, а я поставлю телегу на место, когда вернусь.

— Но как же ты сама распряжешься?

— О, это очень просто: вы завяжете веревки так, как я вам скажу, и я легко развяжу их зубами. Правда, я не смогу довезти вас до самого Талботского моста — иначе я не успею вернуться к рассвету. Но в девяти милях отсюда, на ферме «У красных холмов» у меня есть друг. Его тоже выпустят пастись на ночь. Я попрошу его домчать вас до реки. Он молодой и быстрый и успеет вернуться прежде чем его хватятся.

— Ну, ты и голова! — воскликнул Доктор. — Пойдем скорее в твой сарай, нам нельзя терять ни минуты.

Друзья забрались на холм и зашли в сарай. Там действительно стояла старая телега, а на стене

*Доктор вытащил телегу во двор,
а из веревок соорудил упряжь.*

висело несколько веревок. Доктор вытащил телегу во двор, а из веревок соорудил упряжь. В дело пошел и старый хомут, который кто-то выбросил в ясли.

После этого лошадь встала между оглоблями, а Джон Дулитл начал ее запрягать, в точности выполняя все ее указания, какими узлами связывать сбрую. Потом он посадил в телегу Софи, и они тронулись вниз по лужайке к воротам.

Вдруг Доктор сказал:

— По-моему, будет очень подозрительно, если кто-нибудь увидит меня на козлах в этом цилиндре. Посмотри: на соседнем поле стоит пугало. Позаимствую-ка я его шляпу.

— Принесите сюда все пугало, — попросила лошадь. Когда я пойду обратно, мы посадим его вместо кучера. Ведь если люди увидят, что я брожу одна, они меня непременно остановят.

— Хорошо, — сказал Доктор и побежал за пугалом. Через несколько минут он вернулся, открыл ворота, забросил пугало на телегу и залез туда сам.

Надев вместо своего цилиндра потертую шляпу пугала, Доктор взял в руки поводья и дал команду трогаться.

— А ты, — сказал он Софи, — держи свой плащ и шляпку наготове. Если кто-нибудь попросит нас подвезти, тебе снова придется превратиться в леди.

— Я готова быть кем угодно, только не леди, — пробормотала тюлениха, вспомнив, как вуаль щекотала ей нос. — Но, конечно, если понадобится, я сделаю все, что вы скажете.

Так, сидя на козлах своей собственной «каretty» из сарая фермера, с огородным пугалом и Софи в качестве пассажиров, Доктор успешно преодолел

очередной отрезок своего удивительного путешествия. По дороге им встретилось очень мало людей, и никто не просил их подвезти. Правда, один раз друзьям пришлось поволноваться, когда их остановил какой-то вооруженный до зубов джентльмен на прекрасной лошади и спросил, не видели ли они мужчину и даму под густой вуалью.

Сидящий прямо на Софи Доктор надвинул шляпу пониже на глаза, высунулся из телеги и сказал, пытаясь подражать говору деревенского жителя:

— Да, видал я эту парочку несколько минут назад. Все в точности как вы говорите: коротышка с барышней под вуалью. Но они, небось, уже далеко ушли.

— Это они! — воскликнул наездник, пришпоривая своего коня. — Флинч и Грезем — дорожные грабители. Они сели в дилижанс недалеко от Шотлейка. Мы их не успели арестовать — они скрылись. Но не волнуйтесь, они от нас никуда не денутся. Всего доброго.

И он ускакал вниз по дороге.

— Бедный мистер Флинч, — вздохнул Доктор.

— Боюсь, мы не улучшили его репутацию.

— Хорошо еще, что я увезла вас из Шотлейка, — заметила старая лошадь. — Этот парень наверняка поднял на ноги всю округу.

— Сейчас нам это уже не страшно. Пусть они ищут нас там. Я волнуюсь только за тебя: не попадешь ли ты в беду, когда вернешься на ферму?

— Не беспокойтесь. Даже если меня увидят, они ни за что не додумаются, как это я сама смогла запрячься. Со мной все будет в порядке.

Пройдя еще немного, лошадь остановилась.

— Вон там, направо, — ферма. «У красных холмов». Сейчас я позову Джо.

Она подошла поближе к изгороди и тихо заржала. Тут же послышался стук копыт, и через минуту из зарослей боярышника высунулась голова ее друга. Надо сказать, что Джо был действительно намного моложе старой лошади.

— Я привезла сюда Джона Дулитла, — зашептала старая лошадь. — Ему нужно как можно быстрее доехать до Талботского моста. Ты сможешь его довести?

— Конечно, смогу, — ответил Джо.

— Тогда тебе придется впрячься в свою повозку. Эту я должна отвезти на место, в сарай к моему хозяину. У тебя здесь найдется телега или что-нибудь в этом роде?

— Да. В сарае есть двуколка. Она будет побыстрее простой телеги. Перелезайте через изгородь, Доктор, — и я вам покажу, где она стоит.

Доктор быстро запряг Джо и перенес мадам Софи из грубой телеги фермера в изящную двуколку. Старая лошадь нежно распрощалась с Джоном Дулитлом и отправилась обратно домой; на месте кучера в ее телеге сидело огородное пугало.

Надо сказать, что Доктор смог навестить свою приятельницу, старую лошадь, только спустя несколько месяцев. Вот тогда лошадь и рассказала ему историю своего возвращения на ферму. Когда до дома оставалось уже совсем немного, она снова встретила джентльмена с пистолетами. Тот скакал взад и вперед по Гранчестерской дороге, разыскивая знаменитого разбойника Роберта Флинча. Узнав телегу и лошадь, джентльмен остановил их, чтобы расспросить возницу получше. Однако ни на один вопрос «кучер» ему не отвечал. Полицейский несколько раз повторил свои вопросы — но тщетно. Человек с поводьями в руках сидел, не двигаясь, и

не произносил ни одного слова. Заподозрив что-то неладное, наездник нагнулся и сдернул шляпу с головы возницы.

И что же он увидел? Эта голова была сделана из соломы и тряпья!

Поняв, что его одурачили, полицейский был вне себя от ярости. Оказывается, в первый раз он разговаривал с самим Робертом Флинчем! А теперь, чтобы навести полицию на ложный след, этот негодяй посадил на свое место огородное пугало!

Таким образом, еще одна безобразная выходка прибавилась к списку похождений знаменитого грабителя: в один и тот же день ему удалось выдать себя и за благородную даму, и за огородное пугало!

Кроме того, в эту же самую ночь за сто миль от описываемых нами событий настоящий Роберт Флинч ограбил Ипсиджский дилижанс. Как ему удалось пересечь всю Англию за такое короткое время — до сих пор остается одной из величайших тайн в истории дорожных ограблений.

Джон Дулитла был совершенно прав, когда говорил, что их приключения не способствуют улучшению репутации Роберта Флинча.

Когда старая лошадь добрела наконец до своей фермы, она увидела, что там творится что-то невероятное: по всему полю бегали люди с ружьями и фонарями, отыскивая в траве следы колес. Ведь в одну ночь пропали и лошадь, и телега, и огородное пугало! Завидев лошадь, люди бросились к ней и стали наперебой что-то кричать и советовать фермеру. Но сам фермер совсем не рассердился: он решил, что его лошадь украли и насильно запрягли в телегу.

После этой истории старая лошадь даже прославилась. На нее приходили посмотреть из всех

**Заподозрив что-то неладное,
наездник нагнулся и сдернул шляпу
с головы возницы.**

окрестных деревень. «Это та самая лошадь, которая возила знаменитого Роберта Флинча и его двойника — огородное пугало», — говорили деревенские простаки, показывая пальцами на мирно пасущуюся на лужайке лошадь.

А в это время молодой быстроногий Джо уносил Доктора с Софи к реке Киппет. И хотя вооруженный до зубов джентльмен (а это был помощник начальника полиции графства) прищпоривал своего коня изо всех сил, ему никак не удавалось догнать беглецов — ведь с самого начала Джо развил великолепную скорость.

Когда они наконец домчались до реки, Доктор вытащил Софи из двуколки, поднялся с ней на мост и сбросил ее в воду. После этого он поблагодарил Джо и посоветовал ему возвращаться домой другой дорогой, чтобы не встретить полицейского. Простившись с конем, Доктор побежал по берегу рядом с плывущей тюленихой. Софи же наслаждалась долгожданной водой и свободой. Довольно фыркая, она ныряла, плескалась и ловила всех рыбок, каких только хотела.

ГЛАВА 2

ПО РЕКЕ К МОРЮ

Как и думал Доктор, самая сложная часть их полного приключений путешествия осталась позади. Теперь уже можно было не волноваться, что Софи увидят. Когда на берегу появлялся кто-нибудь из людей, тюлениха ныряла под воду, а Доктор притворялся, что ловит рыбу. Вместо удочки он держал в руке ивовый прут с привязанным к нему обрывком веревки, который мог вполне сойти за леску.

Однако друзьям предстоял еще долгий путь. Ведь чтобы добраться до Талботского моста, им пришлось проехать сорок миль на север, а это, как вы понимаете, нисколько не приблизило их к морю.

Местность, по которой протекала река Киппет, была очень красива, но она все время менялась. Иногда это были болотистые, заросшие осокой луга, иногда небольшие перелески, а иногда пологие изумрудные холмы с разбросанными по склонам фермами. Когда друзьям попадалась на берегу ферма, они или дожидались наступления темноты, чтобы продолжить свой путь под покровом ночи, или, если позволяла глубина реки, Софи совсем уходила под воду, а Доктор шел в обход по дороге и встречался с тюленихой за фермой.

Для Софи было, конечно же, намного удобнее плыть по реке, чем идти по суше, но Доктору приходилось совсем нелегко. Он перелезал через сотни изгородей, взбирался на стены, шел через болота. Тюлениха вынуждена была плыть намного

медленнее, чем она могла. Она все время останавливалась и дожидалась, пока Доктор ее догонит.

— Послушайте, Доктор! — сказала она на второй день их путешествия по реке, когда Джон Дулитл отдыхал на берегу. — Мне кажется, вам не нужно идти дальше. Мне ведь так легко плыть — теперь я смогу добраться до моря и одна. Как вы думаете?

— Думаю, что нет, — ответил Доктор. Он лежал на спине и разглядывал ветку ивы у себя над головой. — Мы еще не знаем, какие на этой реке есть для тебя препятствия. Прежде чем идти дальше, нам нужно расспросить местных речных птиц. Помнишь, нам посоветовали это утки?

Как раз в этот момент неподалеку от Доктора две хорошенькие выпи опустились на воду, чтобы подкрепиться. Доктор подозвал их поближе и спросил:

— Скажите, пожалуйста, сколько миль отсюда до моря, если идти вдоль реки?

— Если считать все изгибы и повороты, — ответили выпи, — около шестидесяти миль.

— Да, — вздохнул Доктор. — Мы еще не прошли и половины всего пути. А не могли бы вы нам сказать, по какой местности дальше течет река? Тюленихе нужно доплыть до самого моря, но так, чтобы ее не видели люди.

— Еще десять миль она сможет плыть совершенно спокойно. Но потом вам встретится несколько опасных мест. Сначала это будет мельница Хоббса. Это водяная мельница, и река там запружена высокой плотиной. Так что вашей тюленихе придется вылезти из воды перед мельницей, обойти ее и зайти в реку чуть ниже по течению.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Я думаю, мы так и сделаем. Чего еще нам нужно опасаться?

— Потом вы увидите город. Он небольшой, но на берегу там стоит завод. Вода из реки течет по трубам на этот завод и приводит в движение какие-то машины. Если тюлениха попадет в эти трубы, то ее непременно затащит в машины.

— Понятно, — сказал Доктор. — Значит, нам нужно будет обойти этот город по суше, когда стемнеет.

— Да, только обходите его справа, с северной стороны. С южной стороны дома рабочих — там вы не пройдете. После этого никаких препятствий не будет до самого моря. Но около моря вы увидите другой город — порт. Там река распадается на множество мелких порогов и водопадов — ваша тюлениха просто не сможет плыть по городу. Поэтому как только вы увидите порт, вылезайте из воды и идите по суше. Море там совсем рядом, но вам придется полазить: Бристольский пролив со всех сторон окружают скалы. Выберите самую безлюдную дорогу и идите на север. Если вы доберетесь до пролива и вас не поймают — считайте, что все ваши беды позади.

— Большое спасибо, — поблагодарил птиц Доктор. — Эти сведения нам очень помогут. А сейчас нам пора отправляться.

Пожелав путешественникам удачи, выпи полетели ловить рыбу, а Доктор с Софи продолжили свой путь вниз по реке.

Когда они наконец добрались до мельницы Хоббса, уже смеркалось. Убедившись, что поблизости никого нет, Доктор позвал Софи. Тюлениха вылезла из воды и заковыляла вдоль берега. С трудом переваливаясь, она преодолела несколько лужаек и, как только мельничный жернов остался позади,

*Когда они наконец добрались
до мельницы Хоббса, уже смеркалось.*

снова плюхнулась в реку. Друзья подождали, пока взойдет луна, а потом снова двинулись в путь.

Наконец они увидели и завод, о котором рассказывали выпи. Приказав тюленихе спрятаться под воду, если кто-нибудь будет проходить мимо, Доктор отправился на разведку. Он хотел найти самую удобную для Софи дорогу по суше и купить себе что-нибудь поесть.

Хотя почти все магазины в городе были уже закрыты, в гостинице ему удалось достать несколько сэндвичей и немного фруктов. Только тут Доктор заметил, что у него почти не осталось денег. Ему едва хватило на то, чтобы заплатить за свои покупки. Но так как деньги Доктора совсем не интересовали, он нисколько не расстроился. Потратив последние два пенса на то, чтобы вычистить свои ботинки (от бесконечных хождений по болотам они стали совсем грязными), он отправился искать подходящую дорогу в обход города.

Оказалось, что тюленихе придется идти довольно долго. Но Доктор выбрал для нее очень удобный путь: он проходил через несколько прудов, заболоченные луга и ручей, который впадал в реку Кип пет двумя милями ниже, с другой стороны города. Когда Доктор вернулся к Софи, до рассвета оставалось совсем немного. Друзьям пришлось поторопиться, чтобы успеть обойти город и вновь выйти к реке до восхода солнца.

Проделав этот трудный путь, они решили немного отдохнуть. Доктор расположился на берегу, прислонившись к иве, а Софи улеглась на песчаной отмели, положив голову на корягу. Они попросили речную куропатку, которая жила поблизости, разбудить их в случае опасности и задремали.

Маленькая птичка разбудила Джона Дулитла, когда солнце стояло в небе уже высоко. Потянув его за рукав, она зашептала:

— Доктор, скорее проснитесь: сюда едет фермер. Вас он, может быть, и не заметит, а Софи увидит обязательно. Скажите ей, чтобы она опустила голову под воду: она храпит, как морская сирена. Я попробовала ее растолкать, но у меня ничего не получилось.

Джон Дулитл разбудил тюлениху и заставил ее спрятаться. Когда опасность миновала, они снова отправились в путь.

Целый день и всю следующую ночь Доктор шел, а Софи плыла, не останавливаясь, к морю.

Постепенно ландшафт начал меняться: открытые болотистые равнины, на которых паслись овцы, становились все круче и круче. Наконец вечером следующего дня путешественники увидели вдалеке мерцание портовых огней. Впереди по обоим берегам реки возвышались крутые скалы, за которыми скрывалась долгожданная цель — Бристольский пролив.

Когда друзья прошли еще немного, они обнаружили, что прямо вдоль реки проложены две дороги, ведущие в город. По ним без конца проносились экипажи и дилижансы.

Плыть дальше тюленихе было нельзя. Поэтому она вылезла из воды, и они свернули направо — к скалам. На этот раз они покидали реку уже навсегда.

Доктор снова заставил Софи надеть шляпку, а сам держал наготове плащ. Он мог пригодиться в любой момент: ведь им предстояло пересечь несколько дорог и обойти две или три фермы.

Целую милю друзьям пришлось подниматься по крутому склону на вершину утеса, с которого можно

было увидеть море. Стараясь обходить все жилые постройки, они медленно, но упорно продвигались вверх. По пути им попадалось множество каменных оград, через которые Доктор мог бы легко перепрыгнуть, но для Софи они стали настоящим бедствием. И Джону Дулитлу каждый раз приходилось брать тюлениху на руки и переносить ее через ограду.

Хотя Софи не жаловалась, Доктор видел, что этот подъем слишком тяжел для нее, и когда они наконец добрались до вершины утеса и на них дохнуло свежим морским ветром, тюлениха была так измучена, что не могла дальше ступить и шагу.

От того места, где они стояли, до обрыва, с которого Софи могла бы прыгнуть в море, оставалась всего какая-то сотня ярдов. Но вдруг из дома, стоявшего неподалеку, до Джона Дулитла донеслись голоса и пение людей. Едва он успел накинуть на тюлениху плащ, как дверь дома открылась и оттуда вышли двое мужчин. Испугавшись, что их могут поймать, когда конец их долгого путешествия уже так близок, Доктор схватил Софи на руки и, шатаясь под ее тяжестью, понес к обрыву.

— Ой! — воскликнула тюлениха, когда они прошли несколько ярдов. — Посмотрите — море! Как красиво оно переливается в лунном свете! Море, море — наконец-то я вижу море!

— Да, это конец твоим бедам, — тяжело дыша, проговорил Доктор. — Когда доберешься до Аляски, передавай привет всем тюленям из своего стада.

Наконец он дошел до обрыва. Заглянув вниз на пенящиеся водовороты соленой морской волны,

HUGH LEFTING

— До свиданья, Софи!
До свиданья и — счастливо!

Джон Дулитл собрал все свое оставшееся дыхание и сказал:

— До свиданья, Софи! До свиданья и — счастливо!

После этого он наклонился над водой и, сделав последнее невероятное усилие, сбросил Софи в Бристольский пролив.

Изгибаясь и кувыркаясь в воздухе, тюлениха полетела вниз. Ее плащ и шляпка, сорванные порывом ветра, медленно парили рядом с ней. Когда она плюхнулась в море, Доктор увидел, как вспенилась вода, и до его ушей донесся слабый всплеск.

— Слава Богу! — проговорил он, вытирая платком пот со лба. — Все же мы сделали это. Теперь я смогу сказать Мэтью, что Софи добралась до моря, а я *не попал* в тюрьму.

И в этот момент холодная дрожь пробежала у него по спине. Доктор почувствовал, как чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо.

ГЛАВА 3

МИРОВОЙ СУДЬЯ СЭР УИЛЬЯМ ПИБОДИ

Джон Дулитл медленно обернулся и увидел, что его держит за воротник какой-то здоровенный мужчина в форме, которая очень напоминала морскую.

— Кто вы? — спросил Доктор.

— Береговая охрана, — ответил здоровяк.

— Что вам от меня нужно? Отпустите, пожалуйста, мой сюртук!

— Еще чего! Вы арестованы.

— Арестован? За что?

— За убийство.

Пока Доктор приходил в себя, из дома неподалеку выбежали еще двое мужчин и женщина.

— Ну как, ты поймал его, Том? — спросил один из них, подбежав к моряку.

— Ага. Прямо на месте преступления.

— Что это было?

— Женщина, — ответил здоровяк. — Я схватил его сразу же после того, как он сбросил ее с обрыва. Вот что, Джим: ты беги на станцию и попробуй достать лодки — может, вы еще успеете ее спасти. Правда, я в этом очень сомневаюсь. А я отведу этого субчика в тюрьму. Если вы что-нибудь найдете, дайте мне знать.

— Наверняка это была его жена! — воскликнула женщина, разглядывая Доктора с благоговейным ужасом.

— Это ж надо — убить собственную жену! Да ты просто Синяя Борода! А может, он турок, Том? Из этого, как его, Константи... тьфу, я всегда забываю,

как это называется! Ты знаешь, они всегда бросают своих жен в Босфор, когда хотят от них отделаться.

— Да какой он турок, говорит он по-английски, — возразил Том.

— Тогда тем более, ему еще больше должно быть стыдно, если его никто не учил с детства таким зверским обычаям. Бедняжка! — Женщина посмотрела вниз и содрогнулась от ужаса. — Интересно, найдут ее или нет? Кажется, я вижу: там, внизу, что-то плавает. Ах, бедняжка! Хотя, кто знает, — может быть, это конец всем ее страданиям? Наверное, ей лучше было умереть, чем жить с таким извергом!

— Это была не моя жена, — мрачно сказал Доктор.

— Тогда кто же? — удивился моряк. — Я точно видел, что вы несли на руках какую-то женщину.

Секунду подумав, Джон Дулитл решил ничего не отвечать. Возможно, в зале суда он в конце концов и признается, что сбросил в море Софи, дрессированную тюлениху, но пока, сообразил он, — лучше хранить молчание.

— Так кто же это был? — снова спросил моряк. Но Доктор и на этот раз ничего не ответил.

— Да говорю тебе, это точно была его жена, — опять вмешалась женщина. — Посмотри, у него глаза так и бегают! Держу пари, что он упрятал где-нибудь еще пять или шесть своих жен и все они ждут своей участи, бедняжки!

— Вообще-то он не обязан нам отвечать, — сказал моряк. — Мой долг предупредить вас, — торжественно продолжил он, повернувшись к Доктору, — что все, что вы скажете, может быть использовано против вас. А сейчас пойдете со мной вниз, в полицию.

К счастью для Доктора, еще было очень рано, и когда они спускались с утеса и проходили по улицам города, им не встретилось ни души. Женщина же их провожать не стала.

Но только они подошли к полицейскому участку, к ним подбежал Джим. В руках он держал мокрый плащ и шляпку.

— Мы нашли эту одежду, Том, — сказал он. — Она плавала прямо у подножия утеса. Но тела нигде нет. Я оставил в лодке Джери Балкли, а сам помчался к тебе, показать вот это. Как ты думаешь, тебе это понадобится?

— Конечно. Это послужит вещественным доказательством. А ты лучше беги обратно и продолжай поиски. Я к вам присоединюсь, как только упручу его под замок.

И он повел бедного Доктора в полицию. Записав его имя и все остальные необходимые сведения в толстую книгу, полицейские отвели Джона Дулитла в маленькую камеру с каменными стенами. Там он обнаружил хлеб с водой и жесткий матрас вместо постели. Теперь ничто не мешало ему предаться своим размышлениям.

Когда дверь за надзирателями закрылась, Доктор огляделся вокруг и заметил, что прямо на уровне его локтя расположено маленькое зарешеченное окошко, через которое пробивается серый свет утренней зари.

— Ой-ой-ой, — вздохнул он, оглядывая голые каменные стены. — Опять тюрьма! Слишком рано я себя поздравлял. Интересно, был ли Мэтью в этой тюрьме?

Тут луч солнца упал на противоположную стену, и Доктор увидел, что на ней выцарапаны какие-то знаки и буквы. Он подошел поближе и

начал их рассматривать. И конечно же, среди разнообразных инициалов он скоро нашел две самые корявые и плохо процарапанные буквы М.

— Да, — сказал он. — Мэтью побывал и здесь. Кажется, он даже этим гордится. Все-таки жизнь — странная штука!

С этими словами Доктор разломил пополам приготовленную для него буханку хлеба и начал жадно есть. Надо сказать, что он был ужасно голоден.

— Какой чудесный хлеб, — пробормотал он, положив в рот последнюю крошку. — Совсем свежий. Надо спросить у тюремщика, где он его достает. Да и постель не так уж плоха, — добавил он, ущипнув матрас. — Вздремну-ка я немного. Я уже и не помню, когда я в последний раз как следует высыпался.

И Доктор снял свой сюртук, положил его в изголовье вместо подушки и лег.

Когда же в десять часов утра в камеру вошел старший полицейский в сопровождении высокого седого господина, они увидели, что узник громко храпит, вытянувшись на лежанке.

— Гм, — тихо пробормотал седой господин, разглядывая Джона Дулитла. — У него не такой уж страшный вид, у этого убийцы, а?

— Да что вы! — воскликнул старший полицейский. — Это только говорит о том, сэр Уильям, что делает с людьми преступная жизнь. Представляете, он может спать, как невинный младенец, после того как сбросил с обрыва свою бедную жену!

— Хорошо, оставьте нас одних, — попросил седой господин. — Возвращайтесь через пятнадцать минут. И кстати, вам совсем не обязательно кому-нибудь рассказывать, что я здесь.

*И, конечно же, он скоро нашел две самые корявые
и плохо процарапанные буквы М,
что означало — Мэтью Маг.*

— Слушаюсь, сэра Уильяма, — сказал полицейский и вышел, заперев за собой дверь.

После этого седой господин подошел к лежанке и постоял над ней несколько минут, разглядывая мирно похрапывающего Джона Дулитла.

Потом он осторожно тронул его за плечо и позвал:

— Дулитл, эй, Джон, проснись!

Доктор медленно открыл глаза и приподнялся на локте.

— Где я? — сонно спросил он. — Ах да, конечно, в тюрьме.

Тут он уставился на стоящего перед ним человека, и его круглое лицо расплылось в улыбке.

— Боже праведный! — воскликнул он. — Это же сэра Уильяма Пибоди! Ну и ну, Уильям, как ты здесь оказался?

— У меня больше оснований спросить, как ты здесь оказался, — рассмеялся седой господин.

— Боже! — забормотал Доктор. — Мы с тобой не виделись, должно быть, уже пятнадцать лет! Последний раз это было... Постой, постой: тогда мы еще здорово поспорили из-за охоты на лис. Кстати, ты бросил это занятие?

— Нет, — ответил сэра Уильям. — Правда, теперь я охочусь только два раза в неделю. Дела в суде забирают почти все мое свободное время. Ты знаешь, что пять лет назад меня избрали мировым судьей?

— Нет, этому нужно положить конец! — с жаром воскликнул Доктор. — Это несправедливо по отношению к лисам: одна лиса против дюжины собак! Кроме того, с какой стати за ними вообще нужно охотиться? У лисы тоже есть свои права: такие же, как у тебя и у меня. Это же просто абсурд: множе-

ство взрослых людей гоняются на лошадах за одним маленьким бедным зверьком!

Старый господин сел на матрас рядом с Доктором, откинул голову назад и расхохотался:

— Все тот же неисправимый старый Дулитл! Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное: сидит в тюрьме по подозрению в убийстве и первое, что он делает, когда я прихожу к нему, — открывает дискуссию об охоте на лис! С тех пор как я тебя помню маленьким мальчиком, разглядывающим в лупу всяких жучков и паучков, ты совершенно не изменился. Слушай меня внимательно: я пришел сюда не для того, чтобы поспорить с тобой о правах лис. Я же тебе сказал — я мировой судья, и тебя должны будут через час привести ко мне на допрос. Но сначала я хочу услышать твою версию того, что произошло. Я случайно увидел твое имя в полицейской книге — и узнал, что ты обвиняешься в убийстве собственной жены. Поскольку я тебя неплохо знаю, я еще могу допустить, что ты убил какую-то бедную женщину, которая настолько спятила, что вышла за тебя замуж. Но во что я никак не могу поверить, так это в то, что у тебя вообще когда-нибудь была жена. Так что же ты все-таки натворил? Мне сказали, что моряк береговой охраны видел, как ты сбрасывал с обрыва в море какую-то женщину?

— Это была не женщина, — опустив глаза, сказал Доктор.

— Тогда кто же?

Тут Джон Дулитл начал внимательно разглядывать свои ботинки и ерзать на месте, как нашкодивший школьник, которого застали на месте преступления.

— Это была тюлениха, — сказал он наконец. — Дрессированная тюлениха, переодетая женщиной. Ее хозяйева с ней плохо обращались, и она захотела убежать из цирка обратно на Аляску, в свое стадо. А я ей помогал. Ты не представляешь, как это было чертовски трудно — переправить ее сюда из Эшби по суше. Чтобы ее вид не вызвал ни у кого подозрений, я переодел ее в женщину. Сначала за нами гнались люди из цирка. А потом, когда мы наконец добрались сюда и я сбрасывал ее в море, это увидел один моряк из береговой охраны. Он и арестовал меня. Что это ты так смеешься?

Сэр Уильям Пибоди, который на протяжении всего рассказа Доктора пытался сдержать улыбку, наконец не выдержал и расхохотался. От смеха он даже схватился за живот.

— Когда они сообщили мне, что это твоя жена, — сказал он, вытирая слезы, — я сразу почувствовал, что здесь пахнет чем-то другим. И действительно: от тебя ужасно воняет рыбой!

— Тюлени и должны пахнуть рыбой, — сердито ответил Доктор. — А мне пришлось нести ее на руках почти полдороги.

— Ты никогда не повзрослеешь, Джон, — покачал головой сэр Уильям. — А теперь скажи мне: тебя кто-нибудь видел с похищенной барышней? Хоть я и могу снять с тебя обвинение в убийстве, но выгородить тебя в деле о краже тюленихи будет не так-то просто. Как ты думаешь, ваши преследователи знают, что вы здесь?

— Что ты, конечно, нет. Мы отвязались от них еще в Эшби. Потом в Шотлейке, когда мы ехали в дилижансе, нас приняли за дорожных грабителей. Ну и переполох же мы там подняли! После этого

нас никто ни в чем не подозревал, до тех пор, пока... пока...

— Пока ты не сбросил свою возлюбленную даму с обрыва, — вставил сэр Уильям. — Кто-нибудь видел, как тебя сюда привели?

— Нет. Когда мы шли в тюрьму, на улицах не было ни души. Кроме трех матросов береговой охраны и одной женщины (она, наверное, жена одного из них), никто в городе не знает, что меня арестовали.

— Прекрасно, — обрадовался сэр Уильям. — Тогда, я думаю, мы легко все уладим. Тебе придется подождать здесь, пока я отдам соответствующие распоряжения. А потом уезжай отсюда как можно быстрее.

— А как же береговая охрана? Они, наверное, все еще ищут тело.

— Нет, они уже перестали этим заниматься. Им удалось найти только плащ и шляпку «жертвы». Мы скажем, что ты просто выбрасывал в море старую одежду, ведь отчасти так оно и было, правда? А когда я им объясню, в чем дело, все разговоры о тебе прекратятся, а даже если и не прекратятся, они вряд ли дойдут до твоих циркачей. Но послушай, Дулитл. Я хочу попросить тебя об одном одолжении: не мог бы ты больше не приводить сюда своих зверей и не бросать их с наших обрывов? А? Если это войдет у тебя в привычку, мне будет уже трудно объясняться с полицией. К тому же, твои проделки наносят непоправимый вред цирковому делу. А сейчас подожди здесь, пока я все не улажу официально, а потом поскорее уезжай из наших краев, понятно?

— Хорошо, — ответил Доктор. — Спасибо тебе. Но послушай, я все же хочу поговорить с тобой об охоте на лис. Представь себя в лисьей...

— Нет, нет, нет, — сказал сэр Уильям, поднимаясь. — Сейчас я отказываюсь продолжать этот спор, Джон. Слышишь, сюда уже идет старший полицейский. И вообще в нашей стране чересчур много лис. Надо же как-нибудь контролировать их численность.

— У тебя здесь очень милая тюрьма, Уил, — сказал Доктор, когда старший полицейский открыл дверь, чтобы войти. — Спасибо, что зашел ко мне.

После того, как сэр Уильям со старшим полицейским ушли, Доктор решил немного размяться и начал ходить по своей камере. Меряя ее шагами вдоль и поперек, он раздумывал о том, как проживают без него его питомцы, сможет ли он создать такой цирк, какой они хотят, и о многих других вещах. Через полчаса к нему в камеру вошел полицейский сержант. Он был необычайно вежлив и любезен.

— Старший полицейский приносит вам свои извинения, Доктор, — сказал он. — Мы допустили непростительную ошибку, задержав вас. Но это не наша вина. Во всем виноваты моряки береговой охраны, которые вас арестовали. Очень глупо с их стороны, очень. Обвинение с вас снято, сэр, и вы можете идти, куда пожелаете.

— Спасибо, — сказал Доктор. — Знаете, у вас здесь очень мило. Я бы даже сказал, что это одна из лучших тюрем, в которых мне доводилось бывать. Передайте старшему полицейскому, что ему совершенно незачем извиняться. Я здесь так великолепно выпался! Да и вентиляция у вас отличная. Я мог бы даже писать здесь свои книги — это превосходное место для занятий: никто не мешает, и помещение хорошо проветривается. Но, к сожалению, меня

— Спасибо! У вас здесь
превосходный хлеб.

ждут дела, поэтому я должен идти. До свиданья, господин сержант, счастливо.

— И вам тоже счастливо, — ответил сержант. — Выход — в конце коридора.

Доктор вышел из полицейского участка, но тут же остановился.

— Боже, — пробормотал он. — У меня же совсем нет денег! Как я доеду обратно до Эшби? Мне нечем будет заплатить за дилижанс. Может быть, сэр Уильям одолжит мне гинею?

И он повернулся и пошел обратно в полицию. Но в кабинете старшего полицейского ему сказали, что мировой судья уехал на охоту и вернется не раньше завтрашнего утра.

Доктор собрался было уходить, но снова что-то вспомнил.

«Я мог бы взять с собой оставшиеся полбуханки, — подумал он. — Все-таки она принадлежит мне как арестанту. Думаю, она мне пригодится — ведь до Эшби придется добираться без пенни в кармане».

И Доктор поспешил обратно в свою камеру. Там уже наводил порядок один из полицейских.

— Извините, — вежливо сказал Джон Дулитл. — Подметайте, пожалуйста, я вам не помешаю. Я тут кое-что забыл. Ах, вот она — моя буханка! Спасибо. У вас здесь превосходный хлеб.

И узнав у полицейского имя булочника, который поставляет хлеб в тюрьму, Доктор отправился на свободу. Под мышкой он держал свои законные полбуханки.

ГЛАВА 4

ЛИСИЦА ПО ИМЕНИ НОЧНАЯ ТЕНЬ

Без пенни в кармане, но в прекрасном расположении духа, Доктор разгуливал по Бристолу до тех пор, пока не вышел в центр города, на рыночную площадь. Там сходились три больших дороги: одна вела на север, другая на юг, а третья — на восток.

Доктор полюбовался городской ратушей (это было очень красивое и старинное здание) и свернул на дорогу, ведущую на восток. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как ему вдруг пришло в голову, что будет неразумно возвращаться в Эшби тем же путем, каким он добирался сюда. Он решил не рисковать и пойти в обход — по южной дороге. Там-то он наверняка не встретит никого, кто видел его в дилижансе или на постоялом дворе. И Доктор повернул на юг.

Было чудесное утро. Ярко светило солнце, громко чирикали воробьи, и важно шагающий по дороге Джон Дулитл с буханкой под мышкой думал, что жить на свете в такой день очень приятно.

Скоро последние дома остались позади, и Доктор очутился за городом. К полудню он подошел к перекрестку, на котором стоял указатель: «Эплайк, 10 миль». Указатель был повернут на восток — в сторону небольшой проселочной дороги.

«Какая прелестная дорожка! — подумал Доктор. — И направление для меня подходящее. Разве можно пройти мимо деревни с таким красивым названием?»

И хотя он ушел от города совсем недалеко, Доктор снова свернул на восток — на проселочную дорогу, ведущую в Эплдайк.

Вскоре он решил, что ему пора подкрепиться, и огляделся вокруг в поисках ручейка. Ему нужно было запить водой обед, состоявший из одного, только теперь уже черствого, хлеба. Справа от себя он увидел небольшую лощину, поросшую деревьями и кустарником.

— Держу пари, что там есть и ручей, — пробормотал Доктор. — Да, здесь в самом деле замечательные места!

Он перелез через изгородь, прошел через луг и спустился в лощину.

И действительно, в тени деревьев весело журчал прозрачный ручеек. Лучшего места для отдыха и придумать было нельзя! Глотнув прохладной воды, Доктор с благодарным вздохом опустился на траву и лег у подножия развесистого дуба. Потом он достал свои полбуханки и начал есть.

Тут же из-за кустов к нему прискакал скворец, и Джон Дулитл бросил ему несколько крошек. Пока скворец их клевал, Доктор обнаружил, что одно крыло у него не в порядке. Взяв птичку в руки, он увидел, что перья на крыле слиплись — они были вымазаны какой-то смолой. Скворец даже не мог взмахнуть этим крылом. Доктор счистил смолу, расправил все перышки, и птичка улетела по своим делам.

Доев свою буханку, Джон Дулитл решил немного вздремнуть. Он прислонился к стволу дуба и, убаюканный журчанием ручья, быстро заснул.

Когда он открыл глаза, то увидел, что прямо перед ним сидят четыре лисицы — мать и трое детенышей. Они терпеливо дожидались, когда же Доктор проснется.

— Добрый день, — поздоровалась лиса. — Меня зовут Ночная Тень. Я очень много слышала о вас, но и понятия не имела, что сейчас вы находитесь в наших краях. Я даже хотела отправиться к вам в Падлби, но скворец сообщил мне, что только что вас видел. Я так рада, что вы еще не ушли.

— Я тоже рад с тобой познакомиться, — сказал Доктор, усаживаясь. — Чем я могу тебе помочь?

— У одного из моих детенышей, — начала лиса, кивнув на трех маленьких круглых лисят, которые усталились на знаменитого Доктора с благоговейным страхом, — так вот, у одного из них что-то случилось с передними лапами. Не могли бы вы взглянуть на него?

— Конечно, — сказал Доктор. — Подойдите-ка сюда, молодой человек.

— С самого рождения он очень плохо бегает, — сказала лиса, когда Джон Дулитл посадил лисенка к себе на колени и начал внимательно осматривать. — Однажды, когда за нами гнались охотничьи собаки, это чуть не стоило нам жизни. Все мои другие лисята бегают прекрасно. Скажите, что с ним?

— Все очень просто, — ответил Доктор, перевернув лисенка лапками вверх. — У него обыкновенное плоскостопие. Только и всего. Мышцы на подушечках его лапок очень слабые, поэтому он не может как следует уцепиться за землю. Вы должны тренировать его с утра до вечера. Заставляйте его вставать на цыпочки, вот так: раз-два, раз-два! — И Доктор продемонстрировал, как нужно делать упражнения, которые у людей укрепляют мышцы ступни, а у лис мышцы на подушечках лап.

— Если вы будете заставлять его делать это упражнение утром и вечером по двадцать или тридцать раз, вы скоро увидите, как он хорошо начнет бегать.

— У лисенка обыкновенное плоскостопие, —
сказал Доктор.

— Большое спасибо, — поблагодарила Доктора лиса. — Если бы вы знали, как мне трудно заставить своих детей заниматься чем-нибудь регулярно. Вот послушай, Нарцисс, что говорит Доктор: каждое утро и каждый вечер ты должен вставать на цыпочки тридцать раз. В своей семье я не потерплю лисиц с плоскостопием. Какой стыд, мы всегда были... О, Боже! Вы слышите?

Лисица-мать вдруг замолчала, ее красивый пушистый хвост стал трубой и задрожал, нос вытянулся, а в широко раскрытых глазах появился ужас. В наступившей тишине из-за холмов с северо-востока донесся отвратительный пронзительный звук — звук, при котором сердце любой лисы замирает от ужаса.

— Это охотничий рог! — прошептала она, лязгая зубами. — Они в поле. Это охот... охот... охотники!

Глядя на дрожащее животное, Джон Дулитл вспомнил, что сделало его врагом охоты на всю жизнь, — однажды вечером он встретил старого лиса, который, полуживой от усталости, прятался от гончих в зарослях ежевики.

Когда рог протрубил еще раз, лиса, как сумасшедшая, начала носиться вокруг своих детенышей.

— Что же мне делать? — стонала она. — Мои детки! Если бы не они, я, может быть, и убежала бы от этих собак. О, зачем только я вывела их из норы днем? Я боялась, что вы уйдете, пока я буду дожидаться ночи. А сейчас собаки несутся по нашему следу прямо от Широких Лугов. Какая же я дура, что бежала прямо по ветру! Что же мне теперь делать, что делать?

Когда рог протрубил в третий раз, но уже гораздо громче и ближе, лисята поспешно придвинулись к матери и забрались под ее теплый живот.

На лице Доктора появилось решительное выражение.

— Что это за свора? — спросил он. — Ты знаешь, как она называется?

— Наверное, это свора Дичема. Их псарни находятся как раз с той стороны Халемских земель. А может быть, это свора Уилтборо, они иногда охотятся здесь. Но скорее всего, это Дичемская свора — самая лучшая в наших краях. Они гнались за мной на прошлой неделе. Но моя сестра перебежала мне дорогу прямо перед Фентонскими холмами, они бросились за ней по следу и поймали ее. О, какая же я дура, что вывела моих деток днем!

— Не волнуйся, Ночная Тень, — успокоил лису Доктор. — Даже если это и Дичем с Уилтборо вместе взятые, сегодня они не поймают тебя — ни тебя, ни твоих детенышей. Пусть лисята заберутся ко мне в карманы. Давайте, прыгайте, детки — вот так. А ты, Ночная Тень, полезай ко мне за пазуху. Можешь засунуть свои лапы и хвост во внутренний карман сюртука. А если я застегнусь на все пуговицы — вот так, тебя совершенно не будет видно. Ты там не задохнешься?

— Нет, — ответила лиса. — Но это не поможет. Собаки учуют нас по запаху. Ведь они выслеживают лис только при помощи своего носа.

— Да, я знаю это. Но главное, чтобы тебя не видели люди, а с собаками я сам разберусь. Лежите тихо, как камни, — все четверо. Что бы ни случилось, не шевелитесь и не пытайтесь убежать.

И Джон Дулитл, в сюртуке, который распирало во все стороны от прячущихся в нем лисиц, вышел на полянку и стал дожидаться свору Дичема.

Лай гончих, крики охотников, стук копыт и трубные звуки рожков раздавались все ближе и ближе.

И вскоре, выглянув из-за скрывающих его веток, Доктор увидел, как на гребне холма показались первые гончие. Вожаки на секунду замерли, понюхали воздух и, выстроившись цепочкой, рванулись вниз, в лощину. За ними бросились и остальные собаки. А за сворой на прекрасных быстроногих лошадях неслись всадники в красных сюртуках.

Впереди всех скакал худощавый седой господин — сэр Уильям Пибоди, Магистр охоты на лис. Наполовину спустившись с холма, он обернулся и позвал всадника, догнавшего его на серой кобыле:

— Джоунз! Собаки бегут в рощицу вон в той лощине. Не пускай туда вожakov, сначала мы должны ее окружить! Следи за Рысаком — он бежит впереди всех. Главное, чтобы он не выгнал лису раньше времени!

И человек на серой кобыле, щелкая хлыстом, помчался вперед.

— Рысак, стоять! — закричал он.

Сквозь листву Доктору было видно, что вожак своры уже совсем близко. Но услышав команду хозяина, он замедлил свой бег и остановился всего в нескольких ярдах от деревьев, за которыми прятался Джон Дулитл. Захлебываясь лаем, Рысак ждал, когда его догонит вся свора.

Тут на гребне холма показались и остальные охотники: упитанные священники на низкорослых коренастых кобылках, фермеры на полукровках, элегантные дамы на изящных породистых скакунах. Казалось, что вся местная знать выехала на эту охоту.

— Боже мой! — пробормотал Доктор. — Как это все похоже на детские игры! И вся заваруха из-за одной несчастной маленькой лисы!

В это время гончие, подгоняемые длинными хлыстами наездников, начали окружать рощицу. Вокруг

стоял невообразимый шум: собаки надрывались от лая, а люди без конца перекликались между собой.

— Сейчас мы ее поймем! — ревел жирный фермер на пони. — Собаки окружили всю рощицу — запаха больше нигде нет. Сейчас Джоунз их запустит — и конец. Она от нас никуда не уйдет.

— Вот уж дудки, — пробормотал Доктор сердито. — Только не сегодня, мой толстячок, только не сегодня.

Гончие нюхали воздух и носились взад и вперед, изнемогая от нетерпения поскорее броситься в лощину и покончить со своей жертвой.

Внезапно раздалась команда, и со всех сторон в укрытие Доктора рванулись собаки.

А он, стоя на своей полянке и прикрывая карманы руками, пытался угадать, с какой стороны ждать нападения. Он все еще озирался по сторонам, когда сзади прямо ему на спину прыгнули четыре здоровенных пса. Доктор не успел опомниться, как очутился на земле под грудой визжащих и дерущихся гончих.

Работая кулаками и раздавая пинки направо и налево, он наконец выбрался из этой кучи-малы и поднялся на ноги.

— Уходите отсюда, — сказал он гончим на их языке. — Уводите охотников в другое место. Это моя лиса.

Услышав, что с ними говорят на их родном языке, собаки поняли, что они сбили с ног самого великого Джона Дулитла.

— Я ужасно извиняюсь, Доктор, — рывкнул Рысак. Это был красивый широкогрудый пес с рыжей повязкой на одном глазу. — Мы не знали, что это вы — мы ведь прыгнули на вас сзади. Но почему вы ничего не сказали нам раньше?

— Да как же я мог это сделать? — сердито воскликнул Доктор, отталкивая собаку, которая обнюхивала его карманы. — Твои олухи устроили здесь такой шум, что никто бы не расслышал ни одного моего слова! Перестань меня обнюхивать! Сюда идут охотники. Нельзя, чтобы они увидели, как вы суετε свои носы в мои карманы. Уводи отсюда свору, Рысак, быстро.

— Хорошо, Доктор, — сказал Рысак. — Но я чувствую по запаху, что у вас в карманах не одна лисица.

— Конечно. У меня — вся семья. Но не думайте, что я кого-нибудь вам отдам!

— Может быть, вы отдадите нам хотя бы одну, самую маленькую лисичку, Доктор? Вы знаете, эти лисы — такие вредные! Они таскают у людей кроликов и цыплят.

— Я же сказал — нет, — твердо ответил Доктор. — Я не могу этого сделать. Они вынуждены сами искать себе пропитание. А вас кормят люди. Пожалуйста, поскорее уходите отсюда.

В этот момент в рощице появился сэр Уильям Пибоди.

— Боже праведный, Дулитл! — воскликнул он, увидев Доктора. — Разве ты еще не уехал отсюда? Ты видел лису? Гончие привели нас прямо в эту лощину.

— Если бы даже я ее и видел, Уил, я бы тебе не сказал, — ответил Доктор. — Ты же знаешь, как я отношусь к охоте на лис.

— Вот странно, — пробормотал сэр Уильям, глядя на бесцельно слоняющихся по рощице собак. — Они не могли потерять след — это уж я знаю наверняка. Даю голову на отсечение — здесь должна быть лиса! Да, очень странно... Боже, я кажется,

догадался: они побежали за тобой, учуяв этот гадкий рыбный запах от твоей тюленихи!

Тут остальные охотники закричали сэру Уильяму, что гончие снова взяли след и теперь бегут на юг.

Сэр Уильям, который, увидев Доктора, спешил, опять бросился к своему коню.

— Повесить тебя мало, Дулитл! — закричал он. — Это ты привел сюда собак. И зачем только я выпустил тебя из тюрьмы?

К этому времени все гончие испарились из рощицы, как весенний снег. Один из лисят начал нетерпеливо ерзать у Доктора в кармане. Но сэр Уильям ничего не заметил. Он уже сел в седло и собрался уезжать.

— Господи, я опять забыл, — пробормотал Доктор. — Я же должен попросить у него гинею!

И с карманами, полными лис, Джон Дулитл бросился догонять Магистра охоты.

— Послушай, Уил, — позвал он. — Ты не мог бы одолжить мне гинею? У меня совсем нет денег, чтобы доехать до Эшби.

— Я дам тебе пять гиней, нет — десять гиней! — закричал сэр Уильям. — Только убирайся отсюда побыстрее и перестань наводить моих гончих на ложный след! Вот, возьми.

— Спасибо, Уил, — поблагодарил Доктор, забирая деньги. Бросив их себе в карман прямо на лисенка, он сказал: — Я вышлю тебе их обратно по почте.

И выйдя из рощицы, Джон Дулитл проводил взглядом охотников, которые, щелкая хлыстами и улюлюкая, помчались на юг и скрылись за горизонтом.

Доктор бросился догонять сэра Уильяма.

— Какая-то детская забава! — пробормотал он. — Не понимаю, что они находят в этой охоте! Просто не понимаю. Взрослые люди носятся по холмам на лошадях, вопят, как кошки, и дуют в жестяные рожки — и все это, чтобы поймать одного несчастного маленького зверька. Ну совсем как дети!

ГЛАВА 5

НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ДОКТОРА ДУЛИТЛА

Вернувшись к ручью под сень деревьев, Доктор вытащил из карманов лисят и поставил их на землю.

— Да, — сказала лисица-мать, — я часто слышала, что вы великий человек, Джон Дулитл, но только сегодня я поняла, что вы действительно можете творить чудеса. Я не знаю, как вас благодарить, у меня просто нет слов... Нарцисс, выйди сейчас же из воды!

— Не нужно меня благодарить, — сказал Доктор. — По правде говоря, я и сам получил большое удовольствие, надув старика Уила Пибоди, — хоть он и одолжил мне десять гиней. Сколько уже лет я пытаюсь убедить его бросить охотиться на лис. Ха-ха, он решил, что собаки по ошибке пошли по моему следу.

— Ах, — вздохнула лиса. — Их не так-то просто обмануть, этих гончих. Этот громадный зверюга Рысак, с которым вы разговаривали, — сущий дьявол. У него самый острый нюх во всей округе. Плохо придется той лисе, чей след он учует!

— Но за тобой ведь охотились и прежде! — удивился Доктор. — Значит, собакам не всегда удается поймать добычу?

— Да, иногда мы можем убежать от них. Но нам удается спастись только благодаря счастливой случайности. Если, например, повезет с погодой или ветер будет дуть в нужную сторону. Ветер вообще ужасно важная штука. Когда гончие берут след с наветренной стороны и бегут за нами, как мы гово-

рим, против ветра, шансов на спасение почти нет. Правда, если кругом холмы и собаки тебя не видят, можно попробовать обмануть их и вернуться назад каким-нибудь окольным путем. Тогда ты окажешься сзади собак, и так как ветер будет дуть от них, они быстро потеряют след. Но обычно за нами охотятся на голых полях, где спрятаться совершенно негде — куда ни побежишь, тебя отовсюду увидят.

— Гм, — хмыкнул Доктор. — Понятно.

— Иногда, — продолжала лиса, — ветер может поменяться, когда охота в самом разгаре. Но такая удача выпадает очень редко. Один раз это спасло мне жизнь. Помнится, это произошло в октябре. Было очень сыро, дул легкий ветерок — как раз такую погоду обожают охотники. Я перебежала через луг недалеко от фермы Торпа, как вдруг услышала охотничий рог. Когда я поняла, с какой они стороны, то пришла в ужас. Ветер дул прямо на меня, луг был совершенно открытый, и если бы я попробовала вернуться, чтобы оказаться позади собак, они бы меня непременно увидели. Я знала эти места прекрасно, потому сразу решила, что мое единственное спасение — это лес в Топем Уиллоуз. И я бросилась туда со всех ног.

Топем Уиллоуз — это заброшенный старый заповедник. Он находится в пятнадцати милях к западу от фермы Торпа.

«Если я доберусь до него, — думала я, — я спасена. Ни один человек на лошади не сможет пробраться в эту непроходимую чащу из ежевичных кустов и деревьев, и ни одной своры собак не хватит, чтобы ее окружить».

Но до заповедника мне нужно было бежать целых пятнадцать миль по голым полям и холмам!

Чтобы увеличить с самого начала разрыв между мной и собаками, я помчалась вперед с такой скоростью, на которую только была способна. Гончие сразу же увидели меня, а люди закричали: «Ату ее! Ату ее!..» Мне показалось, что сам дьявол гонится за мной. Это была долгая и жестокая гонка. Единственными заграждениями на тех голых холмах были каменные изгороди. Но ни одна лиса не будет настолько глупа, чтобы прятаться за ними. Я просто перепрыгивала через них на бегу, и каждый раз, когда мой хвост взлетал над очередной оградой, охотники начинали улюлюкать еще громче.

До леса оставалось всего три мили, но вдруг я почувствовала, как меня что-то кольнуло в сердце. В глазах у меня потемнело, я споткнулась о камень. Пересилив боль, я поднялась и поплелась дальше. Топем Уиллоуз был уже виден, но добежать до него у меня не хватало сил. Я поняла, что начала гонку со слишком большой скоростью.

Тут лисица Ночная Тень на минуту прервала свой рассказ. Уши ее были прижаты, маленький рот полуоткрыт, а глаза уставились в одну точку. Казалось, она снова переживает тот кошмарный день, ту долгую и безжалостную погоню, когда спасительное убежище было уже так близко, но сил больше не оставалось, а Гончие Смерти уже настигали ее.

Помолчав немного, лиса тихо сказала:

— Я поняла, что это конец. Собаки догоняли меня, и у них еще было полно сил. И вдруг внезапно поменялся ветер.

— Я не смела поверить своему счастью. Теперь мне оставалось только найти какую-нибудь канаву или изгородь — и я спасена. Ведь на таком открытом месте, когда тебя видно со всех сторон, запах

уже не так важен. И, спотыкаясь, я побежала дальше. Вдруг слева от себя я заметила холм, поросший папоротником. Между мной и охотниками все еще сохранялось небольшое расстояние. Я свернула налево, оставив свору бежать к лесу, а сама кинулась в заросли папоротника. Мне очень повезло, что они были разбросаны по всему холму. Наконец-то мои преследователи больше не видели меня! Я начала бегать по склону между папоротниками, повсюду оставляя свой запах. Потом я спустилась с другой стороны холма, нашла канаву, ведущую в Топем Уиллоуз, и побежала по ней снова в лес.

К тому времени я уже немного оправилась и не так ковыляла. Собаки же, упустив меня из виду, теперь совсем запутались из-за переменившегося ветра. Выглянув из своей канавы, я увидела, как они бегают по холму между папоротниками, пытаюсь понять, куда же ведет мой след. Если бы ветер все еще дул от меня, кто-нибудь из них наверняка бы почувял, что я бегу по канаве, и они бы отрезали меня от леса. Но пока собаки рыскали по холму, я добралась до Топем Уиллоуз. Совершенно разбитая и полуживая от усталости, я заползла в заросли ежевики и поблагодарила свою счастливую звезду за то, что ветер переменился вовремя, и это спасло мне жизнь.

— Да, — промолвил Доктор, когда лисица закончила. — Все это очень интересно. Но из твоего рассказа я понял, что если бы не острый нюх гончих, вам было бы легко убежать от охотников.

— Конечно. Если бы собаки не узнавали нас по запаху, спрятаться от них было бы пара пустяков. Ведь мы видим и слышим собак намного раньше, чем они нас.

— Понятно, — задумчиво сказал Доктор. — Послушай, у меня, кажется, есть идея. Предположим, что лиса пахнет не лисой, а чем-нибудь другим. И этот запах собакам совсем не нравится. Как ты думаешь, они побегут по такому следу?

— Конечно, нет, пока они не будут знать, что это лиса. И даже когда узнают, они могут за нами не побежать, если этот запах будет им очень неприятен.

— Вот это как раз то, что нам нужно: обманный запах. Причем он должен быть достаточно резким, чтобы заглушить ваш настоящий запах. Ну-ка; посмотри сюда! — И Доктор вытащил из кармана толстую черную сумочку. Она была набита аккуратными маленькими бутылочками. — Это моя карманная аптечка. Некоторые из этих лекарств обладают очень резким запахом. Сейчас ты сама в этом убедишься. Попробуй понюхать вот эту.

Доктор вытащил пробку из крошечного флакона и поднес его к носу лисицы. Вдохнув один раз, Ночная Тень отпрянула назад.

— Боже! — воскликнула она. — Какой сильный запах! Как это называется?

— Камфарный спирт, — ответил Доктор. — А теперь понюхай еще одну, это эвкалипт.

Лиса опустила нос в другую бутылочку и после этого, громко взвигнув, отпрыгнула на три шага в сторону.

— Этот еще хуже. Он сразу разъедает глаза. Скорее закройте флакон, Доктор! — закричала Ночная Тень и начала тереть лапами глаза. — У меня слезы просто градом катятся!

— Вот и прекрасно! — обрадовался Доктор. — Теперь послушай: оба эти лекарства, хотя и обладают таким резким запахом, совершенно безвредные. Если ты, конечно, не будешь их пить. Люди

лечатся ими от насморка и других болезней. Как ты думаешь, собакам понравится этот запах?

— Конечно, не понравится, — фыркнула Ночная Тень. — Они убегут от него за версту. Стоит только собаке один раз вдохнуть это, как у нее отшибет нюх на целый день. Вы же знаете, как они берегут свои носы. Особенно гончие.

— Отлично! — воскликнул Доктор. — А сейчас смотри: когда этот флакончик плотно закрыт и завернут в носовой платок — вот так, — запах совершенно не чувствуется. Ты даже можешь взять его в рот и походить с ним. Вот попробуй.

Лиса осторожно взяла завернутую в носовой платок бутылочку и положила ее себе за щеку.

— Ну как? — спросил Доктор. — В таком виде она совершенно безвредна и ничем не пахнет. Но если ты положишь пузырек на землю и уронишь на него тяжелый камень, стекло разобьется, лекарство выльется и пропитает весь платок. Тогда запах будет очень резким. Ты понимаешь, к чему я веду?

— Конечно, — ответила лиса. — Нарцисс, перестань сейчас же играть с моим хвостом! Ты мне мешаешь слушать, что говорит Доктор. Иди лучше вон к тому дереву и делай упражнения.

— Потом, — продолжал Доктор, — ты ляжешь на носовой платок и немного повалешься на нем. Тогда от тебя тоже будет пахнуть лекарством. И я могу смело сказать, что после этого ни одна гончая не станет охотиться за тобой. Во-первых, она не поймет, что это за запах, а во-вторых, она убежит от него, как от огня.

— Это уж точно, — подтвердила лиса.

— Очень хорошо. Сейчас я тебе дам один из этих флакончиков. Какой тебе больше нравится: с камфарным спиртом или с эвкалиптом?

— Перестань играть с моим хвостом, Нарцисс, —
сказала лиса.

— Они оба ужасно пахнут, — ответила Ночная Тень. — Не могли бы вы дать мне и тот, и другой?

— Конечно, бери, — сказал Доктор.

— Спасибо. Может быть, у вас найдется и два носовых платка?

— Да, у меня есть как раз два платка — красный и синий.

— Замечательно! — воскликнула лисица. — Тогда я сделаю так, чтобы мои детеныши пахли камфарой, а я этим... эвка... эвка...

— Эвкалиптом, — подсказал Доктор.

— Какое красивое название! Пожалуй, я назову так своего третьего сыночка. Я никак не могла придумать ему имя. И тогда у меня будут: Нарцисс, Пион и Эвкалипт!

— Трое сыновей Ночной Тени, — добавил Доктор, взглянув на маленьких круглых лисят, кувыркающихся под дубом. — Звучит очень благородно — почти как имена древних римлян. Но послушай, ты должна завернуть бутылочки как следует, иначе, когда стекло разобьется, ты можешь пораниться. Обертка должна быть мягкой и плотной. Давай-ка я сам это сделаю — у меня в кармане как раз есть подходящий шнурок.

И Джон Дулитл завернул бутылочки в носовые платки и туго обмотал их шнурком. После этого он вручил Ночной Тени свое новое изобретение.

— Ты должна всегда носить эти флаконы с собой, — сказал он. — И как только ты увидишь, что за тобой бегут гончие, разбивай их о камень и «пропитывайся» лекарством. После этого тебе не будут страшны никакие собаки — даже Рысак.

Оставив лис с этим новым «уничтожителем запаха», Джон Дулитл начал собираться в дорогу. Ночная Тень несколько раз поблагодарила его за все,

что он для них сделал, и тоже заспешила домой. Надо сказать, что в тот момент ни Доктор, ни лиса не подозревали, к каким последствиям приведет его необычное изобретение.

В тот же самый вечер, когда Ночная Тень с детенышами бежали к себе в нору, на их след снова напали гончие, возвращавшиеся домой после неудачной охоты. Как только лисица поняла, что их преследуют собаки, она положила свои флакончики на землю и бросила на них камень. Тут же воздух наполнился едким лекарственным запахом.

Из глаз Ночной Тени градом покатились слезы, но, невзирая на это, она вывалялась на одном платке, а лисят заставила поваляться на другом.

После этого, благоухая лекарствами, как в аптеке, и задыхаясь от своего собственного запаха, все четверо бросились бежать через широкое поле к своей норе. Гончие, увидев лис на открытом месте, побежали им наперерез с другой стороны поля. Они надеялись опередить их до того, как они смогут укрыться в кустах.

Для собак это было совсем не трудно, так как Ночная Тень не могла бежать быстро: ей все время приходилось следить за отстающим Нарциссом.

Гончие во главе с Рысаком неуклонно приближались к семейству Ночной Тени. Уставшие от бесплодных скачек по полям охотники, видя, что собаки вот-вот схватят добычу, воодушевились и пришпорили своих лошадей.

Но вдруг в пяти шагах от лис вожаки остановились как вкопанные.

— Что случилось с Рысаком, Джоунз? — закричал сэр Уильям джентльмену на серой кобыле. — Погляди, он сидит и смотрит, как *лисы уходят*.

Внезапно порыв ветра дунул со стороны лисьего семейства на восток, прямо на свору. Все собаки как одна повернули назад и, поджав хвосты, бросились в разные стороны. Даже лошади наострили уши и зафыркали.

— Боже, что это за запах! — воскликнул сэр Уильям. — Пахнет каким-то лекарством! Что это, Джоунз?

Но джентльмен на серой кобыле не слышал его. Щелкая длинным хлыстом и выкрикивая ругательства, он носился по всему полю, пытаясь собрать свою разбежавшуюся свору.

А Ночная Тень с лисятами в это время спокойно добежала до своей норы. Укладывая в этот вечер детенышей спать, она без конца бормотала про себя:

— Он — великий человек, поистине великий человек!

На следующий день, отправившись на поиски завтрака, Ночная Тень встретила свою соседку, другую лису. Но та, почувствовав запах камфары, бросилась от нее бежать, как от зачумленной, даже не сказав ей «доброе утро».

Таким образом, лисица-мать скоро обнаружила, что ее новый запах доставляет ей и некоторые неудобства. Никто из ее родственников не хотел теперь общаться с ней и ее камфарно-эвкалиптовыми лисятами, и ни в одной лисьей норе их не принимали.

Но прошло совсем немного времени, и все местные лисы начали говорить о том, что Ночная Тень безбоязненно разгуливает, где только пожелает, и за ней никто не охотится. И вскоре к Джону Дулитлу стали без конца приходить таинственные звериные посланцы с просьбой дать им бутылочку эвкалиптовой настойки. И каждый раз Доктор

*Джентльмен на серой кобыле
носился по всему полю, пытаясь собрать
свою разбежавшуюся свору.*

выполнял их просьбы. Он послал в эти края сотни маленьких пузырьков, завернутых в носовые платки.

Скоро у каждой лисицы, живущей на сто миль в окрестностях Бристоля, был свой «противоохотничий сверток» Джона Дулитла.

Это привело к тому, что свора Дичема вообще прекратила свое существование.

— Это бесполезно, — говорил сэр Уильям. — Мы не сможем охотиться на лис, пока не выведем новую породу охотничьих собак — эвкалиптовых. Да, я готов поклясться своим последним пенни, что это — дело рук Дулитла. Он всегда говорил мне, что хочет покончить с этим видом спорта. И пусть Бог мне будет свидетелем — в наших краях он добился того, чего хотел!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА 1

СНОВА В ЦИРКЕ

Теперь у Доктора было достаточно денег, чтобы заплатить за дорогу до Эшби, поэтому, добравшись до деревни Эплдаик, он решил разузнать, где можно сесть на дилижанс. Узкая тропинка, которая привела Доктора в деревню, переходила там в широкую, мощенную булыжником дорогу. Местный кузнец рассказал ему, что по этой дороге часто проезжают дилижансы и как раз через полчаса должен появиться один из них.

Поэтому, купив ирисок в единственном магазинчике, которым мог похвастаться Эплдаик, Доктор присел у обочины и стал дожидаться. Ириски прекрасно помогли ему скоротать оставшееся время.

Около четырех часов пополудни на дороге показался дилижанс. Доехав на нем до следующего большого города, Доктор пересел на другой, ночной дилижанс и отправился на восток. Уже утром следующего дня Джон Дулитл был в десяти милях от Эшби.

Остаток пути Доктор решил на всякий случай пройти пешком. Побрившись и позавтракав на постоялом дворе, он отправился дальше.

Пройдя совсем немного, Доктор увидел расположившийся у дороги цыганский табор. Какая-то старая цыганка остановила его и подозвала к себе, чтобы погадать. Но Доктор от гадания отказался. Вместо этого он начал расспрашивать

цыган, как ему лучше добраться до Эшби. Узнав, что он ищет цирк Блоссомы, цыгане сказали, что его уже нет в Эшби — совсем недавно он уехал в соседний город.

— Полчаса назад мимо нас проехал какой-то человек с фургоном, — добавили они. — Он тоже направлялся в цирк Блоссомы. Если вы поспешите, вы еще сможете его догнать — его лошадь плелась так медленно.

Так как Доктор не знал дороги до соседнего города, он решил, что будет лучше, если он найдет этого попутчика и поедет вместе с ним. И поблагодарив цыган, он побежал догонять человека с фургоном.

К полудню ему удалось догнать его.

Фургон стоял на обочине, а его хозяин сидел рядом и обедал.

Доктор сразу увидел, что этот фургончик очень необычный. Со всех четырех сторон он был исписан разными объявлениями: «Пользуйтесь мазями доктора Брауна», «Вырывайте зубы у доктора Брауна», «Микстура доктора Брауна вылечит вашу печень», «Пилюли доктора Брауна» сделают то, «Мази доктора Брауна» сделают это и так далее.

Прочитав все эти надписи с большим профессиональным интересом, Джон Дулитл подошел к толстяку, который сидел на обочине и жевал хлеб с сыром.

— Простите, — вежливо сказал Доктор. — Я имею честь разговаривать с доктором Брауном?

— Да, это я, — ответил толстяк с набитым ртом. — Чем могу быть полезен? Хотите зуб вырвать?

— Я слышал, что вы направляетесь в цирк Блоссомы. Это правда?

— Да. Так оно и есть. Я еду в Стоубери. А что?

— Понимаете, я тоже туда иду. Я просто подумал, что мог бы составить вам компанию, если вы, конечно, не возражаете.

Доктор Браун сказал, что он не возражает, и, закончив свой обед, пригласил Джона Дулитла к себе в фургон.

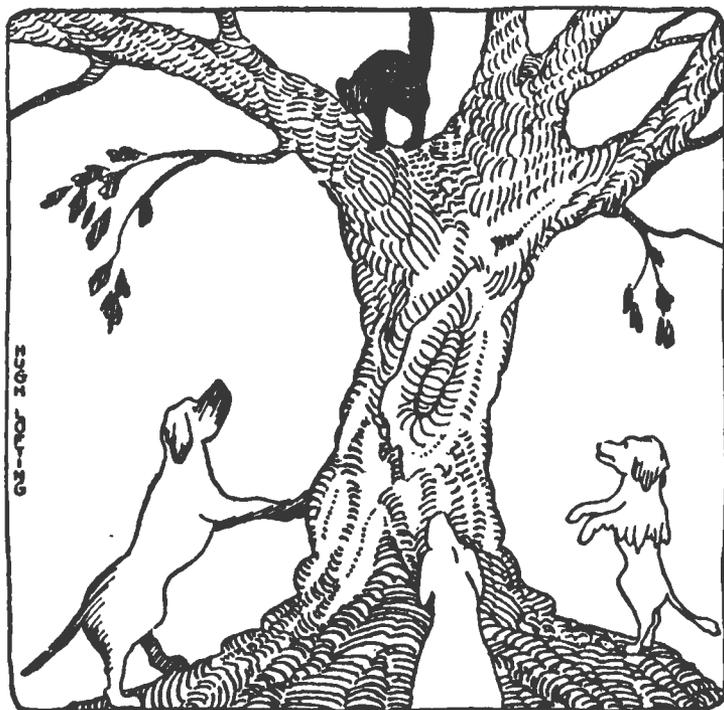
Внутри фургона все было специально устроено для изготовления лекарств, которые рекламировались снаружи. Пока Браун запрягал лошадь, Доктор внимательно разглядывал эти «волшебные снадобья». Ему хватило одной минуты, чтобы обнаружить, что все они приготовлены главным образом из свиного сала и оливкового масла. Сам же доктор Браун показался Джону Дулитлу очень невежественным и вульгарным человеком. И когда он начал спрашивать его, где он получил медицинское образование, в какой больнице изучал стоматологию и так далее, Браун даже рассердился. Ему совсем не понравилось, что Доктор устраивает ему такой допрос.

В конце концов Джон Дулитл пришел к выводу, что перед ним самый настоящий шарлатан, который продает липовые лекарства.

Решив, что лучше он будет добираться до Стоубери один, чем с таким попутчиком, Джон Дулитл вылез из фургона и пошел пешком.

Скоро он услышал лай Джипа и понял, что цирк уже близко. Потом к Джипу присоединились еще две собаки, и, выйдя из-за поворота, Доктор увидел Джипа, Тоби и Свистка, которые, заливаясь лаем, прыгали вокруг дерева, на котором сидела черная кошка. А еще дальше на дороге виднелся хвост циркового каравана.

Как только собаки увидели Доктора, они, забыв про кошку, бросились к нему.

**Джип, Тоби и Свисток,
заливаясь лаем, прыгали вокруг дерева,
на котором сидела черная кошка.**

— Доктор! Доктор! — визжал от восторга Джип. — Ну как, Софи добралась до моря?

И все трое начали прыгать к нему на грудь, пытаясь лизнуть в нос или в руку. Чтобы не отвечать на сто вопросов сразу, Доктор рассказал им всю историю своего путешествия к морю от начала до конца. Чуть позже, когда он догнал караван и забрался к себе в фургон, ему пришлось повторить ее еще раз остальным своим питомцам.

Вскоре в вагончик Доктора прибежал и Мэтью Магг, услышавший о приезде своего великого друга. И Джону Дулитлу пришлось рассказать свою историю в третий раз.

— Ну и здорово же вы все устроили, Доктор! — воскликнул Продавец Кошачьей Еды, выслушав Джона Дулитла. — Убей меня Бог, если Блоссом вас в чем-нибудь заподозрил!

— А что делает сейчас Хиггинс? — поинтересовался Доктор.

— Он подыскал себе неплохое местечко — работает конюхом в Эшби. Теперь он больше не мучает тюленей, а честно трудится. Я думаю, что это небольшая потеря для цирка.

— А Блоссом взял к себе кого-нибудь вместо Софи?

— Нет. Сначала ему, конечно, приходилось туго без нее, но потом выздоровел силач — Геркулес, — и его дела снова поправились.

— А вы знаете, сколько Тяни-Толкай заработал без вас денег, Доктор? — спросил Гу-Гу. — Вот попробуйте угадать!

— Понятия не имею.

— Двенадцать фунтов, девять шиллингов и шесть пенсов!

— Боже праведный! — воскликнул Доктор. — Это и в самом деле ужасно много: двенадцать фунтов за одну неделю! Я не зарабатывал столько денег даже в лучшие времена своей врачебной практики. Здорово! Если мы будем продолжать в том же духе, то сможем вскоре уйти из цирка.

— Как это — уйти из цирка? — спросил Тоби, положив голову Доктору на колено.

— Ты же знаешь — мы не собирались оставаться здесь навсегда, — ответил Джон Дулитл. — У меня много работы в Падлби и... и... в общем, целая куча дел.

— Понятно, — грустно сказал Тоби. — А я думал, что вы побудете с нами подольше.

— Но как же Цирк Доктора Дулитла? — спросил Свисток. — Разве вы не собираетесь сделать новый справедливый цирк, о котором мы все так мечтаем?

— Свисток прав, — вмешался Джип. — Все звери только и говорят об этом. Они уже придумывают свои аттракционы, с которыми будут выступать в вашем цирке.

— А что будет с нашим театром, Доктор, Театром зверей? — спросил Габ-Габ. — Пока вас не было, я написал пьесу. Она называется «Тухлый помидор». Я там буду играть толстую леди. Я уже выучил всю свою роль наизусть.

— А что будет с нашим домом в Падлби? Вот что мне хотелось бы знать! — вмешалась Даб-Даб, сердито отряхивая крошки со скатерти. — Все вы только о себе и думаете. Вам и дела нет до того, чего хочет сам Доктор! Разве вам придет в голову беспокоиться о нашем старом доме, который разваливается без нас, или о саде, который скоро превратится в настоящие джунгли? Вы забыли, что у

Доктора есть своя собственная работа, свой собственный дом и своя собственная жизнь!

После этой гневной речи домохозяйки надолго воцарилось молчание. Тоби со Свистком даже забралась под стол — так им стало стыдно.

Наконец Доктор сказал:

— Да, в том, что говорит Даб-Даб, есть доля истины: я и в самом деле считаю, что мы должны уйти из цирка после того, как вернем моряку долг, и заработаем себе немного денег на пропитание.

— Ой-ой-ой, — вздохнул Тоби. — Цирк Доктора Дулитла был бы самым замечательным из всех цирков на свете!

— Эхе-хе, — сказал Габ-Габ. — А я был бы просто неотразим в роли толстой леди. Я всегда считал, что во мне пропадает комик!

— Ха, — фыркнула Даб-Даб. — На прошлой неделе ты утверждал, что тебе нужно было бы стать продавцом зелени.

— Но я смогу быть и комическим актером, и продавцом зелени, — возразил Габ-Габ. — Почему бы и нет?

Этим же вечером цирк приехал в Стоубери. И как всегда, всю ночь напролет циркачи трудились, чтобы уже утром пригласить первых посетителей.

На следующее утро в фургон к Доктору заглянул сам Блоссом, узнавший о его приезде. Поговорив с ним, Джон Дулитл решил, что он действительно не нашел ничего подозрительного в его «поездке по делам».

После директора в гости к Доктору пришел силач Геркулес. Он был рад приветствовать своего друга, который так заботился о нем во время болезни. Но, к сожалению, им не удалось как следует поболтать, так как Геркулес вдруг вспомнил, что

ему пора идти выступать в свой балаган. Доктор решил проводить силача и отправился вместе с ним.

Но когда он возвращался из балагана силачей, то вдруг почувствовал сильный запах хлороформа, исходящий из шатра Фатимы, заклинательницы змей. Испугавшись, что там что-то произошло, Доктор зашел внутрь. Самой Фатимы в шатре не оказалось, но запах хлороформа был еще сильнее, чем снаружи. Особенно сильно пахло от коробки со змеями. Джон Дулитл заглянул в нее и увидел, что все шесть змей лежат там почти что в обмороке. Одна из них все же еще могла говорить. Она рассказала Доктору, что Фатима всегда травит их хлороформом в жару, когда они наиболее подвижны.

— Мы терпеть не можем этот хлороформ! — пожаловалась змея. — От него всегда так болит голова!

В это веселое солнечное утро Доктор совсем забыл о том, что больше всего расстраивало его в цирке Блоссомы, — о несчастном положении бедных животных. Но эта новая бессмысленная жестокость привела его в такое негодование, что он тут же вспомнил обо всех унижениях, которым подвергаются звери, и бросился искать Блоссому.

Директор сидел в Большом шатре и разговаривал с Фатимой. Твердым голосом Джон Дулитл потребовал, чтобы обычай отравлять змей хлороформом был запрещен. В ответ на это Блоссом лишь улыбнулся и сделал вид, что занят другими делами. Фатима же обрушила на Доктора поток грозных ругательств.

Огорченный и подавленный вышел Джон Дулитл от директора и отправился к себе в фургон. Доктор размышлял над тем, смогут ли американские черные змеи прижиться в Англии, как вдруг его внимание

*Змея рассказала Доктору,
что Фатима травит их хлороформом.*

привлекла большая толпа людей на другом конце циркового городка.

В этот момент к Доктору подошел Мэтью Магг, и они решили посмотреть, что там происходит. Протиснувшись сквозь толпу зевак, они увидели небольшой помост, на котором восседал новый знаковый Джона Дулитла — доктор Браун. Он читал лекцию о всевозможных чудесах, которые творят его таблетки и мази. По его словам, они излечивали все известные человечеству болезни.

— Какое отношение имеет этот парень к цирку Блоссом? — спросил Доктор у Мэтью.

— Блоссом разрешает ему продавать здесь свои лекарства. А за это Браун отдает ему часть выручки. Вы же знаете, хозяин всех принимает на таких условиях. Этот Браун поедет с нами еще в три города. Смотрите-ка, его пилюли идут нарасхват!

И действительно, деревенские простофили, наслушавшись громких речей доктора Брауна, покупали его изделия направо и налево.

— Сходи-ка купи мне баночку вон той мази и таблеток, Мэтью, — попросил Доктор.

— Я-то, конечно, схожу, — сказал Мэтью, хитро ухмыльнувшись. — Только не ручаюсь, что они вам понравятся.

Когда Продавец Кошачьей Еды купил мазь и таблетки, Доктор отнес их к себе в фургон. Там он их открыл, понюхал и тщательно исследовал при помощи препаратов из своей маленькой черной сумочки.

— Какое надувательство! — воскликнул он, когда закончил. — Да это же просто грабеж среди бела дня! Если бы я только знал, что все в цирке основывается на обмане, я бы ни за что не пошел сюда работать! Мэтью, принеси-ка мне стремянку.

Продавец Кошачьей Еды тут же выскочил за дверь, скрылся за какой-то палаткой и через секунду вернулся с лестницей.

— Спасибо, — поблагодарил Доктор. Взвалив стремянку на плечо, он направился к помосту. В его глазах светился какой-то опасный огонек.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Мэтью, пытаюсь поспеть за Джоном Дулитлом.

— Я сейчас сам прочитаю лекцию. Уж я постараюсь, чтобы люди больше не платили свои деньги за эту липу.

Джип, который сидел у двери фургона, навострил уши и вскочил на ноги.

— Тоби! — позвал он. — Доктор идет к этому продавцу лекарств. Мне показалось, что он чем-то ужасно взбешен. Кажется, сейчас будет небольшая заваруха. Зови скорей Свистка, побежим посмотрим. Вот будет потеха!

Доктор остановился неподалеку от помоста Брауна и водрузил свою лестницу прямо напротив оратора. Мэтью же расчистил вокруг нее место, чтобы Доктор мог спокойно забраться наверх.

В этот момент Браун демонстрировал публике какую-то баночку с мазью.

— Леди и джентльмены! — кричал он. — Это снадобье, которое я держу в левой руке, — самое лучшее в мире средство от ишиаса, прострелов, невралгии, малярии и подагры. Его рекомендуют лучшие врачи мира. Им лечится вся семья бельгийского короля и персидский шах. Стоит вам только один раз намазаться этим чудесным лекарством, и вы...

Но тут другой, более сильный голос заставил его прервать свою речь. Все обернулись и увидели стоящего на стремянке маленького круглого человека в помятом цилиндре.

— Леди и джентльмены! — воскликнул Джон Дулитл. — Этот человек лжет вам. Все его мази и таблетки сделаны из свиного сала, в которое добавлено немного одеколона.

На минуту наступило гробовое молчание. Пока Браун пытался придумать, что же ему ответить, из толпы раздался крик Фатимы.

— Не слушайте его! — завопила она, показывая жирным пальцем на Джона Дулитла. — Он простой циркач. Он сам не разбирается в лекарствах. Спихните его с этой лестницы!

— Минутку! — сказал Доктор, обращаясь к толпе. — Я действительно работаю сейчас в цирке, но это мое временное занятие. Я врач. Я закончил медицинский факультет Даремского университета. И я готов доказать вам, что Браун — обманщик. Лекарства, которые он пытается вам продать, — липовые, они не имеют никакой ценности. Очень сомнительно также, что он изучал стоматологию.

Толпа беспокойно загудела. Несколько человек, которые уже купили изделия Брауна, начали пробираться к помосту, чтобы потребовать назад свои деньги. Но тот отказался их вернуть и попробовал что-то сказать в свое оправдание. Однако Джон Дулитл снова перебил его.

— Послушайте! — закричал он со своей стремянки. — Я бросаю вызов этому человеку: пусть он покажет нам свой диплом или какие-нибудь другие документы, подтверждающие, что он квалифицированный врач и дантист. Но я уверен, что он этого не сделает, потому что он — шарлатан!

— Ты сам шарлатан! — завопил Браун. — Я подам на тебя в суд за клевету!

— Стащите его с лестницы, побейте его! — выла Фатима.

Однако никто не спешил выполнять ее указания. Точно так же, как и во время несчастного случая с Геркулесом, Доктора узнала одна из его пациенток — маленькая старушка из Падлби. Она начала размахивать зонтиком у себя над головой и кричать:

— Люди добрые! Да это Джон Дулитл! Он вылечил моего сына Джо от коклюшного кашля. Если бы не он, не видала бы я больше своего сыночка! Дулитл — настоящий доктор! Самый лучший в наших краях. А тот, другой — прохвост! Если вы не послушаете, что вам говорит Джон Дулитл, останетесь в дураках!

После этого то там, то здесь начали раздаваться новые выкрики: беспокойство в толпе росло. Все больше и больше людей протискивались к Брауну, чтобы вернуть ему лекарства, которые они у него купили.

— Бейте его! Стащите его! — все еще вопила Фатима, стараясь перекрычать толпу.

Доктор Браун, оттолкнув двух мужчин, которые забрались к нему на помост, чтобы забрать свои деньги, подошел к краю сцены и хотел было начать новую лекцию, как вдруг огромная, посланная чьей-то меткой рукой репа просвистела над головами собравшихся и ударила его прямо в лицо. Желание Фатимы наконец-то исполнилось: только бить начали не Джона Дулитла, а продавца «чудесных лекарств». В Брауна полетели морковь, картофелины, камни и другие всевозможные виды метательных снарядов.

— Хватайте его! Он обманщик! — кричали повсюду.

И вопящая, размахивающая кулаками толпа хлынула к помосту.

ГЛАВА 2

СКАНДАЛ ИЗ-ЗА ФАЛЬШИВЫХ ЛЕКАРСТВ

Видя, какую агрессивную форму принимает возмущение толпы, Доктор начал немного волноваться. Ведь он только хотел предупредить людей, чтобы они не покупали фальшивые лекарства. Теперь же, когда разъяренная толпа полезла на помост Брауна, сметая и разбивая на своем пути все, что только возможно, Доктор стал уже всерьез опасаться за жизнь горе-лекаря.

Но как раз в самый критический момент подошла полиция.

Полицейским пришлось как следует потрудиться, чтобы успокоить народ. В ход были пущены даже резиновые дубинки. Ну и много же было после этого разбитых носов и голов! В конце концов полицейские решили, что порядок может быть восстановлен только тогда, когда на территории цирка не останется ни одного человека. И вскоре, несмотря на многочисленные протесты, все посетители были выворены из цирка. Блоссому же было приказано закрыть свое заведение впредь до получения дальнейших указаний.

Через некоторое время последовали и указания. Происшествие с липовым доктором вызвало бурю негодования среди уважаемых жителей Стоубери, поэтому мэр города прислал господину Блоссому уведомление, что он и все члены городского управления будут ему очень обязаны, если цирк сейчас же покинет город.

Браун удрал из Стоубери сразу же после появления в цирке полиции. Однако для Джона Дулит-

ла вся эта история еще не закончилась. Блоссом, узнав о приказании мэра, так рассвирепел, что с ним чуть не случился припадок. Фатима кляузничала ему на Доктора все утро, и когда он услышал, что из-за разоблачений Джона Дулитла их выгоняют из города, его лицо даже почернело.

— Черт его возьми! — закричал он, вскакивая и хватая дорожную палку. — Я ему покажу, как закрывать мой цирк! Эй, кто-нибудь! Пойдемте со мной, сейчас мы его проучим!

Надо сказать, что Фатима уже успела настроить против Джона Дулитла нескольких циркачей, без конца повторяя им, что из-за провала в Стоубери они не получат своего недельного жалованья. Поэтому пять или шесть человек охотно присоединились к разъяренному директору. И все они, размахивая кулаками и выкрикивая ругательства, двинулись к фургону Доктора.

Все это время Джип с Мэтью не отходили от вагончика Блоссом. Когда им стало ясно, что дела Доктора плохи, Джип побежал его предупредить, а Мэтью почему-то пошел в совершенно противоположную сторону.

По дороге к процессии «мстителей» присоединилось еще несколько рабочих, и к тому времени, когда они подошли к фургону Джона Дулитла, их уже было около дюжины.

К их удивлению, Доктор сам вышел им навстречу.

— Добрый день, — сказал он вежливо. — Чем я могу вам помочь?

Блоссом хотел было ему ответить, но был так зол, что не мог говорить. Вместо слов у директора вырвалось какое-то бессвязное бульканье.

— Ты уже нам помог! — выкрикнул один из циркачей.

— А сейчас мы тебе поможем! — взвизгнула Фатима.

— Из-за тебя нас выставили из города! — рявкнул другой циркач. — А это одно из лучших мест на дороге. Ты лишил нас недельного заработка!

Наконец и у Блоссомы прорезался голос.

— Ты уже постарался навредить моему цирку, — прохрипел он. — С тех пор, как ты здесь, — от тебя одни неприятности. Но на этот раз, ей-Богу, ты зашел слишком далеко!

И без дальнейших разговоров разъяренные циркачи набросились на Джона Дулитла. Они пинали его ногами и молотили по нему кулаками, как будто бы он был футбольный мяч. Бедный Джип старался изо всех сил вытащить его из-под этой кучи, но у него ничего не получалось. Ведь на Доктора набросилось сразу двенадцать человек! Его даже не было видно.

— Где же Мэтью? — в отчаянии думал пес.

Наконец через несколько минут на другом конце циркового городка показался Продавец Кошачьей Еды. Рядом с ним бежал великан в розовых рейтузах.

Добежав до этой кучи малы, великан начал хватать циркачей кого за ноги, кого за волосы и оттаскивать их от Доктора. Он отбрасывал их в разные стороны с такой легкостью, как будто это были пучки соломы.

Вскоре Геркулес — а вы, наверное, уже догадались, что это был именно он, — разбросал всех. На земле остались только Доктор и Блоссом. Они катались по траве, вцепившись друг другу в горло. Рукой размером с кувалду Геркулес схватил директора за шиворот и хорошенько встряхнул.

*Геркулес схватил директора за шиворот
и хорошенько встряхнул.*

— Если ты не будешь вести себя как следует, Александр, — тихо сказал он, — я дам тебе по физиономии и вышибу все твои мозги!

После этого наконец-то последовало молчание. Циркачи медленно поднимались с земли и отряхивались.

— А теперь, — сказал Геркулес, не отпуская Блоссому, — расскажите мне, что стряслось. Что это вы все навалились на Доктора? И вам не стыдно? Дюжина — на одного, да еще и самого маленького!

— Он пошел и рассказал всем, что мазь Брауна — фальшивая. Они чуть не убили его, требуя назад свои деньги. Обозвал Брауна шарлатаном перед всеми! Как будто он сам не прохвост, — сказала Фатима.

— Не тебе бы говорить о шарлатанах! — воскликнул Геркулес. — Разве я не видел, как ты рисовала полоски на своих несчастных безобидных змеях? Чтобы они были больше похожи на ядовитых! Этот человек — настоящий врач! Он вылечил меня, когда эта проклятая штанга раздавила мои ребра!

— Из-за него нас выставили из города, — проревел один из рабочих. — Получается, что мы зря ехали сюда тридцать миль. И нам придется ехать еще сорок миль, прежде чем мы сможем заработать хотя бы пенни! Вот что твой драгоценный Доктор для нас сделал!

— Больше он не будет работать в нашем цирке! — пробулькал Блоссом. — Я не намерен терпеть его выходки!

Директор наконец освободился от мертвой хватки силача и, подбежав к Доктору, начал размахивать пальцем у него перед носом.

— Вы уволены! — визжал он. — Убирайтесь отсюда сегодня же, нет — сейчас же!

— Очень хорошо, — спокойно сказал Доктор и повернулся, чтобы уйти.

— Подождите минутку, Доктор! — окликнул его Геркулес. — Вы хотите остаться?

— Не знаю, Геркулес, — задумчиво ответил Джон Дулитл. — Мне трудно ответить на твой вопрос.

— Какая разница, чего он хочет! — взвизгнула Фатима. — Хозяин его уволил — вот и весь разговор. Он обязан уйти.

Тут Доктор взглянул в полные ненависти глаза Фатимы и вспомнил о ее несчастных змеях. Потом он подумал о других цирковых животных, у которых без него не останется никакой надежды на лучшую жизнь, и о старом коне Беппо, которого давно пора отправить на пенсию. Пока он раздумывал, Свисток уткнулся ему в руку своим мокрым носом, а Тоби начал теревить полу его сюртука.

— Нет, Геркулес, — сказал он наконец. — я не хочу уходить из цирка. Но меня выгоняют, и с этим ничего нельзя поделать.

— Как это нельзя ничего поделать! — воскликнул силач. — Плохо вы нас знаете! — Он схватил Блоссом за плечи, повернул к себе лицом и потряс своим огромным кулаком у него перед носом. — Послушайте, — угрожающе произнес он, — Доктор — честный человек, а Браун — обманщик. Если Доктор уйдет из цирка, вместе с ним уйду и я. А со мной уйдут и мои племянники — акробаты на трапеции. Кроме того, я думаю, что и клоун Хоп присоединится к нам. Ну как, вам это понравится?

Владелец «Величайшего Цирка на Земле» сразу не нашелся, что ответить. Он так растерялся, что

даже начал жевать свои усы. Он знал, что без тюленихи Софи, Геркулеса, братьев-акробатов, лучшего клоуна и Тяни-Толкая его цирк заметно обеднеет. Пока он думал, что же ему сказать, лицо Фатимы приобрело совершенно ужасное выражение. На него стоило посмотреть! Если бы ее взгляд мог убивать, то Доктора с Геркулесом давно бы не было в живых.

— Хорошо, — сказал наконец Блоссом совершенно другим тоном. — Не будем ссориться. Нет смысла разваливать весь цирк только из-за того, что нам не повезло в одном городе.

— Если вы хотите, чтобы я остался, — сказал Доктор, — вы должны выполнить несколько моих требований. Во-первых, я настаиваю на том, чтобы никаких фальшивых лекарств не продавалось, пока я работаю здесь.

— Ха! — воскликнула Фатима. — Вот видите — он опять за свое! Сейчас он вас будет учить, как управлять цирком!

— Во-вторых, — продолжал Доктор, — я требую, чтобы эта женщина больше не прикасалась к змеям или каким-нибудь другим животным. Она должна быть уволена. Я сам куплю ее змей.

Несмотря на протестующие вопли заклинательницы змей, Блоссом в конце концов согласился выполнить требования Доктора, и все было улажено миром.

В этот вечер, когда Гу-Гу сидел на ступеньках фургона и перекликался со своей подругой — совой, жившей на городском кладбище, к нему подошла Даб-Даб. В глазах у бедной домохозяйки стояли слезы.

— Я просто не знаю, что с ним делать, — запричитала она. Он забрал все до последнего

пенни из нашей копилки! Двенадцать фунтов, девять шиллингов и шесть пенсов — все, что мы накопили, чтобы можно было вернуться в Падлби. И как ты думаешь, на что он их потратил? — Тут Даб-Даб не выдержала и разразилась слезами. — Он купил шесть жирных противных змей! Мало того, он поселил их в моей любимой баночке из-под муки. Они будут там жить, пока Доктор не подыщет им более подходящее место!

ГЛАВА 3

НИНО

С уходом Фатимы работа в цирке стала нравиться Доктору гораздо больше.

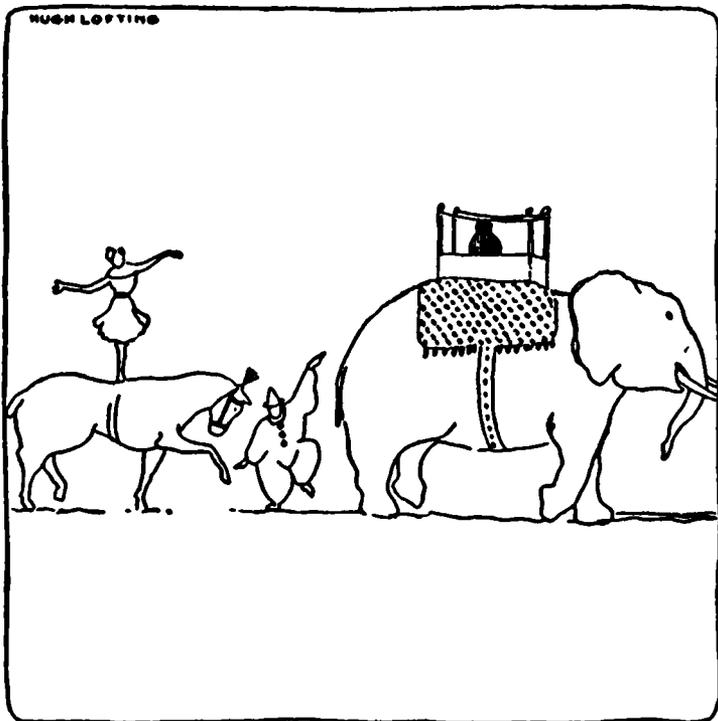
Раньше его все время мучила совесть, что он ничем не может помочь бедным животным. Но теперь, когда он отправил Софи на Аляску, избавил змей от рабства и хлороформа, запретил продажу фальшивых лекарств, Доктор почувствовал, что его пребывание в цирке не напрасно.

Даже Блоссом после скандала с Брауном стал выказывать ему намного больше уважения, чем прежде. Хотя, если бы он не был так зол из-за приказа мэра и жалоб Фатимы, ему бы и в голову не пришло увольнять Джона Дулитла. Ведь директор цирка прекрасно понимал, что такого необыкновенного зверя, как Тяни-Толкай, ему нигде больше не удастся найти.

Что же касается циркачей, то после происшествия в Стоубери они еще больше полюбили Джона Дулитла. Несмотря на то, что Фатиме удалось настроить против Доктора несколько человек, ее саму в цирке никто терпеть не мог. И когда стало известно, что благодаря Доктору она уволена, ему тут же простили все убытки, которые понес цирк из-за скандала в Стоубери.

Однако настоящим авторитетом среди артистов Доктор стал пользоваться лишь после того, как заболела Говорящая Лошадь.

Это случилось через несколько дней, когда они приехали в город Бриджтон. Бриджтон был большим промышленным центром, и Блоссом надеялся,

Как всегда, сначала цирк прошеествовал по улицам города.

что здесь они смогут неплохо заработать. Как всегда, сначала цирк прошеествовал по улицам города. Восхищенные жители увидели диких животных, клоунов, отважных наездников и много других удивительных вещей. Перед началом выступлений повсюду были расклеены огромные афиши, и когда наконец цирк открылся, публика повалила туда валом, посетителей было хоть отбавляй. Кажется, это была одна из лучших недель за всю историю бродячей труппы.

Первое представление должно было начаться в два часа дня в большом театре Шапито. При входе была установлена большая афиша с программой выступлений. Она гласила: «Мадмуазель Светлячок, искусная наездница! Отважные акробаты на трапеции братья Пинто! Самый сильный человек на свете великан Геркулес! Уморительный клоун Хоп и его чудо-пес Свисток! Танцующий слон Жо-Жо и знаменитая на весь мир Говорящая Лошадь — Нинó!» Название последнего номера было написано самыми большими буквами.

Надо сказать, что эта Нино была обыкновенной пегой кобылой, которую научили распознавать определенные знаки, которые ей подавал дрессировщик и «отвечать» на них. Блоссом купил ее у одного француза вместе с секретом ее так называемого умения разговаривать. На самом деле во время представления Нино ничего не говорила. Она просто била копытом или мотала головой нужное число раз в ответ на вопросы Блоссоба.

«Сколько будет три плюс четыре?» — спрашивал, например, Блоссом. И Нино била копытом семь раз. Если ей нужно было ответить «да», она кивала головой, а если «нет», — мотала мордой из стороны в сторону. Конечно, она не понимала, о чем ее

спрашивают, а угадывала, что ей нужно ответить, по знакам, которые ей подавал директор. Если он хотел, чтобы Нино ответила «да», он начинал чесывать свое левое ухо, если «нет» — складывал руки на груди, и так далее. Все эти знаки Блоссом держал в секрете. Но Доктор их, конечно же, знал — ведь Нино рассказала ему, как проходит представление.

Номер «Говорящая Лошадь» пользовался большим успехом у публики, поэтому в афишах директор всегда отводил ему почетное место. Дети всегда с удовольствием выкрикивали со своих мест вопросы и покатывались со смеху, видя, как маленькая толстая кобылка бьет в ответ копытом или мотает головой.

До начала первого представления в Бриджтоне оставалось совсем немного времени. Доктор с директором беседовали в гримерной клоуна, когда к ним вдруг ворвался главный конюх. Он был очень взволнован.

— Мистер Блоссом! — закричал он. — Нино заболела! Лежит у себя в стойле с закрытыми глазами и даже не может подняться на ноги. Представление начнется через пятнадцать минут, а я ничего не могу с ней сделать!

Бормоча про себя ругательства, директор вскочил и бросился в конюшню. За ним побежал и Доктор.

Нино действительно была в очень плохом состоянии. Она лежала на соломе и прерывисто дышала. Доктор с директором с трудом поставили ее на ноги, но бедная лошадь не могла ступить ни шагу. Она шаталась от слабости.

— Черт побери! — выругался Блоссом. — Если она сегодня не выступит, это испортит нам репута-

цию на всю неделю. Мы разрекламировали ее как гвоздь программы! Если она не выйдет на манеж, зрители будут кричать, что их обманули!

— Вам придется все объяснить публике, — сказал Доктор. — У этой лошади очень сильная лихорадка. Я сомневаюсь, что она сможет сегодня выйти из своего стойла.

— Боже! Но она должна это сделать! — воскликнул Блоссом. — Если она не выступит, зрители могут потребовать свои деньги обратно. Мы не можем оскандалиться еще раз, как...

В этот момент в конюшню зашел мальчик.

— Уже без пяти минут два, мистер Блоссом, — сказал он. — Пирс велел мне узнать, готовы ли вы.

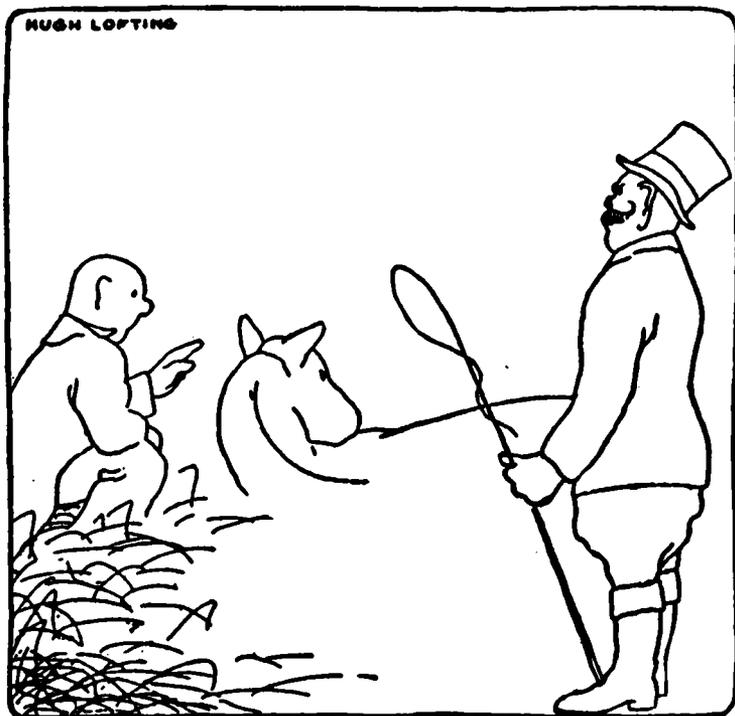
— Черт их подери! — закричал Блоссом. — Я не могу вести первое отделение! Прежде чем я выйду на манеж, мне нужно привести в порядок Нино!

— Но у нас больше никому это делать, сэр, — возразил мальчик. — Робинсон еще не вернулся.

— Боже, что за день, — простонал директор. — Конечно, представление не начнется без инспектора манежа. Но я не могу сейчас оставить Нино. Я просто не знаю, что мне...

— Извиняюсь, хозяин, — раздался вдруг сзади чей-то голос. Обернувшись, директор встретился взглядом с косыми глазами Мэтью Магга. — Может быть, вы позволите мне занять ваше место? — спросил Продавец Кошачьей Еды. — Я уже давным-давно выучил все ваши слова наизусть. Я постараюсь объявлять номера точно так же, как это делаете вы. И клянусь — никто не заметит никакой разницы!

— Да-а... — протянул Блоссом, оглядывая Мэтью с головы до ног. — Ты самый задрипанный из всех ведущих, каких мне когда-либо приходилось ви-

— У этой лошади очень сильная лихорадка.
Я сомневаюсь, что она сегодня
сможет выйти из стойла.

деть. Но сейчас выбирать не приходится. Пойдем скорей со мной — я дам тебе свой костюм.

Доктор занялся больной кобылой, а Блоссом с Мэтью побежали в костюмерную. Там при помощи румян, накладных усов из гримировальной коробки клоуна и Теодозии (которая наскоро ушила широкие бриджи Блоссоба) Мэтью Магг превратился из Продавца Кошачьей Еды в инспектора манежа.

Наконец-то сбылась мечта всей его жизни: он стал главным действующим лицом в цирке. И когда Мэтью вышел из-за кулис и увидел вокруг себя море лиц, то от чувства собственного достоинства его плечи расправились, а грудь выпятилась вперед сама собой. Теодозия же, подсматривающая за ним через щель в занавесе, сияла от гордости и молила Бога, чтобы швы на бриджах Блоссоба не разошлись до конца представления.

А в это время Доктор, осмотрев Нино, окончательно убедился, что она не сможет выступать в этот день. Единственное, чем он мог ей помочь, он сделал — дал ей две большие таблетки из своей черной аптечки. Через пятнадцать минут в конюшню вернулся Блоссом, переодевшийся в вязаную фуфайку и фланелевые брюки.

— Нино не сможет сегодня выйти на манеж, мистер Блоссом, — сказал Доктор. — Она поправится в лучшем случае через неделю, но никак не раньше.

— Ну всё! — всплеснул руками директор. — Мы погибли — просто погибли! Этот скандал в Стоубери попал в газеты, и если мы провалимся и здесь, — с цирком будет покончено! Публика непременно начнет требовать свои деньги обратно. Самое ужасное, что мне нечем заменить этот номер — совер-

шенно нечем! Черт возьми! Первый раз в жизни меня так преследуют неудачи!

Бедный Блоссом был в полном отчаянии. Доктор взглянул на него и задумался. Но тут из соседнего стойла послышалось тихое ржание. Это подал голос Беппо, старый ветеран. Услышав приветствие своего друга, Джон Дулитл улыбнулся.

— Послушайте, мистер Блоссом, — тихо сказал он. — Я думаю, что смогу вам помочь, только вы должны обещать мне, что сделаете то, о чем я вас попрошу. Я знаю о животных намного больше, чем вы думаете. Большую часть своей жизни я посвятил их изучению. Вы пишете в афишах, что Нино понимает вас и умеет отвечать на вопросы. Но ведь мы с вами знаем, что это, мягко говоря, неправда, ведь так? Вы просто подаете ей определенные сигналы, а публика принимает это за чистую монету. Сейчас я расскажу вам свой секрет, которым я никогда ни перед кем не хвастался. Хотя даже если бы я это и сделал, мне бы вряд ли поверили. Я могу разговаривать с лошадьми на их собственном языке и понимаю, что они мне отвечают.

Все время, пока Доктор это говорил, Блоссом стоял, мрачно уставившись в пол. Но услышав его последние слова, он поднял глаза на Джона Дулитла и нахмурился.

— Вы что, с ума сошли? — спросил он. — Говорить с животными на их языке! Я работаю в цирке уже тридцать семь лет, имею дело с животными с тех пор, как был мальчишкой на побегушках. И ни разу не слышал, чтобы человек мог с ними разговаривать! И у вас хватает наглости рассказывать эти небылицы мне — самому Александру Блоссому!

ГЛАВА 4

ЕЩЕ ОДНА ГОВОРЯЩАЯ ЛОШАДЬ

— Это не небылицы, — тихо сказал Доктор. — Я говорю вам правду. Но я вижу, что вы мне не поверите, пока я вам этого не докажу.

— Можете держать пари, что не поверю, — презрительно фыркнул Блоссом.

— В конюшне пять лошадей, не правда ли? И ни одна из них не видит, где я стою. А сейчас, если вы попросите меня задать какой-нибудь вопрос любой из них, я попробую вам сказать, что она ответит.

— Да вы просто сумасшедший! — воскликнул Блоссом. — У меня нет времени слушать ваши бредни.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Я хотел помочь вам, но если вы отказываетесь от моей помощи, говорить больше не о чем. — Он пожал плечами и отвернулся. В этот момент из большого шатра слышались аплодисменты.

— Спросите у Беппо, — сказал Блоссом, — номер загона, в котором он стоит.

Стойло Беппо было вторым от конца, и на его двери белой краской была написана большая цифра «два».

— Как вы хотите: чтобы он ответил мне на своем языке или просто отбил номер копытом? — спросил Доктор.

— Пусть он постучит по перегородке копытом, профессор, — насмешливо сказал Блоссом. — Я не знаком с лошадиной грамматикой и не смогу понять, жульничаете вы или нет.

— Хорошо, — ответил Доктор и издал носом несколько звуков, очень похожих на сопение. Мож-

но было подумать, что у него начался насморк, и он хочет высморкаться. Сразу же после этого из стойла номер два послышались два удара копытом.

От удивления Блоссом поднял брови, но потом пожал плечами:

— Подумаешь! Это могло быть и случайным совпадением. Конь мог сам задеть за перегородку. Спросите его — э... спросите его, сколько пуговиц на моем жилете — на том, в который одет сейчас ваш косоглазый помощник на манеже.

— Ладно, — сказал Доктор. И он снова засопел носом, а потом изобразил тихое ржание. Но на этот раз, обращаясь к Беппо, он забыл назвать его по имени. Все пять лошадей, конечно, прекрасно знали жилет директора. И каждая подумала, что Доктор спрашивает именно ее. Поэтому одновременно в каждом стойле прозвучало по шесть ударов. И даже бедная Нино, лежавшая на соломе с закрытыми глазами, вытянула заднюю ногу и слабо стукнула ею о дверь шесть раз. Глаза мистера Блоссом чуть не вылезли из орбит.

— А сейчас, — сказал Джон Дулитл, улыбнувшись, — чтобы вы не подумали, что и это простое совпадение, я попрошу Беппо взять зубами вон тот коврик, который висит у него на перегородке, и подбросить его в воздух.

Доктор произнес еще несколько слов на лошадином языке, и коврик, висевший до этого на перегородке Беппо, исчез. Сам Джон Дулитл при этом даже не пошевелился. Блоссом бросился в стойло номер два. Там он увидел, что старый Беппо подбрасывает и ловит коврик, как школьница, играющая со своим носовым платком.

— Ну, а теперь вы мне верите? — поинтересовался Доктор.

— Верю ли я вам? — закричал Блоссом. — Я верю, что вы младший брат самого дьявола! Но мне до этого нет никакого дела — вы тот человек, который мне нужен! Пойдемте скорее в костюмерную, подберем вам что-нибудь.

— Подождите минутку, — сказал Доктор. — Что вы хотите делать?

— Нарядить вас в подходящий костюм, конечно, — ответил Блоссом. — Вы же не откажетесь сделать для нас номер, правда? Почему бы вам не выступить с какой-нибудь другой лошадью вместо Нино? Разве вы не говорили, что хотите помочь мне?

— Да, говорил, — медленно ответил Доктор. — И я помогу вам, но только после того, как вы дадите мне одно обещание. Я сделаю из Беппо говорящего коня, если вы согласитесь на мои условия. Номер Нино в конце представления, так что у нас с вами еще есть полчаса, чтобы все обсудить.

— В этом нет никакой нужды! — воскликнул Блоссом. — Я готов пообещать вам все, что вы захотите! Господи, да если вы понимаете язык зверей, мы баснословно разбогатеем за один только сезон! Если бы я не видел собственными глазами, как вы с ними разговаривали, я бы ни за что в это не поверил! Вам нужно было давным-давно работать в цирке. Сейчас вы были бы уже миллионером, а не бедным сельским врачом! Пойдемте скорее, подберем для вас какой-нибудь костюм поярче. Вы же не можете выйти на манеж в этих мятых брюках. Публика ни за что не поверит, что вы хоть раз в жизни сидели на лошади!

Доктор с Блоссомом вышли из конюшни и направились в костюмерную. Там директор начал потрошить старые, много повидавшие на своем веку сундуки, вытряхивая их содержимое на пол. Пока он

перебирал яркие нарядные костюмы, Доктор перечислял ему все свои требования.

— Мистер Блоссом, — начал он, — с тех пор, как я работаю в вашем цирке, я заметил у вас некоторые вещи, которые не согласуются с моими представлениями о честной работе и гуманном отношении к животным. Я вам пытался уже об этом говорить, но каждый раз вы отказывались выслушать меня.

— Помилуйте, Доктор! — воскликнул Блоссом, вытаскивая из сундука пару красных персидских штанов. — Как вы можете так говорить? Разве я не выгнал по вашей просьбе Брауна и Фатиму?

— Вы расстались с ними, потому что у вас не было другого выхода, — возразил Доктор, — а не потому, что я вас попросил об этом. Я все время чувствовал себя ужасно неловко, работая в цирке, где очень многое строится на обмане. Но я не буду сейчас вдаваться во все подробности — у нас слишком мало времени. Для начала я хочу попросить вас о следующем: конь Беппо, который будет выступать в моем номере, слишком стар для работы. Он служит у вас тридцать пять лет. Я хочу, чтобы в награду за то, что он исполнит роль Говорящей Лошади, его отправили на пенсию. Он заслужил себе право провести остаток своих дней на покое и жить так, как он захочет.

— Я согласен, — сказал Блоссом. — А как вам нравится вот это? — И директор приложил к груди Доктора кавалерийский мундир. — Нет, он слишком узкий для вас! — воскликнул он. — Хотя ростом вас Бог не наградил, но по ширине вы не уступите любому верзиле!

— Следующее, чего я хочу, — продолжил Доктор, — это чтобы вы навели порядок в зверинце. Я

вам уже говорил, что клетки чистят редко, животным в них очень тесно и кормят их плохо.

— Хорошо, Док. Мы все сделаем — в пределах разумного, конечно. Вы напишете свод правил для зрителя зверинца и будете сами следить за тем, как он их выполняет. А что вы скажете, если мы сделаем из вас американского ковбоя?

— Нет, я не хочу быть ковбоем, — сказал Доктор. — Они безобразно относятся к своим коровам. Кроме того, я не одобряю эту дурацкую привычку нахлобучивать шляпу на глаза своей лошади, чтобы она вставала на дыбы и брыкалась. И наконец, я бы хотел, чтобы время от времени в цирке проводились небольшие реформы, улучшающие жизнь зверей. Я надеюсь, что вы разумно отнесетесь к моим предложениям, и тогда мы с вами будем вместе работать. Что вы на это скажете?

— Я скажу, что согласен, Док, — ответил Блоссом. — Стоит нам только начать — и мы прославимся на весь мир! Если вы пробудете у меня хотя бы год, все остальные цирки померкнут по сравнению с моим! Они покажутся публике двухгрошовыми балаганами! А вот как раз то, что нам нужно: кавалерийская форма двадцать первого гусарского полка. Ваш размер. С медалями и со всем остальным. Думаю, она будет вам к лицу!

На этот раз Блоссом примерил Доктору алый гусарский мундир. Теперь директор сиял от удовольствия.

— Клянусь, здесь никто не видел ничего подобного! — захихикал он. — Мы заставим говорить о себе весь город! А вот эти сапоги вам подойдут?

— Сейчас посмотрим, — ответил Доктор, забирая у Блоссом парочку роскошных военных сапог для верховой езды. Он сел и начал расшнуровывать свои

ботинки. В этот момент дверь открылась, и в костюмерную вошел мальчик — подручный конюха.

— Джо, ты как раз вовремя, — воскликнул Блоссом. — Беги скорее на конюшню и почисти скребницей Беппо. Он будет выступать вместо Нино.

— Беппо? — переспросил мальчик, не поверив своим ушам.

— Да, именно то, что я сказал — Беппо, тупица! — закричал Блоссом. — Надень ему зеленую уздечку с белыми розочками и вплети в хвост красную ленту. Да поторопись!

Когда парнишка исчез, в костюмерной появился клоун Хоп со своим Свистком. Он хотел немного отдохнуть в перерыве между номерами. В это время Доктор в щегольских военных бриджах и ботфортах застегивал воротничок своего алого мундира.

— Как там справляется мой косоглазый дублер? — поинтересовался у клоуна Блоссом.

— Хозяин, он просто чудо! — опускаясь в кресло, воскликнул Хоп. — Прирожденный ведущий. Ручаюсь, вы никогда не слышали такого голоса. А как у него подвешен язык! Стоит кому-нибудь из артистов ошибиться — у него тут же готова шутка, он острит без остановок направо и налево. Я бы вам не посоветовал надолго оставлять его с публикой, хозяин, — не успеете оглянуться, как он отберет у вас все ваши лавры. Дамы от него просто без ума. А кто этот господин в военной форме? Ба, да это же наш Доктор! Что это он собирается делать?

В этот момент в костюмерную ворвался еще один мальчишка.

— Мистер Блоссом! До последнего номера осталось всего десять минут! — выпалил он.

*В костюмерной появился
клоун Хоп со своим Свистком.*

— Вот и отлично, — потирая руки, сказал директор. — Будем выступать. Возьмите вашу портупею, Доктор. Как настроена публика, Фрэнк?

— Превосходно! Такого успеха в этом году у нас еще не было. Зал забит до отказа, зрители даже стоят в проходах. В последнюю минуту пришлось впустить всю среднюю школу. А вечером к нам собирается прийти Дом ветеранов в полном составе!

ГЛАВА 5

ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГОВОРЯЩЕЙ ЛОШАДИ

За кулисами «Величайшего Цирка на Земле» царило необычайное оживление. Когда клоун Хоп открыл дверь костюмерной, чтобы выйти на манеж, из зрительного зала донеслись радостные возгласы, отдельные хлопки и аплодисменты публики.

— Послушай, Хоп, — сказал Блоссом клоуну, — когда выйдешь на арену, шепни Маггу, что Нино все-таки будет выступать — вернее, не она, а ее замена. А Доктор будет дрессировщиком. Пусть он их представит так, как это всегда делаю я. Пусть расхвалит их, не жалея красок.

— Хорошо, хозяин, — ответил Хоп, ухмыльнувшись. — Странно только, что у вас не нашлось лошади покрасивее Беппо.

До номера Говорящей Лошади оставалось всего две минуты. И вдруг один из эполетов Доктора оторвался. Кто-то сбегал за Теодозией, и она, с безумной скоростью орудуя иглой, пришила эполет на место. После этого полностью экипированный в свой яркий и великолепный костюм Джон Дулитл побежал искать Беппо. Тот уже дожидался Доктора за кулисами, прямо перед выходом на манеж. Рядом с ним стоял Фрэнк и держал его за уздечку.

Бедный конь выглядел совсем не так нарядно, как Доктор. За ним столько лет не ухаживали и так редко скоблили, что один-единственный раз ничего не исправил. Его длинная шерсть свалаялась, а

спутанная грива казалась совсем неухоженной. Несмотря на зеленую с белыми розочками упряжь и красную ленту в заплетенном хвосте, он выглядел тем, кем на самом деле и был: старым-престарым трудягой, который честно работал много-премного лет и не заработал себе ни почестей, ни благодарности.

— Ну и ну, Беппо, — шепнул Доктор на ухо коню, забирая у Фрэнка уздечку. — Публика подумает, что ты собрался на похороны. Ну-ка, приободришься! Подними голову повыше — вот так. А теперь раздуй ноздри. Ну вот — совсем другое дело!

— Знаете, Доктор, — сказал Беппо, — вы мне, наверное, не поверите, но я происхожу из очень знатного рода. Моя мать рассказывала мне, что ее родословная восходит к боевому скакуну самого Юлия Цезаря. Именно на нем он объезжал свою гвардию. Моя мать очень гордилась этим. На скачках она всегда завоевывала первые призы. Но потом тяжеловесные боевые скакуны вышли из моды, и их заставили работать тягловыми лошадьми. Вот так мы и опустились — теперь наши прошлые боевые подвиги мало кого интересуют. Но может, мы с вами немного порепетируем? Я понятия не имею, что мне нужно будет делать на сцене.

— Нет, у нас совсем нет времени, — сказал Доктор. — Наш выход могут объявить в любую минуту. Не бойся, мы справимся. Просто делай все, что я тебе скажу. Или то, что придумаешь сам. Посмотри, ты опять повесил голову. Ну-ка, вспомни своего великого предка! Выше голову — вот так. Теперь выгни шею и сделай так, чтобы твои глаза сверкали. Представь, что ты несешь у себя на спине

императора, который завоевал весь мир. Отлично! Теперь ты выглядишь просто великолепно!

В это время на арене циркового шатра мистер Мэтью Магг, хозяин манежа на один день, вел «Величайшее Представление на Земле» с мастерством, которое делало ему честь. Продавец Кошачьей Еды блистал необычайным красноречием — настал звездный час всей его жизни и упускать его он не собирался.

В перерыве между номерами братьев Пинто и Геркулеса на манеж выскочил клоун Хоп и начал снова веселить детей своими ужимками. Потихоньку подобравшись поближе к Мэтью, он перекувырнулся прямо у него под носом и шепнул:

— Вместо Нино выступит другая лошадь с Доктором в роли дрессировщика. Хозяин велел тебе представить ее, как Нино.

— Хорошо, — шепнул в ответ Мэтью. — Я понял.

И когда танцующий слон Жо-Жо раскланивался под бурю аплодисментов, инспектор манежа сам зашел за кулисы и вывел на арену исполнителей следующего, самого главного номера: старого коня и маленького толстячка в кавалерийской форме.

Увидев вокруг себя море глазющих лиц, старый Беппо на секунду испугался.

Мэтью жестом показал этой странной паре, чтобы они остановились у выхода. После этого он вышел на середину манежа и королевским взмахом руки заставил замолчать хриплый оркестр, который все еще доигрывал последние аккорды танца Жо-Жо. Когда стало совсем тихо, он оглядел аудиторию и набрал в легкие побольше воздуха для своей последней, самой внушительной речи.

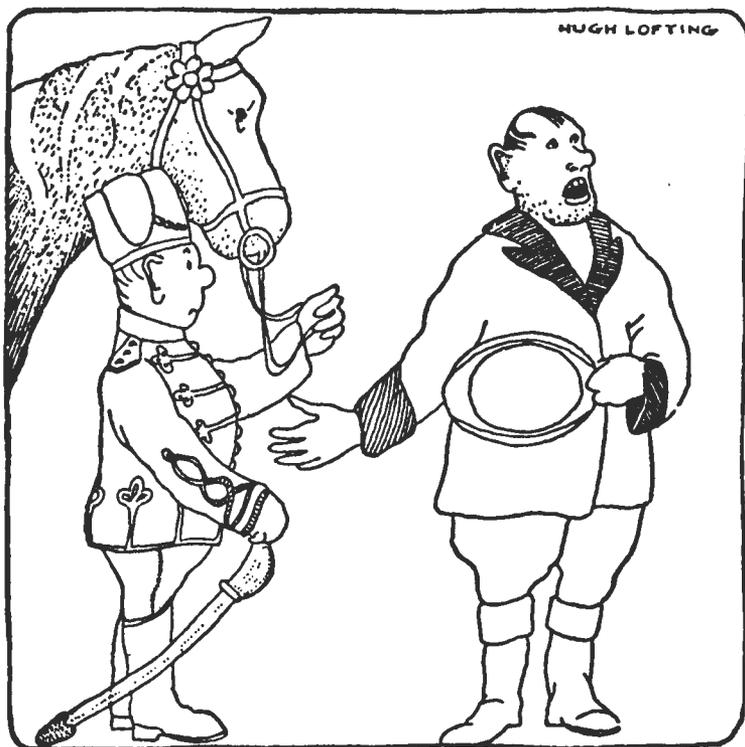
— Дамы и господа! — проревел инспектор манежа Мэтью Магг. — Сейчас вы увидите последний и самый главный номер нашей самой длинной и самой блестящей программы. Я уверен, что вы слышали о знаменитой на весь мир Говорящей Лошади Нино и ее доблестном хозяине, лихом казаке, кавалерийском офицере, капитане Николае Пафтапском! Сейчас они перед вами, дамы и господа. Вы имеете возможность лицезреть их, так сказать, живьем. Короли и королевы проделывали кругосветные путешествия, чтобы взглянуть на этот номер! Только два месяца назад, когда мы выступали в Монте-Карло, самому премьер-министру Англии не хватило места в нашем зале — и, сами понимаете, нам пришлось дать ему от ворот поворот. Нино, дамы и господа, — очень стара. Она родилась в степях Сибири. Ее теперешний владелец, майор Пафтапский, купил ее у татарских племен.

С тех пор она участвовала в пятнадцати войнах, что, как вы видите, и сказалось на ее внешнем виде. Полковник Пафтапский, раненый в руку, выгонял из Москвы Наполеона и спасал Россию от железной пяты Бонапарта. На груди бригадира красуются три медали. Одной из них его наградила русский царь за этот храбрый подвиг.

— Перестань сейчас же болтать этот вздор, Мэтью, — сконфуженно прошептал Доктор, подходя к ведущему. — Совсем не нужно...

Но красноречие Мэтью Магга остановить было невозможно. Громовым голосом он продолжал вещать:

— Ну, довольно о военной карьере этой замечательной лошади и ее храброго хозяина. Генерал Пафтапский, дамы и господа, — очень скромный

— Это полковник Пафтупский, который выгнал из Москвы Наполеона и спасал Россию от железной пяты Бонапарта, — объявил инспектор манежа.

человек, и он запрещает мне говорить об остальных своих медалях, которыми его наградили шведский король и императрица Китая. Сейчас, с вашего позволения, я перейду к необыкновенному уму животного, которое стоит перед вами. Выгнав Наполеона из России, граф Пафтапский возвращался к себе домой. И тут его вместе со знаменитой лошадью Нино взяли в плен французы. За те два года, которые Нино и ее хозяин провели в плену, они так подружились, что стали понимать друг друга точно так же, как я понимаю вас, а вы — меня. Если вы мне не верите, то убедитесь сами. Все, что вам нужно сделать, — это только задать Нино какой-нибудь вопрос через ее хозяина — и она вам на него ответит. Если, конечно, ответ вообще существует в природе. Фельдмаршал, дамы и господа, говорит на всех языках мира, кроме японского, конечно. Так что если среди уважаемой публики есть японцы или японки, им придется перевести свой вопрос сначала на какой-нибудь другой язык. Сейчас маршал Пафтапский продемонстрирует вам несколько трюков, и вы увидите сами, на что способна его чудесная лошадь. Дамы и господа! Я имел удовольствие представить вам эрцгерцога, главнокомандующего русской армией Николая Пафтапского и его боевую лошадь — единственную и неповторимую, знаменитую на весь мир Нино.

Оркестр заиграл марш, и Доктор с Беппо вышли на середину манежа и поклонились. Публика встретила их шквалом аплодисментов.

Это было странное представление, единственное в своем роде из всех, какие когда-нибудь проходили в цирке. Даже уже выйдя на манеж, ни Доктор, ни Беппо точно не знали, что они будут делать. Но старый ветеран понимал, что от этого выступления

зависит его свобода. И он старался изо всех сил. Правда, иногда он забывал о своем знатном происхождении и снова превращался в усталого и измученного долголетней работой коня. Но в целом, как сказал потом клоун Хоп, Беппо выглядел на манеже намного лучше, чем все ожидали. А что касается публики, то еще ни одно животное, когда-либо выступавшее в цирке Блоссомы, не пользовалось у нее таким успехом, как этот старый конь.

Исполнив несколько трюков, полковник Пафтапский повернулся к зрителям и предложил им задать его лошади какой-нибудь вопрос. (Надо заметить, что для «казака и офицера русской армии» он говорил по-английски просто превосходно.) Тут же маленький мальчик в первом ряду закричал:

— Попросите ее подойти ко мне и снять с меня шапку!

Доктор подал Беппо знак, и тот пошел прямо к мальчугану, стянул кепку с его головы и вручил ее владельцу. После этого со всех сторон посыпались бесчисленные вопросы, и на каждый из них Беппо обязательно отвечал. Иногда он это делал, постукивая копытом об пол, иногда мотая головой, а иногда просто тихо ржал. В этом случае Доктор переводил его ответ публике. Зрителям это так понравилось, что Блоссому, подсматривавшему за представлением сквозь щелку в занавесе, начало казаться, что им никогда не надоест задавать свои вопросы. И когда наконец доблестный Пафтапский увел свою лошадь с арены, публика еще долго аплодировала, кричала «браво» и требовала их на бис.

Молва о необычайном успехе первого циркового представления и чудесной Говорящей Лошади мо-

ментально разлетелась по всему городу. И задолго до начала вечернего представления у большого шатра выстроилась огромная очередь в четыре ряда — все боялись, что им не хватит места, когда представление начнется. Остальные палатки и балаганы были тоже забиты до отказа. В этот вечер посетителей в цирке Блоссомо было так много, что все, кто пришел чуть позже, уже не смогли протиснуться сквозь толпу, чтобы подойти к большому шатру.

ГЛАВА 6

БЕППО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Потраченные на покупку шести змей деньги, из-за которых так переживала бедная Даб-Даб, вскоре снова были восполнены в копилке Джона Дулитла. И хотя домохозяйка все время ворчала на Доктора за то, что он поселил в ее лучшей баночке этих нечистоплотных извивающихся тварей, она не могла не признать, что они не требовали больших расходов. Цирк пользовался в Бриджтоне таким успехом, что коробка, стоявшая при входе в балаган «Двухголового зверя из джунглей Африки», наполнялась шестипенсовыми монетами с удивительной быстротой. И скоро Гу-Гу предсказал, что их рекорд, установленный в Эшби, будет легко побит.

— Я считаю, Доктор, — сказал он, наклонив набок голову и закрыв левый глаз, — что до конца недели мы легко наберем шестнадцать фунтов. Это если не считать, что в базарный день и в субботу к нам придет еще больше народу.

— Скажи спасибо Доктору, — добавил Джип. — Если бы не его номер с Беппо, наделавший столько шуму в городе, посетителей было бы в два раза меньше.

В первый же после премьеры вечер Блоссом прибежал к Доктору и начал упрашивать его, чтобы он продолжал выступать с Беппо всю неделю, пока цирк стоит в Бриджтоне.

— Но послушайте, — удивился Доктор. — Я обещал Беппо, что его отправят на пенсию сразу же после нашего выступления. Ведь я просил его

выручить вас только один раз. Я не знаю, как скоро выздоровеет Нино, но я ничего не говорил Беппо о том, что он будет выступать всю неделю. Я считал, что когда у вас появится время, вы что-нибудь придумаете и замените наш номер каким-нибудь другим.

— Боже праведный, Доктор! — воскликнул Блоссом. — Кем же я могу вас заменить? Если бы я думал целый год, я бы все равно ничего не придумал! Ничего подобного не существовало с тех пор, как был изобретен цирк! О вас говорит весь город и даже все окрестности. Я слышал, что люди едут сюда аж из самого Уитлторпа, чтобы посмотреть ваш номер. Послушайте, попросите Беппо сделать нам одолжение — ведь ему это совсем не трудно. Пусть он скажет одно только слово — и мы исполним любое его желание. Он будет есть аспарагусы на завтрак, спать на пуховой перине — он получит все что угодно, только уговорите его! Сейчас мы зарабатываем до пятнадцати фунтов в день! Клянусь, никогда еще мои дела не шли так превосходно. Если так и будет продолжаться, мы скоро разбогатеем и сможем выйти из игры!

Помедлив, прежде чем ответить, Доктор взглянул на Блоссому. В его взгляде светилось что-то очень похожее на презрение.

— Да, — сказал он печально. — Теперь вы будете хорошо обращаться со своим старым слугой, не так ли? Теперь, когда он приносит вам столько денег. Тридцать пять лет он работал на вас и не получал никакой благодарности. За все это время его даже ни разу не расчесали! Вы давали ему только сена да желудей в обрез — ровно столько, чтобы он не умер с голоду. А сейчас вы готовы

исполнить любое его желание! Это все деньги! Что они делают с людьми! Проклятые деньги!

— Да что вы, Доктор, разве я не стараюсь загладить свою вину? — возразил Блоссом. — Ну, подумайте, что стоит этому вашему коню отвечать на вопросы и выделывать всякие штуки? Пойдите и поговорите с ним, Доктор! Ну и дела, двадцать четыре часа назад я и не подозревал, что на свете бывают говорящие лошади, а сейчас прошу вас пойти и поговорить с конем.

— Как бы мне хотелось, — сказал Доктор, — чтобы вы оказались на его месте, и вас бы заставили работать тридцать пять лет, чтобы в награду за это вы получали только хлеб с водой и множество побоев и унижений. Единственное, чего я не стал бы делать, — так это бить вас хлыстом. Хорошо, я передам вашу просьбу Беппо; посмотрим, что он скажет. Но запомните: последнее слово — за ним. Если он откажется, я заставлю вас выполнить ваше обещание — Беппо будет предоставлен уютный дом и хорошее пастбище, на котором он проведет остаток своих дней. Я очень надеюсь, что он скажет «нет».

Доктор повернулся на каблуках и вышел из вагончика директора.

— Бедный старый Беппо, — бормотал он, направляясь к конюшне. — Его предок носил на своей спине самого Юлия Цезаря, когда тот объезжал свою гвардию! Он слышал, как легионеры приветствуют покорителя мира, сидящего на нем верхом! Бедный старый Беппо!

В конюшне Доктор увидел, что конь понуро стоит у окна и смотрит на зеленые поля, простирающиеся за забором цирка.

— Это вы, Джон Дулитл? — спросил он, когда Доктор открыл дверь. — Вы пришли, чтобы наконец забрать меня отсюда?

— Беппо, — сказал Джон Дулитл, положив руку на тощую и костлявую спину своего старого друга. — Кажется, ты стал великим человеком — то есть, я хотел сказать, великим конем.

— Как это, Доктор? Я не понимаю.

— Ты стал знаменитым, Беппо. Все-таки наш мир очень странно устроен. И самые странные животные в нем — это мы, люди. После того, как ты прослужил у него тридцать пять лет, мистер Блоссом вдруг обнаружил, какой ты умный и ценный.

— В каком это смысле — ценный?

— Потому что ты умеешь говорить.

— Но я всегда умел говорить, — удивился Беппо.

— Да. Но об этом знал только я один. Пока мы не продемонстрировали твое умение разговаривать публически, мистер Блоссом и все остальные даже не догадывались об этом. Ты произвел настоящую сенсацию прямо накануне своей отставки. И сейчас они не хотят отправлять тебя на пенсию. Они хотят, чтобы ты продолжал быть необыкновенной Говорящей Лошадью — хотя ты и так был ею всю свою жизнь.

— Как это все нелепо, правда, Доктор?

— Да, это действительно очень нелепо. Но ты вдруг стал таким ценным, что Блоссом готов кормить тебя аспарагусами на завтрак и приставить к тебе двух лакеев: один будет расчесывать твою шерсть, а другой завивать твою гриву. Но за это ты должен остаться у него в цирке до конца недели и выступать в номере Говорящей Лошади.

— Гм. Вот, оказывается, что это значит — прославиться. Но лучше бы меня отпустили пастись на какое-нибудь большое и хорошее поле.

— Хорошо, Беппо. Сейчас, наконец, ты можешь поступить так, как захочешь сам — после того как тобой тридцать пять лет распоряжались другие. Если ты не хочешь больше выступать, так и скажи. Я заставлю Блоссому выполнить свое обещание. Тебя отправят на пенсию сегодня же.

— А что вы сами мне посоветуете, Доктор?

— Я думаю, что если мы уступим Блоссому сейчас, потом от него будет легче получить то, чего хотим мы. Понимаешь, ведь у Блоссомы нет своей собственной фермы и ему придется искать фермера, который бы ухаживал за тобой и выпускал на свое пастбище. Кроме того, если ты согласишься, он будет лучше относиться ко мне и к моим идеям — ведь я хочу помочь и другим животным.

— Хорошо, Доктор, — сказал Беппо. — Тогда я согласен. Я буду с вами выступать.

Когда Доктор сказал Блоссому, что Беппо согласился, директор чуть не запрыгал от радости. Кажалось, в целом свете не было человека счастливее его. Он тут же приказал напечатать и раздать жителям Бриджтона маленькие афишки. В них говорилось, что знаменитая во всем мире Говорящая Лошадь Нино будет выступать в городе еще четыре дня, и тому, кто не хочет упустить единственный в своей жизни шанс взглянуть на нее, лучше поспешить в «Величайший Цирк на Земле». Эти же афишки разослали во все соседние города.

Для Беппо устроили специальное шествие по улицам Бриджтона, и Доктор испытывал невероятное смущение, когда горожане, показывая на него пальцем, шепотом сообщали друг другу, что это сам эрцгерцог Пафтапский, хозяин и дрессировщик знаменитого коня. Однако Блоссому этот нелепый титул, которым наградил Доктора Мэтью, так по-

*Жителям Бриджтона раздавали
маленькие афишки.*

нравился, что он ни за что не соглашался, чтобы Джон Дулитл расстался с ним.

Во вторник, среду и четверг в кассе была собрана рекордная за всю историю цирка выручка. Первый раз в жизни директору пришлось отгонять от ворот желающих попасть в его заведение. На территории циркового городка было уже так много народу, что он боялся впускать туда кого-либо еще. Полиция Бриджтона бросила все свои силы на поддержание порядка в толпе, окружившей «Величайший Цирк на Земле». Ничто так не способствует успеху, как сам успех. Как только по городу разнесся слух, что цирк уже не может вместить всех желающих, количество людей, толпящихся за воротами и требующих, чтобы их впустили, увеличилось чуть ли не в два раза. И еще долгое время спустя все артисты вспоминали Бриджтонскую неделю как самый выдающийся период в истории своего цирка.

ГЛАВА 7

ИДЕАЛЬНОЕ ПАСТБИЩЕ

А в это время Джон Дулитл заставлял Блоссома выполнять остальные свои обещания. Вскоре после начала гастролей в Бриджтоне заболел слон Жо-Жо. Из-за того, что его держали в ужасно сыром и грязном вольере, с ним случился острый приступ ревматизма.

Бедное животное мучили очень сильные боли, и он попросил Джипа сбежать за Доктором. Осмотрев слона, Джон Дулитл прописал ему массаж. Он послал за Блоссомом и сказал ему, что слону нужно купить бочонок специального дорогого бальзама. Случись это на несколько недель раньше, директор и не подумал бы нести такие расходы из-за какого-то одного больного зверя. Но сейчас, когда Джон Дулитл приносил его цирку столько денег, он готов был сделать все, чтобы угодить ему. Бальзам тотчас же принесли, и Доктор потребовал, чтобы ему помогали шестеро здоровых и сильных мужчин.

Оказалось, что сделать массаж слону — совсем не простое дело. В зверинце собралось множество народу, чтобы посмотреть, как шесть человек с Доктором во главе ползают по огромной туше и, обливаясь потом, тузят ее кулаками, чтобы втереть мазь получше.

Потом Доктор приказал построить для слона новый вольер со специальным деревянным полом, канализацией и всякими другими удобствами. И хотя все это стоило недешево, Блоссом вызвал плотников, и они соорудили новый дом для Жо-Жо всего

Осмотрев слона,
Доктор прописал ему массаж.

за три часа. Результат не заставил себя долго ждать — слон выздоровел очень быстро.

Но Джон Дулитл помог не одному только Жо-Жо. Вскоре он написал для зрителя зверинца свод правил, улучшающих положение всех остальных животных. И хотя зритель без конца бормотал себе под нос, что «из зоопарка сделали салон красоты», Блоссом дал ему понять, что немедленно его уволят, если он не будет выполнять распоряжения Доктора.

Бедная Нино все еще болела. Хотя ей стало немного лучше, она выздоравливала ужасно медленно. Доктор навещал ее два раза в день. Но Блоссом уже понял, что его номер с Нино никогда не сможет сравниться с номером Доктора. К тому же Беппо, несмотря на свой возраст и внешний вид, был намного умнее Нино.

Итак, неделя гастролей в Бриджтоне подходила к концу. Джон Дулитл договорился с Блоссомом, что после последнего выступления в субботу он заберет Беппо, и они вдвоем отправятся к одному фермеру, который согласился, чтобы конь жил у него на ферме и пасся на его лугу до конца своих дней. Фермер обещал директору, что будет два раза в неделю кормить старого коня желудями и белой редиской (деликатесом, который Беппо особенно любил). Доктор с Беппо решили сначала сходить посмотреть, что это за ферма. «Если она не понравится коню, — решил Джон Дулитл, — я заставлю Блоссом подыскать ему что-нибудь другое».

Наконец в субботу вечером, когда последнее представление закончилось и большой шатер сложили, Доктор с Беппо собрались в дорогу. Багаж коня состоял из одной только новой попоны, которая была на нем (эту попоны Блоссом купил ему в

качестве прощального подарка по настоянию Доктора). Сам же Доктор взял с собой свою маленькую черную сумочку и небольшой узелок, который он положил на спину Беппо. Держа коня за уздечку, Джон Дулитл стоял у ворот и дожидался Мэтью. Продавец Кошачьей Еды побежал за сэндвичами, которые приготовила для них Даб-Даб.

Вдруг Доктор увидел, что с другого конца циркового городка к ним бежит Блоссом. Директор был чем-то необычайно взволнован. За ним семенил шикарно одетый господин невысокого роста.

— Вы только послушайте, Док, — закричал Блоссом, добежав до Джона Дулитла, — какое предложение мне только что сделали! Никто еще не предлагал мне ничего подобного! Вон тот франт, который сюда идет, — директор Манчестерского Амфитеатра. Он приглашает мою труппу выступить у него через неделю. Такая удача нам и не снилась — ведь это самый большой театр в Англии! Но больше всего его интересует Беппо. Как вы думаете, сколько он нам будет платить? Ни за что не догадаетесь — сто фунтов в день! А может, еще больше, если...

— Нет, — решительно оборвал Доктор. — Может быть, Беппо осталось прожить не так уж много лет, но это время он проживет так, как хочет — на свободе и в спокойствии. Передайте вашему директору, что Беппо уходит на пенсию, сегодня он покидает цирк навсегда.

И не дождавшись сэндвичей, Доктор вывел коня за ворота, и они зашагали вниз по дороге.

Они ушли из города совсем недалеко, когда их догнал Гу-Гу.

— Доктор, — сказал он, — мне не терпится рассказать вам, сколько денег мы заработали.

— Сейчас, Гу-Гу, разговор о деньгах мне противен больше, чем когда бы то ни было, — ответил Доктор. — Мы с Беппо пытаемся убежать от самого запаха денег!

— Но вы только подумайте, — когда у вас есть деньги, вы можете делать все, что вам только захочется!

— В этом-то как раз и заключается дьявольская сила денег — во власти, которую они дают человеку. Именно поэтому они стали проклятием человечества!

— Даб-Даб попросила меня догнать вас и сообщить, сколько Тяни-Толкай заработал на этой неделе. Она думает, что если вы это узнаете, вы, может быть, захотите наконец вернуться в Падлби. Я только что подсчитал нашу выручку. Ну и непростая это была задачка, хочу вам сказать: мне пришлось вычитать долю Блоссомы и то, что мы задолжали торговцам. Представляете, мой прогноз не подтвердился: вместо шестнадцати фунтов мы получили двадцать шесть фунтов, тринадцать шиллингов и десять пенсов чистой прибыли!

— Гм, — пробормотал Доктор. — Это действительно много, но еще недостаточно для того, чтобы можно было уйти из цирка. Я думаю, мы еще не скоро вернемся в Падлби. Передай Даб-Даб, чтобы она хорошенько хранила эти деньги. А когда я вернусь, мы обо всем поговорим. Ты же знаешь — завтра я буду опять в цирке. До свиданья, Гу-Гу. Большое спасибо, что принес мне эти новости.

Адрес фермера, к которому они направлялись, лежал у Доктора в кармане. Представляете, как он удивился, когда, прибыв к месту назначения, обнаружил, что это та самая ферма, где живет его приятельница — старая рабочая лошадь!

Сколько же здесь было сердечных приветствий, расспросов и веселья! Доктор собрался было познать сияющую от радости старую лошадь с Беппо, как вдруг вспомнил, что не знает ее имени. Только теперь выяснилось, что ее зовут Тогл.

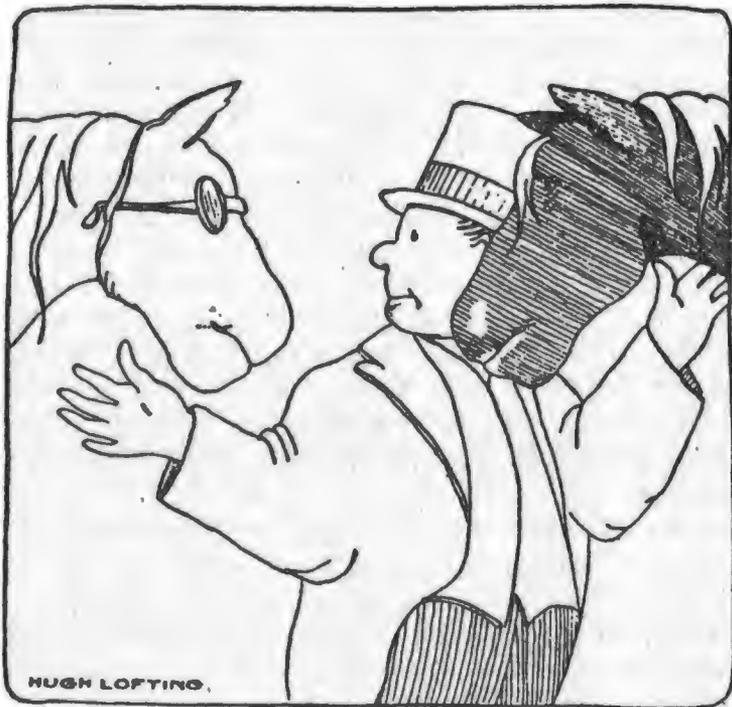
— Знаете, — сказала Тогл, когда церемония знакомства закончилась, — я ужасно рада, что мы встретились, но все-таки для Беппо было бы лучше, если бы Блоссом отправил его на другую ферму. Хотя мой хозяин сам по себе и неплохой парень, его пастбище оставляет желать много лучшего.

— Но мы и не обязаны оставаться здесь, — возразил Доктор. — Я сказал Блоссому, что если это место не понравится Беппо, он должен будет подыскать ему другое, более подходящее. А чем тебе не нравится твое пастбище? Здесь плохая трава?

— Да нет. С травой все в порядке. Правда, иногда в августе она бывает жестковатой, если лето дождливое, но в другое время трава очень сладкая. Дело в том, что само пастбище расположено очень неудачно. Оно находится на северо-восточном склоне. Солнце там появляется только в середине лета, а все остальное время года его загорживает холм. К тому же, здесь почти всегда дует северо-восточный ветер, и спрятаться от него практически нигде — кроме вон той изгороди, — но травы, которая растет рядом с ней, мне хватает совсем ненадолго.

— Скажи мне, Беппо, — попросил Доктор, поворачиваясь к старому ветерану, — в каком месте тебе бы хотелось жить?

— Место, о котором я всегда мечтал, такое, — сказал Беппо, окидывая взглядом окрестности. В его старых глазах светилась грусть. — Оно должно быть где-то холмистым, а где-то ровным. Я люблю пастись

*Старую рабочую лошадь, которую звали Тогол,
Доктор познакомил с Бенно.*

на склонах — трава там намного ближе к твоему носу. Зато после того, как находишься по холмам, отдохнуть на равнине так приятно! Там обязательно должны расти большие раскидистые деревья с толстыми стволами. Лошади обожают стоять под такими деревьями и размышлять после вкусного обеда. Там есть и рощица, где растут разные лечебные травы. Мы любим пощипать их иногда — особенно дикую мяту: она успокаивающе действует на желудок. Должна быть там и вода. Но не грязный маленький пруд, а чистый и веселый ручеек. Неподдалеку от него стоит какой-нибудь милый старый сарай с замшелой черепичной крышей. Она не пропускает дождь, поэтому пол в таком сарае всегда сухой. Само же пастбище разное: местами это сухой колючий дерн, а местами высокая сочная кормовая трава. В ней попадаются лютики и другие душистые полевые цветы. На вершине самого высокого холма стоит хороший твердый столб. Об него так приятно почесать себе шею, глядя на закат солнца! Знаете, Доктор, это мое любимое занятие — любоваться закатом и при этом почесывать себе шею. Кроме того, мне бы хотелось, чтобы это пастбище было огорожено забором от кусачих собак и назойливых людей. Пусть там царят тишина и спокойствие. Вот в таком месте я бы с удовольствием провел свою старость.

— Гм,— хмыкнул Доктор, когда Беп по закончил. — Все это и в самом деле звучит очень соблазнительно. Я и сам был бы не прочь провести в таком месте свою старость. Только, пожалуй, кроме столба для почесывания мне понадобится еще кое-что из мебели. Тогл, ты знаешь какое-нибудь пастбище, похожее на то, которое описал Беппо?

— Представляете, Доктор, я действительно знаю такое место! — воскликнула Тогл. — Пойдемте, я вам его покажу.

И она повела их на вершину холма. Когда они спустились вниз с другой стороны (она была южная, и там ярко светило солнце), то наткнулись на забор, огораживающий соседнюю ферму. И за этим забором простирался самый восхитительный луг, какой друзьям когда-либо приходилось видеть. Можно было подумать, что какая-то сказочная фея исполнила желание Беппо и создала для него в точности такое пристанище, о котором он мечтал: там было несколько старых раскидистых вязов; небольшая рощица и сверкающий на солнце ручеек; уютный маленький сарай в лощине; а на самой вершине холма, прямо на фоне пылающего заката, стоял тот самый столб, о который Беппо мог почесать себе шею.

— Вот оно, Доктор, — еле слышно выдохнул Беппо. — Вот о таком уголке я всегда мечтал. Ни одна лошадь не отказалась бы провести здесь свою старость.

— Это просто невероятно, — произнес Доктор, не меньше коня пораженный красотой открывшегося им пейзажа. — Да, у этого места есть своя, ни с чем не сравнимая прелесть! Эта земля принадлежит твоему хозяину, Тогл?

— Нет, — ответил старая лошадь. — Я сама несколько раз пыталась пасть здесь, даже перелезала через забор, но меня всегда выгоняли. Этот луг принадлежит фермеру, который живет вон в том маленьком домике с красной крышей. Видите, он стоит там внизу?

— Понятно, — сказал Доктор. — Интересно, сколько может стоить этот участок земли?

— Думаю, что немного, — ответила Тогл. — Хотя он и большой, его хозяин не выращивает на нем ничего, кроме кормовой травы.

— Но, Доктор! — удивился Беппо. — Зачем вам его покупать? Я думал, что за мое содержание будет платить Блоссом.

— Да, это так. Но Блоссом согласился платить фермеру только за то, что ты будешь у него жить и пастись на его пастбище. У меня есть другая идея. Я всегда мечтал создать пансионат для Отслуживших Тягловых Лошадей. Это место — просто идеальный приют для престарелых лошадей, и если бы я мог, я бы обязательно купил его.

— Какая великолепная идея! — воскликнули оба коня одновременно. — Но разве у вас хватит на это денег? — спросил Беппо. — Джип часто говорил мне, что вы бедны, как церковная мышь.

— Ну да, в общем-то он прав, — согласился Доктор. — Деньги у меня действительно никогда не задерживаются. Но ты же сам слышал, как Гу-Гу говорил мне, что сейчас у нас есть целых двадцать шесть фунтов. Конечно, я много должен моряку, но ведь ему эти деньги нужны не так срочно, как вам. Я знаю это наверняка, потому что посылал к нему пернатого гонца. Думаю, мы еще успеем заработать, чтобы вернуть ему долг. Конечно, на двадцать шесть фунтов такой большой кусок земли не купишь, но может быть, фермер разрешит мне заплатить сначала хотя бы эту сумму, а остальное я буду выплачивать ему в рассрочку каждый год. Если он согласится, пастбище будет принадлежать вам, и никто уже не сможет его у вас отобрать, — если я, конечно, не перестану платить. А сейчас подождите меня здесь, я попробую договориться с хозяином.

И оставив своих друзей у ворот, Джон Дулитл направился через луг к маленькому домику с красной крышей, на который ему показала Тогл.

ГЛАВА 8

ОБЩЕСТВО ОТСЛУЖИВШИХ ТЯГЛОВЫХ ЛОШАДЕЙ

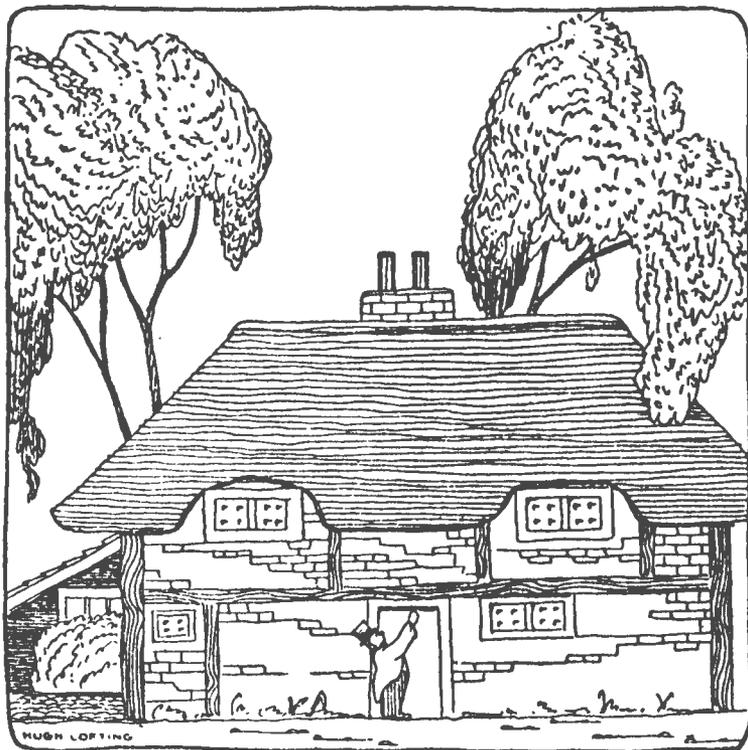
В тот момент, когда Джон Дулитл постучал в дверь маленького домика, его хозяин, владелец «идеального пастбища», сидел у себя в гостиной за столом и разговаривал со своим соседом, хозяином Тогл. Ему ужасно были нужны двадцать шесть фунтов, чтобы купить семена картофеля, и он просил соседа одолжить ему денег, но тот сам едва сводил концы с концами, поэтому, все время извиняясь, он объяснял своему другу, что ничем не может ему помочь. Вот эту беседу и прервало появление Джона Дулитла.

Хозяин оказался очень гостеприимным человеком. Он пригласил Доктора в дом и усадил за стол рядом с другим гостем. Его жена тут же принесла кружки с ароматным сидром. Описав фермеру участок земли, который показала ему Тогл, Доктор спросил, не продается ли он. И так как фермер очень редко сажал что-нибудь на этом лугу, он сразу же сказал «да».

— Сколько вы за него хотите? — спросил Доктор.

— Сто двадцать пять фунтов, — ответил фермер.

— Я согласен, — сказал Доктор. — Но сейчас у меня есть только двадцать шесть фунтов. Предположим, я дам вам сейчас эти деньги, а остальное буду выплачивать в рассрочку. Каждые полгода вы будете получать от меня двадцать фунтов. Что вы на это скажете?

*Доктор постучал в дверь
маленького домика.*

Фермер, которому очень нужны были деньги на семена, хотел было сразу согласиться, но тут в разговор вмешался его сосед.

— А на что тебе эта земля? — подозрительно спросил он. — Мы тебя, парень, первый раз видим. Уж не хочешь ли ты соорудить здесь какую-нибудь пакость вроде фабрики по производству клея, а?

— О нет, нет, что вы! — поспешил заверить его Доктор. — Я хочу превратить это место в приют для престарелых лошадей. Это будет обыкновенное пастбище, я почти ничего не собираюсь там менять.

Тут оба фермера подумали, что перед ними сидит сумасшедший. Но так как и он сам, и его план показались им довольно-таки безобидными, они решили, что большого вреда от него не будет, и согласились продать землю.

— Кстати, — вдруг вспомнил Доктор, снова обращаясь к хозяину Тогл. — У вас работает одна моя приятельница, старая лошадь; она носит очки, которые я подарил ей несколько лет назад, когда мы жили в Падлби.

— Ну да. Есть у меня такая — Тогл. Странная скотина — ни разу еще я не видал ее без этих очков. Только в них и ходит. А что с ней?

— Понимаете, она уже слишком стара, чтобы работать. Я знаю, что вы жалеете ее и большую часть времени она отдыхает. Не могли бы вы совсем освободить ее от работ и разрешить пастись на лугу, который я покупаю, вместе с другим конем?

— Да пусть пасется, мне-то что, — согласился фермер. — Одного только я в толк не возьму — откуда это тебе все известно о моей скотине?

— Видите ли, — замялся Доктор, — я умею угадывать, чего хотят лошади. Как вам сказать... Я ученый.

— Видали мы таких ученых, — захихикал фермер, подмигнув своему соседу.

Наконец после обсуждения всех деталей сделка состоялась. Было решено, что если Доктор выполнит свои обещания, земля будет принадлежать ему.

— Не мне, — поправил Джон Дулитл, поднимаясь из-за стола, чтобы попрощаться. — Земля будет принадлежать Обществу Престарелых Лошадей. Я отдаю ее самим лошадям.

Спросив у хозяина, где можно найти плотника, Доктор ушел. И когда спустя полчаса оба фермера проходили мимо только что купленного Джоном Дулитлом луга, они увидели, как странный ученый вместе с плотником устанавливают огромную доску, на которой большими буквами было написано:

«ФЕРМА-ПАНСИОНАТ.
ЭТА ЗЕМЛЯ ПРИНАДЛЕЖИТ
ОБЩЕСТВУ ОТСЛУЖИВШИХ ТЯГОВЫХ ЛОШАДЕЙ.
ПОСТОРОННИМ И ЗЛЫМ СОБАКАМ
ВХОД СТРОГО ЗАПРЕЩЕН.

(Подписано от имени Комитета
Президентом Беппо
и вице-президентом Тогл.)

Примечание. Вступить в Общество может каждая отслужившая лошадь бесплатно. О приеме спрашивать у ворот».

Проводив двух первых членов Общества в их новые владения, Джон Дулитл распрощался с ними и отправился обратно в цирк.

Когда он шел по дороге, то несколько раз оглянулся, чтобы посмотреть, как два старых ветерана,

словно молодые, резвятся на своем новом восхитительном пастбище. От этого зрелища на сердце у Доктора потеплело, и он заулыбался.

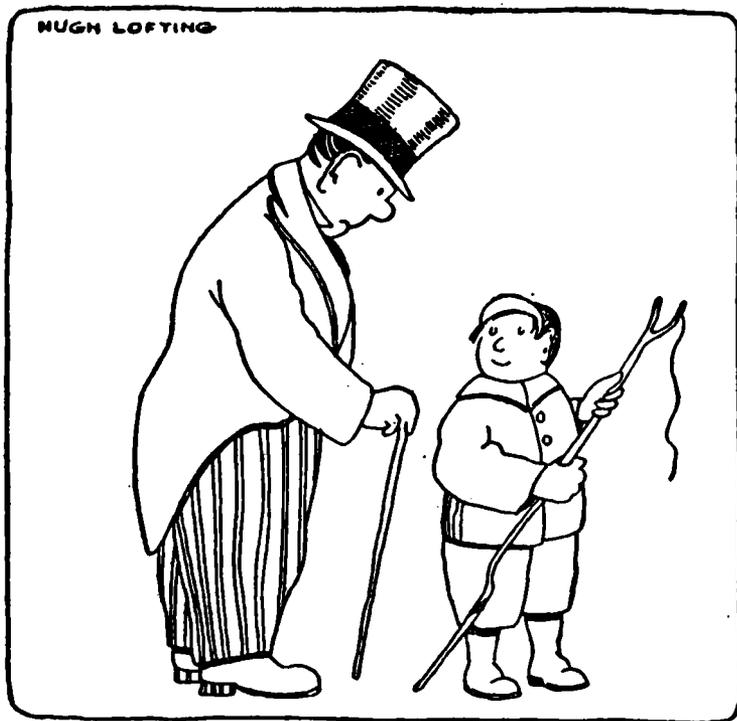
— Может быть, я ошибаюсь, — пробормотал он про себя, — но мне кажется, что это — лучшее из того, что я сделал в своей жизни. Бедные животные! Наконец-то и они будут счастливы после стольких лет тяжелого труда. Пусть хоть теперь они почувствуют себя молодыми и свободными! Я непременно должен создать еще несколько подобных обществ. Как бы мне хотелось открыть Клуб Мышей и Крыс, например! Даб-Даб, конечно, будет ужасно ругаться, когда узнает, что я опять потратил все деньги. Ну, ничего, зато лошади получили замечательный приют. Как только я попаду снова в Лондон, я пришлю сюда и городских лошадей, которые всю свою жизнь возили кэбы и состарились в упряжке. Хм... — Тут Доктор остановился и снова оглянулся назад. — Они все еще резвятся: Беппо катается по траве, а Тогл плещется в ручейке. Боже мой! Я совсем забыл о редиске! Почему же Беппо мне не напомнил?

И Доктор побежал назад. Скоро он увидел паренька, играющего на обочине. Оказалось, что он сын того самого фермера, который продал Джону Дулитлу землю. Тут у Доктора возникла неплохая идея.

— Хочешь зарабатывать шиллинг в неделю? — спросил он мальчика.

— Еще бы. Я бы согласился даже на шиллинг в месяц! — воскликнул тот. — Я так хочу купить себе коньки к зиме! Но пока я накопил только девять пенсов.

— А ты умеешь выращивать редиску? — поинтересовался Доктор.

— Хочешь зарабатывать шиллинги в неделю? —
спросил Доктор мальчика.

— Да чего же тут уметь? Это же так просто! — удивился мальчишка. — Я только редиску и могу вырастить.

— Ну вот и прекрасно. Видишь вон тот луг, где пасутся две лошади? Я только что купил его у твоего отца. Они теперь будут жить тут постоянно. Если ты посадишь возле сарая грядку белой редиски и сумеешь ухаживать за ней, я буду платить тебе шиллинг в неделю. Ну что, согласен?

— Конечно, согласен, сэр! — воскликнул обрадованный паренек.

— Отлично. На тебе твой первый шиллинг и еще пенни, на который ты купишь пакетик семян. Я назначаю тебя главным садовником Пансионата. Теперь ты будешь получать каждый месяц жалованье от Общества Тягловых Лошадей. Только сделай грядку побольше — возможно, я пришлю сюда еще несколько коней. Когда редиска созреет, ты будешь ее собирать, связывать в пучки и раздавать членам Общества два раза в неделю. И не забывай почаще сажать новые семена, чтобы редиски всегда всем хватало. Понял?

— Да, сэр.

— А теперь скажи мне, как тебя зовут? Каждую неделю я буду высылать тебе жалованье. Если ты захочешь бросить эту работу, или куда-нибудь уехать, попроси своего отца, чтобы он написал мне. Он знает, как меня найти.

Необычайно довольный, что ему так повезло, мальчик назвал Доктору свое имя, забрал деньги и побежал за лопатой, чтобы немедленно приступить к делу.

— Ну вот, теперь все в порядке, — пробормотал Джон Дулитл и снова зашагал по направлению к Бриджтону. — Остается только придумать, как

сообщить Даб-Даб, что наша копилка снова опустела.

Ферма-пансионат, которую основал в тот день Доктор, росла и процветала потом много лет. И ко всем переживаниям бедной Даб-Даб прибавилось еще одно: Доктор не только посылал фермеру каждые полгода по двадцать фунтов, но и частенько тратил свои деньги на то, чтобы выкупить какую-нибудь особенно старую и изможденную лошадь, случайно повстречавшуюся ему на улице. У кого только он не покупал лошадей: и у фермеров, и у извочиков, и у живодеров. Каждый раз, когда на дороге показывалась цыганская кибитка, бедная Даб-Даб ужасно пугалась. Лошади цыган были самыми тощими и несчастными из всех, и можно было с уверенностью сказать, что Доктор непременно попытается выкупить у них какого-нибудь старого и измученного долголетней работой коня. Эти сделки обычно заканчивались тем, что Джон Дулитл снова оставался без гроша — ведь в отличие от цыган он совсем не умел торговаться, и его легко можно было обвести вокруг пальца.

Всех этих пожилых и бездомных лошадей Доктор отправлял на ферму-пансионат, где их бесплатно принимали в Общество. И скоро там образовался тесный семейный круг старых приятелей. Каждый вечер, собираясь под большими деревьями или у столба на вершине холма, они рассказывали друг другу интересные истории из своей былой жизни. Старые кони дожидались своей очереди почесать о столб шею и любовались красотой пейзажа на фоне пылающего заката.

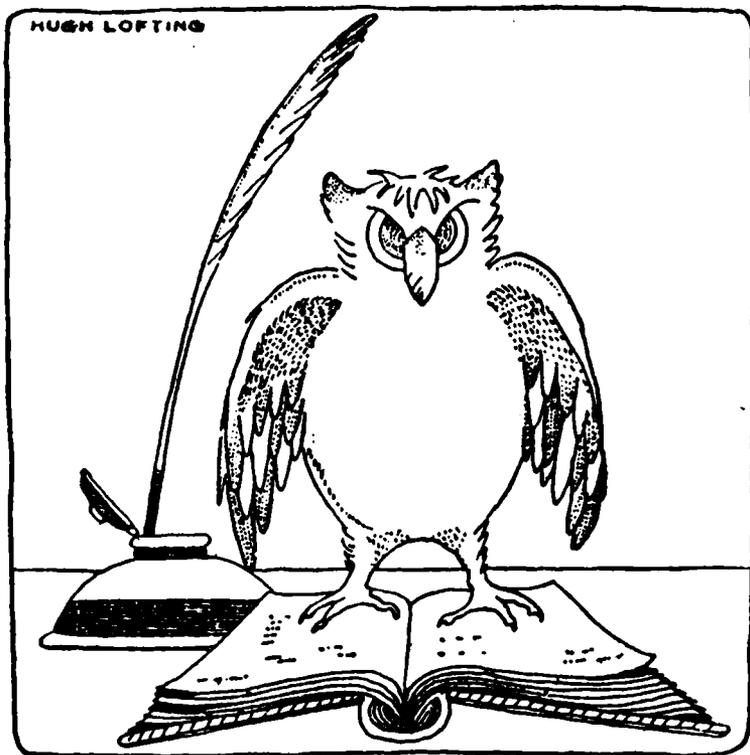
Членов Общества становилось все больше и больше, и вскоре мальчик, выращивавший для лошадей редиску, прислал Доктору письмо, в

котором говорилось, что его грядка разрослась до невероятных размеров, и поэтому ему требуется помощь. Маленький садовник спрашивал у Доктора позволения взять себе в помощники своего школьного друга, который тоже копил деньги на коньки.

Доктор согласился, и денежные расходы Общества увеличились еще на один шиллинг в неделю. Через три месяца после основания Пансионата Доктор решил проведать его обитателей. Поговорив с пятью самыми старыми конями (которые входили в Совет по управлению Обществом), он выяснил, что Пансионату нужны деньги на ремонт забора и очистку сточных канав у изгороди. Кроме того, некоторых лошадей надо было заново подковать. Но Джон Дулитл быстро нашел выход — он попросил своего маленького садовника еще больше увеличить грядку, чтобы можно было продавать излишки редиски на рынке. Парнишка позвал двух своих школьных друзей, и они стали выращивать редиса втрое больше. Полученные от продажи овощей деньги были использованы на создание «Заборного и Кузнечного Фонда» — чтобы можно было нанимать рабочих чинить изгороди и чистить канавы, а также кузнецов, которые бы подковывали лошадей.

И опять в копилке Джона Дулитла убавилось денег — ведь двум помощникам маленького садовника тоже нужно было платить. Нечего и говорить, что Даб-Даб снова ужасно расстроилась. Но не только она переживала из-за расточительности Доктора — даже у благоразумного филина Гу-Гу начало лопаться терпение.

— Что толку! — воскликнул он однажды вечером, когда они с Даб-Даб обсуждали доходы и расходы.

— Что толку в том, что я целыми днями
занимаюсь этой бухгалтерией? —
воскликнул Гу-Гу.

— Что толку в том, что я целыми днями занимаюсь этой бухгалтерией? Моя голова уже трещит от бесконечных подсчетов. Нет никакого смысла считать, сколько денег у Доктора есть и сколько он сможет заработать. Сколько бы денег у него ни было, он тут же потратит все!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГЛАВА 1

МИСТЕР БЕЛЛАМИ ИЗ МАНЧЕСТЕРА

В тот же самый день, но уже поздно вечером, Доктор снова оказался в цирке. Он думал, что доберется до Бриджтона только к утру, однако когда он шагал по дороге, его догнала быстрая двуколка, хозяин которой любезно предложил Доктору подбросить его до города.

Как только Джон Дулитл вошел к себе в фургончик, к нему бросился Мэтью Магг.

— Блоссом велел, чтобы вы пришли к нему сразу же, как только вернетесь! — выпалил он. — Этот франт из Манчестера еще у него.

Прихватив с собой Джипа, который не хотел снова расставаться с хозяином, Доктор отправился к директору.

Было уже очень поздно. Приготовившийся к переезду, назначенному на завтра, цирковой городок спал. Только в окошке Блоссом горел свет.

Когда Доктор зашел к нему в фургон, то увидел, что рядом с директором за столом сидит тот самый шикарно одетый господин, которого Блоссом показывал ему утром.

— Добрый вечер, — поздоровался Блоссом. — Доктор, познакомьтесь: это Фредерик Беллами, владелец и директор Манчестерского Амфитеатра. Он хочет вам кое-что сказать.

Доктор обменялся рукопожатием с мистером Беллами, который сразу же после этого снова

плюхнулся на стул и, сложив на груди руки, приступил к делу.

— Несмотря на то, что дома меня ждут важные и срочные дела, — начал он, — я отложил свое возвращение в Манчестер, чтобы обсудить с вами одно предложение, которое я сделал сегодня мистериу Блоссому. Я видел ваш номер с Говорящей Лошадью, и он меня необычайно заинтересовал. Мистер Блоссом говорит, что он пытался убедить вас выступить в моем театре, но вы отказались. Он сказал, что вы увели коня из цирка и отправили его на пастбище.

Доктор кивнул в знак согласия, и мистер Беллами продолжил:

— Тогда я решил, что забираю назад свое предложение, ведь без вашего номера — и я не побоюсь вам это сказать — цирк меня не интересует. Однако мистер Блоссом убедил меня остаться и самому поговорить с вами. Он уверяет, что тут дело не в этой особенной лошади, а в вашей необыкновенной способности понимать животных. Он говорит, что вы можете сделать точно такой же удивительный номер с любой другой лошадью. Что вы умеете, э... разговаривать с животными на их языке. Признаюсь, я верю в это с трудом. Это правда?

— Да, — ответил Доктор. Он очень смутился. — Мне жаль, что мистер Блоссом рассказал вам об этом. Сам я никогда этим не хвастаюсь, потому что знаю, что люди мне не поверят. Но это правда. Я могу свободно беседовать почти со всеми животными.

— В самом деле? — воскликнул мистер Беллами. — Никогда не встречал ничего подобного! Может быть, тогда вы сделаете номер с каким-нибудь другим животным или животными вместо этого коня, которого вы сегодня увели? Мне бы хотелось, чтобы

вы придумали что-то более сложное. Все представление Блоссом должно строиться на вашем аттракционе. Вы обладаете невиданным даром! Если его правильно подать — это произведет настоящую сенсацию. Что касается денег, то, конечно же, я вам хорошо заплачу — я бы даже сказал, очень хорошо. Ну как, вы согласны?

— Не знаю, — замялся Доктор. — Сейчас у меня нет никаких других номеров. Понимаете, я еще новичок в этом деле. Но я убежден, что все аттракционы с животными должны проводиться с их согласия и при их помощи.

— Конечно, конечно, — сказал мистер Беллами. — Однако сейчас уже очень поздно. Подумайте до завтрашнего утра. Сегодня я все равно не смогу уехать. Если вы что-нибудь решите, дайте мне знать завтра утром, договорились?

Когда Доктор шел к себе в фургончик, Джип, который с большим интересом прослушал весь этот разговор, семеня рядом с ним.

— Послушайте, Доктор, — сказал он. — Помоему — это прекрасная возможность поставить нашу пьесу. И все мы будем в ней участвовать: и я, и Гу-Гу, и Тоби, и Свисток, и Габ-Габ и, может быть, даже белая мышка. Помните — вы нам сами говорили, что мы сделаем свой театр, Театр Зверей? А вы напишете для нас пьесу. То, что сочинил Габ-Габ, не подойдет — это какой-то дешевый фарс, в котором участвуют одни овощи. Вы придумаете новую пьесу для животных, что-нибудь высшего класса. А мы в ней сыграем. Я уверен, что наш спектакль произведет настоящий фурор в Манчестере. Это большой город. Наконец-то мы будем выступать перед интеллигентной городской публикой!

Хотя было очень поздно, питомцы Доктора не спали; они дожидались, когда он вернется и расскажет, как устроился Беппо и зачем его вызвал Блоссом.

Джип тут же пересказал им беседу Доктора с директором Манчестерского Амфитеатра и выложил свою собственную идею о постановке спектакля для животных. Всем, включая белую мышку, предложение Джипа ужасно понравилось.

— Ура! — захрюкал Габ-Габ. — Наконец-то я стану артистом. Вы только подумайте, моя премьера состоится в самом *Манчестере!*

— Радоваться еще рано, — охладил его пыл Доктор. — Мы еще не решили, будет ли это пьеса или что-нибудь другое. Из того, что тебе нравится играть в спектакле, совсем не следует, что этот спектакль понравится публике.

И тут разгорелся жаркий спор из-за того, что больше нравится публике и какой нужно выбрать сюжет для пьесы.

— Давайте поставим «Золушку», — пропищала белая мышка. — Эту сказку все знают, и там я смогу сыграть одну из мышей, которых фея превратила в лакеев.

— Нет, лучше «Красную шапочку», — возразил Свисток. — Мне очень подойдет роль волка.

Все так воодушевились и увлеклись выбором пьесы, что Доктор решил, что сейчас самое время сообщить Даб-Даб о потраченных двадцати шести фунтах. Так он и сделал. И для домохозяйки вечер был испорчен.

— Ах, Доктор, Доктор, — вздыхала она, качая головой. — Ну что мне с вами делать? Вам совершенно нельзя доверять деньги. О, Боже, мы, наверное, никогда не вернемся в Падлби!

Но остальные были так увлечены спором, что не обратили на причитания Даб-Даб никакого внимания. Они решили, что незачем расстраиваться из-за таких пустяков.

— Да что ты! — беззаботно воскликнул Габ-Габ. — Скоро мы заработаем еще больше. Что такое деньги? Пуф — и их нету. Послушайте, Доктор: почему бы нам не поставить сказку про Красавицу и Дикого зверя? Я бы сыграл там роль красавицы.

— Боже праведный! — таякнул Джип. — Ну ты и придумал! Нет, Доктор, вы должны написать пьесу сами — ведь вы знаете, что нравится людям.

Но тут в разговор вмешалась Даб-Даб.

— Доктору нужно ложиться спать, — сердито сказала она. — Пора бы вам оставить его в покое — у него был такой трудный день! Да и вам самим давно пора уgomониться!

— Ну и ну! — воскликнул Доктор, взглянув на часы. — Вы знаете, который сейчас час? Уже два часа ночи! Ну-ка, все быстро отправляйтесь спать!

— Доктор, ну, пожалуйста, — захныкал Габ-Габ. — Завтра мы будем целый день в дороге. Какая разница, во сколько мы встанем? Давайте посидим еще чуть-чуть — ведь мы так и не решили, какую пьесу будем ставить.

— Ни в коем случае, — отрезала Даб-Даб. — Только не сегодня. Доктор устал.

— Да я совсем не устал, — возразил Джон Дулитл.

Но Даб-Даб продолжала настаивать на своем:

— Сидеть допоздна очень вредно. Ничего нет лучше привычки рано ложиться спать.

— Может, ты и права, — вздохнул Доктор. — Но я сам не люблю жить по правилам, ты же знаешь.

— А я люблю, — гордо сказала Даб-Даб. — Конечно, когда эти правила хорошие. Мне нравятся люди, у которых есть четкий распорядок дня.

— В самом деле? Вот почему из тебя получилась такая превосходная домохозяйка, Даб-Даб. Да, люди и вправду делятся на две категории: одни живут по раз и навсегда установленным правилам, а другие не любят правил. И у тех, и у других есть свои положительные качества.

— Знаете, Доктор, — вмешался Габ-Габ. — Я всегда делил людей на тех, кто любит разносолы, и тех, кто предпочитает что-нибудь попроще; тех, кто обожает всякие соусы и острые приправы, и тех, кому довольно одной картошки.

— Ну вот, Габ-Габ, ты меня понял правильно, — рассмеялся Доктор. — Есть люди, которые хотят, чтобы в их жизни все время что-то менялось, а есть люди, которые предпочитают размеренное и спокойное существование. Твои любители разносолов, Габ-Габ, — это те, кто не выносит однообразной и скучной жизни, а любители картошки — это... э... — домохозяйки. Что касается меня, то я надеюсь, что с возрастом я все-таки научусь приспособливаться.

— Как это — приспособливаться? — спросил Габ-Габ. — И к чему?

— Это слишком долго объяснять. Иди-ка лучше спать. А о пьесе мы поговорим завтра утром.

ГЛАВА 2

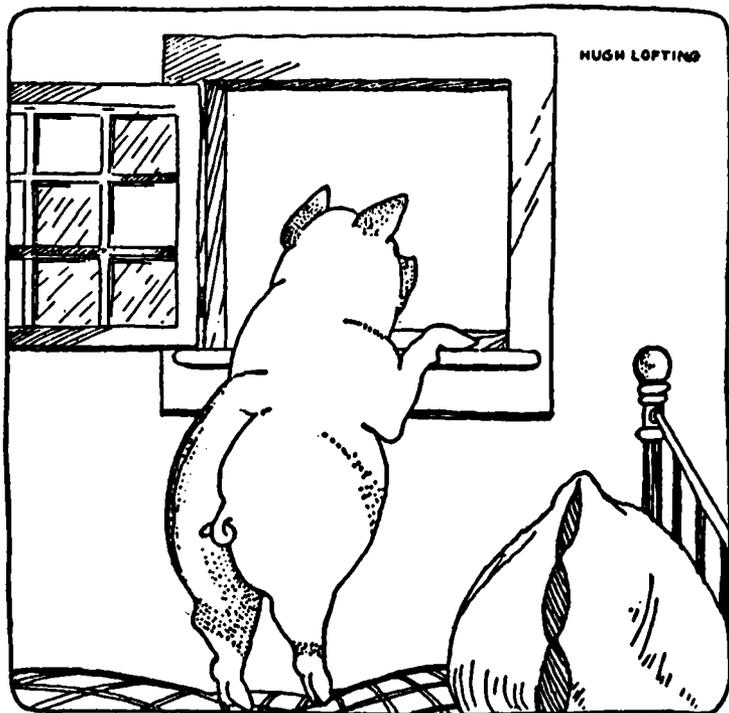
СПЕКТАКЛИ ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

На следующее утро, когда питомцы Доктора проснулись, они обнаружили, что их фургончик движется. В этом для них не было ничего удивительного — пока они спали, цирк тронулся в путь. Так случалось очень часто, когда циркачи переезжали из одного города в другой. Это было частью их кочевой жизни, и именно эту часть Габ-Габ особенно любил. Он обожал просыпаться утром от скрипа колес и, устроившись поудобнее у окна, любоваться проплывающими мимо их движущегося дома пейзажами.

Габ-Габ без конца хвастался, что он прирожденный путешественник и любит перемены точно так же, как Доктор. Однако на самом деле он больше походил на Даб-Даб. Поросяенок всегда соблюдал режим дня и особенно беспокоился, когда его вовремя не кормили. Просто кочевая цыганская жизнь была для него самым безопасным и приятным видом приключений. Он любил развлечения, но только развлечения со всеми удобствами — без трудностей и опасностей.

Когда все семейство Доктора завтракало, сидя за столом, к ним в фургончик заглянул Мэтью Магг.

— Представляете, Доктор, — сказал он, — этот мистер Беллами едет в фургоне Блоссома. Говорит, что ему с нами по пути. Но если вы спросите у меня, я вам скажу, с чего это он вдруг так к нам прицепился. Он просто боится упустить вас из виду. Он готов на все — лишь бы вы согласились выступить в его театре. Я уверен, что на остальные аттракционы Блоссома

Габ-Габ очень любил, когда циркачи переезжали из одного города в другой.

он чихать хотел. Он заплатит вам любые деньги, лишь бы вы согласились сделать у него свой номер с животными.

— Понимаешь, Мэтью, — сказал Доктор. — Это не так просто, как тебе кажется. Все мои животные мечтают поставить спектакль. Сегодня ночью, пока они спали, я набросал что-то вроде комедии. Но прежде чем показывать это Беллами, мы должны все как следует отрепетировать. Артистам нужно время, чтобы выучить свои роли. Не мог бы ты сбежать в фургон директора и попросить Беллами, чтобы он подождал до завтра? Скажи ему, что сегодня, пока мы едем, я попробую провести несколько репетиций и если у нас что-нибудь получится, завтра утром мы ему это покажем.

— Хорошо, — сказал Мэтью и, спрыгнув со ступенек фургона, побежал догонять вагончик Блоссома.

Вы знаете, что Джону Дулитлу уже приходилось писать пьесы для животных. Надо сказать, что он сочинял их целыми дюжинами. Я уже рассказывал вам о его необычайно знаменитой книжечке, которая называлась «Одноактные пьесы для пингвинов». Для обезьян и других животных он придумывал драмы подлиннее. Но все эти пьесы были написаны на языке зверей и предназначались для исполнения перед звериной аудиторией. Например, спектакли для пингвинов устраивались (и, насколько мне известно, устраиваются и сейчас) в Антарктиде во время долгой полярной ночи. Эти удивительные птицы величественными группами рассаживаются на камнях вокруг ледяной сцены и хлопают своими похожими на ласты крыльями каждый раз, как актеры скажут что-нибудь особенно благоразумное.

Пьесы для обезьян намного легкомысленнее. В отличие от пингвинов, которые любят серьезные и глубокомысленные драмы, обезьяны обожают простодушные комедии. Свои спектакли они устраивают где-нибудь в джунглях. Выбрав полянку посветлее, обезьяны рассаживаются вокруг нее на деревьях. Самыми дорогими в обезьяньем театре считаются места на ветках, свисающих прямо над сценой. А за семейную ложу, которая представляет собой ветку целиком, нужно заплатить целую сотню орехов. Существует правило, по которому семьям, занимающим эти места, запрещается бросать ореховые скорлупки и кожуру от бананов вниз на головы актерам.

Теперь вы сами видите, что Джон Дулитл был опытным драматургом. Но пьеса, которую мистер Беллами захотел бы показывать в своем театре, должна была сильно отличаться от всех других сочинений Доктора. Ведь ее предстояло смотреть людям, которые совсем не понимают языка зверей. И после долгих размышлений Доктор решил, что в его новом спектакле животные вообще не будут разговаривать. Он назвал ее «Падлбийская пантомима».

Репетировать в пантомиме питомцам Доктора ужасно понравилось. Одна только Даб-Даб, которой тоже дали роль, не радовалась, как все. Она без конца прерывала репетицию, чтобы отругать кого-нибудь за перевернутую табуретку, разбитую чашку или случайно сорванную занавеску.

Ведь фургончик, как вы можете легко представить, был совсем не подходящим местом для репетиций. Там было очень тесно, и его все время качало из стороны в сторону. Как только лошадь делала резкий поворот вправо или влево, артисты валялись на пол, а Даб-Даб издавала пронзительный крик.

Это означало, что ее драгоценному дому причинен какой-нибудь новый ущерб. Но остальных животных эти маленькие происшествия веселили не меньше, чем сам спектакль.

Пантомима была сделана в духе старомодной арлекинады. Тоби играл Арлекина, Даб-Даб — Коломбину, Габ-Габ — Панталоне, Свисток — полицейского, а Джип — Пьерро. Танец Арлекина, Коломбины и Пьерро вызывал у всех бурю веселья. Стоило только танцорам встать на цыпочки, как фургончик обязательно бросало в сторону с новой силой, и они летели на пол.

По сценарию полицейский-Свисток должен был без конца арестовывать бедного Пьерро (Джипа) и всех остальных, кто попадался ему под руку. Резиновую дубинку ему заменял огурец, и однажды, гонясь за Панталоне (Габ-Габом), который украл связку сосисок, он нечаянно разломил этот огурец о спину поросенка. Но арестованный Панталоне не растерялся: он отнял у полицейского остатки его дубинки и съел их. Эта шутка так понравилась Доктору, что он решил включить ее в сценарий и исполнять в главном представлении, которое состоится в Манчестере.

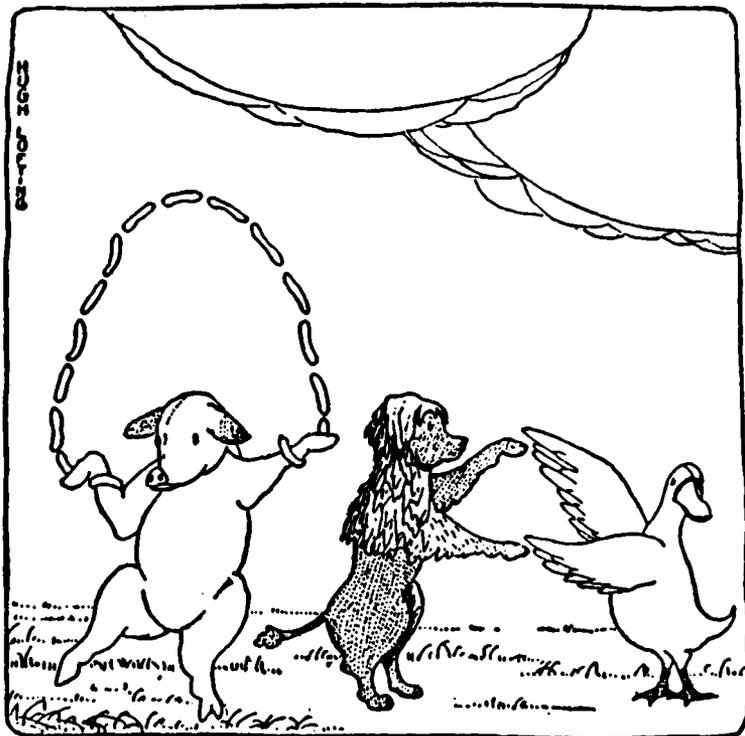
Появляться на сцене и уходить с нее артистам было очень трудно: им приходилось выбегать за дверь и дожидаться своего выхода, стоя на узких ступеньках движущегося фургончика. Особенно тяжело было Габ-Габу, который играл комическую роль Панталоне. Он без конца входил и выходил — то со связкой сосисок, то с раскаленной кочергой. И хотя Доктор просил его быть осторожнее, поросенок все время забывал, что их театр движется, и каждый раз, выскакивая со сцены на ступеньки фургончика, промахивался и шлепался прямо на дорогу кверху ножками.

Все утро, пока цирк ехал в другой город, друзья репетировали. И когда они наконец остановились, чтобы переночевать, Доктор попросил Мэтью Магга сбегать к мистеру Беллами и сказать ему, что хотя спектакль еще не приобрел своей окончательной формы, а костюмы не готовы, директор Амфитеатра может прийти и посмотреть их пантомиму.

На этот раз для сцены выбрали ровную площадку у обочины дороги. Зрителями же были мистер Беллами, Блоссом, Мэтью Магг и силач Геркулес. Теперь, когда под ногами артистов была твердая земля, а не качающийся пол фургончика, они играли намного лучше. И хотя Панталоне все время путался и выскакивал на сцену чаще, чем требовалось, пантомима ужасно понравилась зрителям. Они очень долго и громко хлопали, а потом единогласно объявили, что это лучшее представление из всех, которые им когда-либо доводилось видеть.

— Потрясающе! — воскликнул мистер Беллами. — Это то, что нам нужно. Если еще немного порепетировать и одеть животных в подходящие костюмы, — успех будет просто неслыханный! Никто не осмелится утверждать, что артисты не получают удовольствия от своей игры. Итак, сейчас я еду дальше в Манчестер, а вас жду у себя через неделю, когда цирк мистера Блоссом закончит свои выступления в Литл Плимптоне. Ваши гастроли в Манчестере начнутся в понедельник, семнадцатого числа. За это время я постараюсь, как следует разрекламировать вашу труппу. Можете не беспокоиться — у вас будет достойная публика!

И всю неделю, пока цирк находился в Литл Плимптоне, семейство Джона Дулитла репетировало «Падлбийскую пантомиму». Друзья готовились к выступлению в Манчестере. Что же касается Тяни-Толкая, то все заботы о нем взял на себя

*Для сцены выбрали ровную площадку
у обочины дороги.*

незаменимый Мэтью Магг. Благодаря ему Доктор смог посвятить все свое время спектаклю.

Артисты репетировали каждый день и вскоре так хорошо выучили свои роли, что исполняли их без единой ошибки. Сам Доктор не хотел появляться на сцене во время представления. По его замыслу, в пантомиме должны были играть одни только животные, без участия людей. Во время репетиций не раз возникали комические ситуации, многие из которых, так же, как и в случае с огурцом, Доктор включал в сценарий. Иногда сами артисты придумывали смешные трюки, и если они казались Джону Дулитлу удачными, он оставлял их. Таким образом, когда спектакль приобрел свой окончательный вид, он стал намного длиннее и лучше того, который они показывали мистеру Беллами в первый раз. Габ-Габ считал себя таким смешным, что очень часто в середине представления его вдруг начинал душить хохот и он никак не мог успокоиться, чтобы играть дальше.

Теодозия Магг, которая шила артистам костюмы, была ужасно занята всю эту неделю. Ведь переделывать костюмы, предназначенные для людей, в костюмы для зверей не так-то просто. Особенно много хлопот ей доставлял Габ-Габ. На первую костюмированную репетицию он явился в таком виде: его задние ножки были просунуты в рукава пиджака, а парик надет задом наперед. Загримировать поросенка было тоже очень трудно. Ему так понравился вкус жирной пудры, что он без конца облизывался, размазывая по щекам румяна. И к концу представления синьор Панталоне выглядел так, как будто он только что наелся хлеба с повидлом.

Но самые страшные мучения доставляли поросенку брюки. Когда наконец ему объяснили, как он должен носить свой костюм, Габ-Габ решил подпо-

ясываться ремнем, чтобы брюки не спадали. Но у него было такое круглое и гладкое брюшко, что ремень все время соскальзывал, и каждый раз, когда Панталоне выскакивал на сцену, он терял свои штаны и оставался в одном парике и пиджаке. В конце концов Теодозия соорудила ему специальные подтяжки, которые хорошо держали брюки, и Доктор все время лично проверял, как одет поросенок.

Подобные казусы в самом начале нередко случались и с Даб-Даб, которая играла Коломбину. Теодозия сшила ей очень пикантную балетную юбочку из розовой жестко накрахмаленной марли. Но на первой же репетиции в костюмах эта изящная балерина с перепончатыми лапками, танцуя с Арлекином, сделала особо сложное па и сбросила свою юбочку прямо на голову партнера. Все покатались со смеху. А когда только что влетевший на сцену Панталоне подхватил эту юбочку и натянул ее на себя вместо штанов, которые он только что потерял, веселью уже не было конца.

Теперь вы легко можете представить, сколько работы было у режиссера Джона Дулитла и костюмерши Теодозии. Ведь играть так же, как людям, животным было очень трудно. Но еще труднее им было выступать в костюмах, которых они никогда в жизни не носили. На репетиции же отводилась одна только неделя. И не раз, видя, как костюмы сваливаются с его артистов, Джон Дулитл впадал в отчаяние. Но ловкая Теодозия придумала множество ухищрений в виде потайных пуговиц, крючков и резинок. И вскоре шляпы, парики и пиджаки уже не съезжали. Доктор заставлял артистов ходить в своих костюмах целыми днями и наконец добился того, что в одежде звери могли двигаться, бегать и танцевать так же уверенно и легко, как и без нее.

ГЛАВА 3

ПЛАКАТ И ПАМЯТНИК

День приезда в Манчестер стал настоящим событием в жизни Доктора и его семейства. Никому из питомцев Джона Дулитла не приходилось до этого бывать в большом городе. Всю дорогу туда Габ-Габ высовывался из окна и, увидев что-нибудь новое и интересное, сообщал об этом своим друзьям.

Заведение мистера Беллами располагалось на окраине города. Это был огромный парк, в котором каждый мог найти себе развлечение по душе. В центре парка стоял большой открытый театр, а рядом с ним проходили всевозможные состязания. Там можно было увидеть и боксеров, и борцов, и соревнования духовых оркестров. Сам театр был овальной формы, сцену опоясывали места для зрителей, выстроенные уступами. Все это очень походило на открытые театры древних римлян; видимо, поэтому мистер Беллами и назвал его Амфитеатром.

В парк развлечений мистера Беллами жители Манчестера приходили тысячами. Особенно они любили гулять там в субботу днем или по вечерам. Каждый вечер вокруг Амфитеатра и вдоль аллей зажигались маленькие фонарики, и от этого в парке становилось еще уютнее и веселее.

Парк был таким большим, что весь «Величайший Цирк на Земле» мог поместиться в одном его уголке, и никто бы его не заметил. Это поразило директора до глубины души.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Блоссом, обращаясь к Доктору. — Вот как нужно вести дела

— на широкую ногу! Должно быть, у этого Беллами денег куры не клюют. В одном только его Амфитеатре может поместиться втрое больше людей, чем в нашем большом шатре!

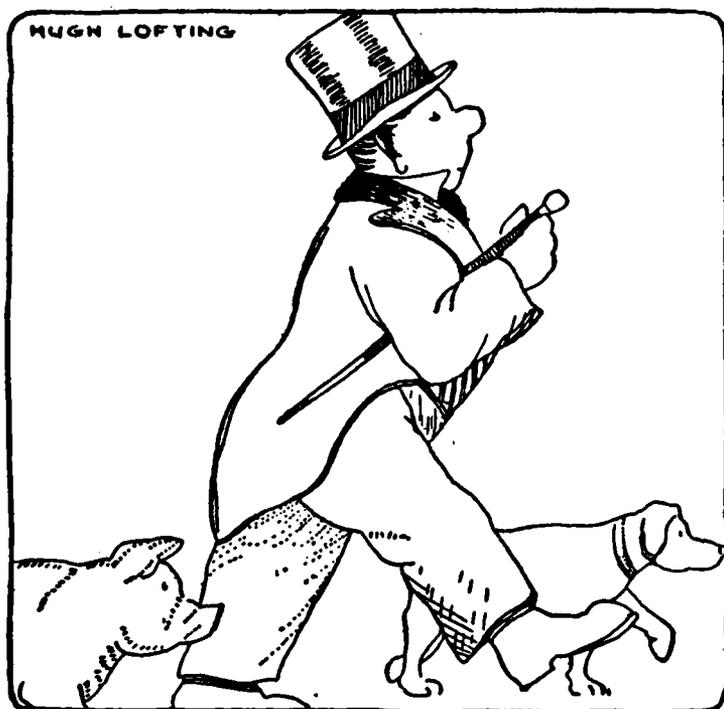
Циркачей Блоссомы, которые чувствовали себя ужасно маленькими и незаметными в таком великолепном заведении, отвели на место, где им предстояло выступить. Как только распрягли лошадей, появился сам мистер Беллами, который сразу же поинтересовался, приехала ли труппа Доктора.

— Что касается остальных, — сказал он Блоссому, — я предоставляю вам этот участок земли, на котором вы можете делать все, что захотите. Больше всего посетителей у нас бывает вечером после пяти часов или днем в субботу, когда выступают боксеры. О труппе Доктора я позабочусь сам. Конечно, платить я буду вам, как и обещал, а вы будете делить выручку между собой. Но с этого момента Доктор Дулитл и его животные поступают в мое распоряжение, и никто не должен вмешиваться в его дела. Именно так мы с вами и договаривались, не правда ли?

И пока циркачи натягивали свои палатки и устанавливали помосты, Доктор со своим фургоном отправился на другое место — поближе к Амфитеатру. Там ему отвели огороженную высоким забором площадку, где они могли устроиться со всеми удобствами.

Рядом с фургончиком Доктора располагались несколько других палаток и вагончиков, в которых жили артисты, участвовавшие в дневных и вечерних представлениях. Кого там только не было: и танцоры, и певцы, и канатоходцы.

После того, как все постели были заправлены и в фургончике наведен порядок, Доктор предложил

Доктор предложил своим питомцам
пойти прогуляться по городу.

своим питомцам пойти прогуляться по городу. Джим с Габ-Габом с радостью согласились, а Даб-Даб решила остаться. Она не могла отправиться на прогулку, не распаковав все вещи до конца и не приготовив ужина. Проверив, хорошо ли Мэтью устроил Тяни-Толкая, Доктор Дулитл в сопровождении Джиба и Габ-Габа отправился осматривать достопримечательности Манчестера.

До центра города нужно было идти около полумили мимо садов и небольших домиков, которые окружали Манчестер.

Когда же они вышли на оживленные улицы, кишасшие людьми и экипажами, Габ-Габ был необычайно удивлен. Конечно, Доктор с Джимом не раз бывали в Лондоне, но поросенок видел большой город первый раз в жизни. Он с восхищением разглядывал огромные дома и магазины.

— Сколько здесь народу, — пробормотал он, вытаращив свои маленькие глазки. — Я в жизни не видал столько кэбов. Никогда не подозревал, что их может быть сразу так много! Посмотрите, они едут один за другим, как на параде. Боже, а какие здесь великолепные овощные магазины! Вы когда-нибудь видели такие здоровенные помидоры? Да, этот город мне ужасно нравится. Он будет побольше Падлби, правда? И намного веселее. Как же здесь здорово!

Вскоре они очутились на большой площади, которую со всех сторон окружали красивые каменные здания. Габ-Габу очень хотелось все про них узнать, и Доктору пришлось объяснять ему, что такое банк, хлебная биржа, городская ратуша и многое другое.

— А это что? — спросил поросенок, показывая на середину площади.

— Это памятник, — ответил Доктор. Это была статуя, изображавшая человека верхом на лошади.

— А кто это такой? — снова спросил Габ-Габ.

— Генерал Слейд, — объяснил Доктор.

— А почему ему поставили памятник? — не отставал Габ-Габ.

— Потому что он был знаменитым полководцем. Он сражался в Индии против французов.

Друзья обошли эту площадь и оказались на другой, чуть поменьше. Там уже не было никаких памятников. Но вдруг Габ-Габ остановился как вкопанный и закричал:

— Боже праведный, Доктор! Вы только посмотрите!

И тут они увидели щит, на который был наклеен огромный плакат, изображавший поросенка в костюме Панталоне со связкой сосисок в зубах.

— Это же я, Доктор! — воскликнул Габ-Габ и побежал к плакату.

И действительно, вверху афиши огромными буквами было написано:

«ПАДЛБИЙСКАЯ ПАНТОМИМА.
МИСТЕРИЯ-БУФФ!

ПРИХОДИТЕ И ПОСМОТРИТЕ УНИКАЛЬНУЮ
АРЛЕКИНАДУ.

АМФИТЕАТР БЕЛЛАМИ.
СЛЕДУЮЩИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК».

Директор Амфитеатра сдержал свое слово. Он попросил художника нарисовать афиши с портретами артистов и расклеил их по всему городу.

Поросенка невозможно было оторвать от своего изображения. Он пришел в неопишуемый восторг от того, что, приехав в этот большой город, он обнару-

жил, что здесь его знают как прославленного артиста и даже повсюду расклеивают его портреты.

— Может быть, они поставят мне и памятник? — спросил он. — Как генералу. На этой площади много свободного места и нет ни одного памятника!

Когда друзья шли по улицам города, им попадались все больше и больше таких афиш. На одних была изображена Даб-Даб в своей розовой юбочке и на пуантах, на других Свисток в полицейском шлеме. Когда же им встречался портрет Панталоне, поросенок никак не хотел от него уходить. Если бы ему позволили, он бы любовался своим изображением всю ночь напролет.

— Я и в самом деле думаю, Доктор, — говорил он Джону Дулитлу, — что вы должны посоветовать мэру города поставить мне памятник. Может быть, они передвинут генерала на маленькую площадь, а мою статую поставят на большую? — Он вдруг стал очень важничать и шел, высоко задрав свой пяточок.

В понедельник утром, когда знаменитому Панталоне предстояло впервые появиться перед публикой, состоялась последняя репетиция пантомимы. Перед спектаклем животных должен был выступить театр-варьете, в котором участвовали певцы, танцоры, жонглеры и многие другие артисты. Они выходили на сцену и исполняли свои номера под специально подобранную для каждого музыку. По бокам арены были установлены небольшие рамки, и в начале каждого выступления на сцене появлялись лакеи в бархатных ливреях и вставляли в эти рамки плакаты с названием следующего номера. Таким образом публика заранее знала, кто будет выступать следующим. Джон Дулитл предложил мистеру Беллами, чтобы перед началом их спектакля плакаты поменяли сами животные, а не лакеи. От

такой идеи директор Амфитеатра пришел в полный восторг. И не успел Доктор решить, кто же из животных будет это делать, как Гу-Гу сам попросил, чтобы эту работу доверили ему.

— Но кроме тебя, нам нужен еще кто-нибудь, — сказал Доктор. — Ты же видишь — лакеев двое. Они выходят на сцену и, как солдаты, маршируют под музыку с плакатами в руках. Один отправляется на одну сторону сцены, второй — на другую. Там они вынимают старые плакаты и ставят новые.

— Об этом можете не беспокоиться, Доктор, — заверил Гу-Гу. — Я приведу сюда еще какого-нибудь филина, и мы займемся этим вдвоем. Вот увидите, мы будем лучшей парой, чем лакеи. Подождите немного, сейчас я слетаю в город и разыщу себе помощника.

Гу-Гу улетел, но не прошло и получаса, как он вернулся с другим филином, который был его точной копией. Отличить двух птиц одну от другой было почти невозможно. Чтобы они могли достать до рамок, по углам сцены поставили табуретки, и репетиция началась.

Даже музыканты оркестра, привыкшие ко всяким чудесам, происходящим на этой сцене, были поражены, когда Гу-Гу и его двойник вылетели из-за кулис. Они действительно смотрелись намного лучше, чем лакеи. Как две заводные кукушки из часов, они одновременно вспорхнули на табуретки, поменяли плакаты, поклонились воображаемой публике и улетели.

— Вот это да, — сказал виолончелист своему другу — музыканту, игравшему на тромбоне. — Ты когда-нибудь видел такое? Можно подумать, что они всю свою жизнь работают в варьете.

После того, как филины отрепетировали свой вылет, Доктор, который сам отчасти был музыкантом, начал обсуждать с дирижером, какая музыка будет сопровождать их выступление.

— Я бы хотел, чтобы вы исполнили что-нибудь живое, но очень негромкое — почти пианиссимо, — попросил он.

— Хорошо, — согласился дирижер. — Сейчас мы вам покажем одну вещицу, под которую обычно выступают канатоходцы. Это очень изысканная пьеска.

Он постучал палочкой по дирижерскому пульта, чтобы музыканты приготовились, и оркестр сыграл несколько вступительных тактов. Это была восхитительная вибрирующая музыка — очень нежная и тихая. Она навевала чудесные грезы о феях, порхающих над лужайками в лунном свете.

Доктору музыка очень понравилась.

— Это как раз то, что нам нужно! — воскликнул он. — А когда начнет танцевать Коломбина, сыграйте, пожалуйста, менюэт из «Дон Жуана». Под эту мелодию мы всегда репетировали. И я хотел бы попросить вас еще об одном: каждый раз, когда Панталоне будет падать, пусть барабанщик ударяет изо всех сил в бас-барабан.

После этого «Падлбийская пантомима» была исполнена еще раз — но уже под аккомпанемент оркестра и с настоящими декорациями. Это была их последняя, генеральная, репетиция. Хотя Габ-Габа вначале смутил ослепляющий свет ramпы, он и все остальные актеры уже так хорошо знали свои роли, что могли бы сыграть этот спектакль даже во сне. И от начала до конца репетиция прошла блестяще, без сучка, без задоринки. Когда она закончилась, мистер Беллами сказал:

— После спектакля публика наверняка будет вызывать ваших артистов на бис. Вы должны научить их выходить на сцену и кланяться.

И они отрепетировали поклоны. Пятеро актеров взялись за «руки», поклонились пустому залу и удалились за кулисы.

Конечно, в жизни питомцев Доктора было много интересных событий, но я сомневаюсь, что хотя бы одно из них могло сравниться с их первым выступлением перед публикой в знаменитой «Падлбийской пантомиме».

Я сказал «знаменитой», потому что она действительно стала очень популярной. Не только все манчестерские газеты писали о необыкновенном успехе этого спектакля, но и специальные журналы, целиком посвященные вопросам театра, отмечали новизну и несомненную оригинальность новой постановки. Конечно, и раньше существовало множество номеров с животными, одетыми, как люди, но все они были построены на обычной дрессировке. Доктор же поставил спектакль, в котором все было продумано до мельчайших деталей, а животные не только понимали, что они делают, но и исполняли свои роли с невиданным мастерством. Так, например, несколько дней подряд Доктор учил Тоби подмигивать одним глазом, а Габ-Габа — откидывать голову назад и смеяться, как это делают люди. Поросяенок часами сидел перед зеркалом и тренировался, пока у него не стало получаться. Вы знаете, что поросята смеются по-своему, по-пороссячьи, и когда они это делают, люди ничего не замечают — ведь их смех так непохож на наш. Но может быть, это и к лучшему, потому что иногда поросята смеются над нами, людьми. Никому еще до Джона Дулитла не удавалось научить зверей смеяться,

хмуриться или улыбаться совершенно естественно и в точности так же, как это получается у людей.

В понедельник вечером в парке мистера Беллами собралось множество народу. Денек выдался на редкость погожий, да и реклама сделала свое дело. Зрители начали занимать места задолго до начала представления.

Из всей труппы Доктора, собравшейся за кулисами, никто так не волновался, как Джон Дулитл. Ведь ни один из его зверей, кроме Свистка, никогда не выступал перед публикой. Он очень боялся, что его питомцы растеряются при виде такой огромной аудитории.

И когда музыканты начали настраивать свои инструменты, Доктор не удержался и, слегка раздвинув занавес, взглянул в зрительный зал. Он увидел перед собой множество лиц. Театр уже был заполнен до отказа, но народ продолжал толпиться в проходах, пытаясь отыскать свободные места. Некоторые даже стояли в дверях. Они надеялись, что если они поднимутся на цыпочки, им удастся хоть одним глазком увидеть то, что будет происходить на сцене.

— Доктор, — прошептала Даб-Даб, которая тоже разглядывала публику через щелку в занавесе. — Наконец-то мы разбогатеем! Блоссом говорит, что мистер Беллами обещал платить ему по сто фунтов в день. А если публики будет больше, чем обычно, — он увеличит эту сумму. Но мне кажется, что больше народу, чем сейчас, здесь быть просто не может. Посмотрите: в зал и муха не залетит — столько там людей. А почему это они так топают и свистят?

— Они считают, что пора начинать. И действительно, уже пора, — сказал Доктор, взглянув на

свои часы. — Им не терпится поскорее посмотреть представление. Ой, осторожно! Давай-ка уйдем отсюда. Сейчас, кажется, поднимут занавес; видишь, эти двое певцов уже приготовились к выходу. Они выступают первыми. Пойдем скорее. Где же Габ-Габ? Я так боюсь, что его парик опять соскочит! Ах, вот он. Слава Богу, с ним все в порядке, и брюки на месте. А сейчас стойте все здесь и не отходите друг от друга. Наш выход сразу же после того, как закончится этот номер. Ради Бога, Габ-Габ, перестань облизываться! У меня не будет времени, чтобы снова загримировывать тебя.

ГЛАВА 4

СЛАВА, БОГАТСТВО И ДОЖДЬ

Волнения Джона Дулитла, что его актеры растеряются перед такой большой аудиторией, оказались напрасными. Музыка, яркий свет рампы и огромное количество зрителей не только не испугали животных, но, наоборот, вдохновили их. После спектакля Доктор сказал, что ни на одной репетиции они не играли с таким мастерством.

Что же касается публики, то она была просто очарована с того момента, как только поднялся занавес. Вначале многие зрители не поверили, что выступать будут настоящие животные. Они перешептывались и уверяли друг друга, что это, должно быть, труппа мальчиков или карликов в масках. Однако, когда из-за кулис вылетели два филина, которые открыли представление, промаршировав по сцене с плакатами в клювах, публика поняла, что обман здесь невозможен. И, по мере того, как разворачивалось действие, даже самые недоверчивые из зрителей убедились, что перед ними настоящие животные. Ведь никакие актеры, как бы хорошо они ни были натренированы и загримированы, не могли бы так подражать животным.

С самого начала представления любимцем публики стал Габ-Габ. От его гримас и ужимок зрительный зал просто сотрясался от хохота. Но когда на сцену вышла Даб-Даб, мнения разделились. Ее танец с Тоби и Джипом покорила всех. И действительно, хотя обычно эта замечательная утка двигалась очень неуклюже, на сей раз она исполнила менюэт с восхитительной грацией.

Зрители пришли в такой восторг, что стали бешено аплодировать, топать и кричать: «Еще! Еще!» Они не давали актерам продолжить пантомиму до тех пор, пока Даб-Даб не станцевала еще раз. И тут одна дама из первого ряда бросила на сцену букетик фиалок. Так как Даб-Даб никто прежде не бросал цветов, она ужасно растерялась. Но ее выручил Свисток, опытный актер. Прыгнув вперед, он подхватил букет и торжественно вручил его Коломбине.

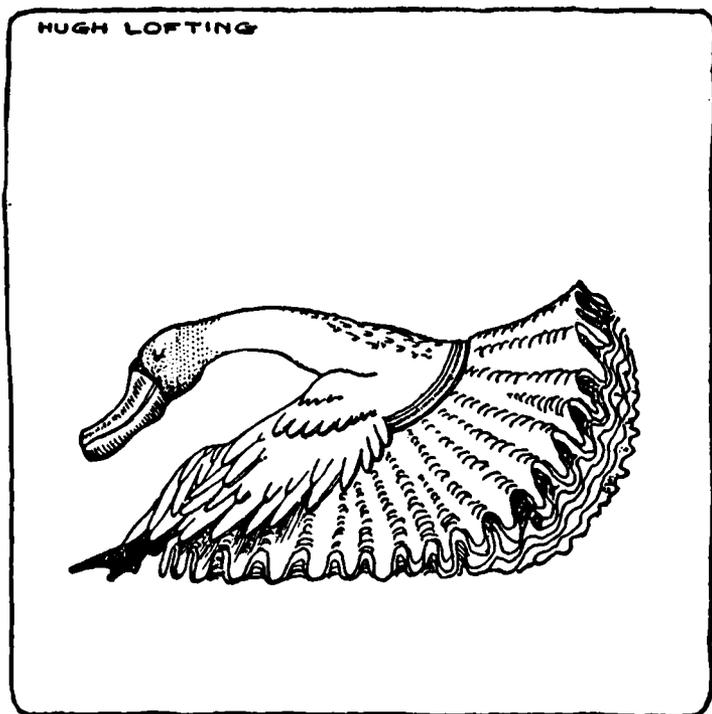
— Поклонись! — зашептал Доктор из-за кулис на утином языке. — Поклонись публике — той даме, которая бросила тебе цветы.

И Даб-Даб сделала реверанс, как настоящая балерина.

Когда занавес опустился и последние звуки оркестра смолкли, зал взорвался оглушительными аплодисментами. Актеры вышли на сцену, держась за «руки», и поклонились. Но публика никак не хотела их отпускать. Они кланялись до тех пор, пока Доктор не попросил их выходить по одному. Габ-Габ строил рожицы и выделял разные ужимки, Свисток снимал свой шлем и раскланивался, Тоби кувыркался в воздухе с ловкостью настоящего Арлекина, Джип строил трагические гримасы Пьерро, а Даб-Даб еще раз сразила наповал аудиторию, сделав пируэт на своих перепончатых пуантах и послав зрителям воздушный поцелуй.

Коломбине полетели новые букеты, а Панталоне кто-то бросил пучок морковки, которую тот начал есть прямо на сцене.

Не дождавшись конца представления, мистер Беллами пришел за кулисы сказать Доктору, что с тех пор, как он является владельцем этого театра, ему еще ни разу не приходилось видеть такого

*Даб-Даб сделала реверанс,
как настоящая балерина.*

успеха. Он тут же предложил Блоссому заключить контракт еще и на следующую неделю.

Когда публика наконец покинула театр, Габ-Габ побежал в зал, чтобы взглянуть на сцену со зрительских мест. Там он обнаружил множество разбросанных программ. Поросянок был очень польщен, увидев, что на каждой напечатано его имя как исполнителя роли Панталоне.

— Гм, — сказал он, осторожно складывая одну программку. — Я должен это сохранить для потомства. Пожалуй, я положу ее в мой альбом с меню.

— Наверное, ты хотел сказать: в альбом с марками? — удивился Доктор.

— Нет. Недавно я бросил собирать марки. Теперь я коллекционирую меню. Их намного интереснее разглядывать.

Так как фургончик Доктора стоял рядом с Амфитеатром, его питомцы теперь редко встречались со своими старыми друзьями из цирка, которые выступали в другом конце парка. Однако Доктор часто ходил навещать Мэтью и Тяни-Толкая. А клоун Хоп, силач Геркулес и братья Пинто сами нередко забегали к Доктору в гости на чашечку чая и почти каждый вечер ходили в театр, чтобы посмотреть пантомиму.

Спектакль зверей шел с необычайным успехом всю неделю. На каждое представление собиралось все больше и больше народу. Зрители покупали билеты задолго до начала пантомимы. Такое случалось прежде всего один только раз — когда в Манчестер приезжал на гастроли знаменитый скрипач.

Каждый вечер в фургончик Доктора приходили богатые джентльмены и элегантные дамы. Им хотелось лично поздравить Джона Дулитла с успехом

и еще раз взглянуть на его замечательных актеров. От такого внимания Габ-Габ начал ужасно задаваться. Он стал капризным, как истинная знаменитость. Поросенок даже назначил посетителям часы приема. Например, он отказывался выходить к своим поклонникам в то время, когда ему полагалось вздремнуть.

— Знаменитые артисты должны беречь себя, — говорил он. — Я принимаю посетителей только с десяти до двенадцати часов утра. По-моему, это следует напечатать в газетах, Доктор.

Одна дама попросила поросенка расписаться в альбоме, в который она собирала автографы разных знаменитостей. И Габ-Габ, не без помощи Доктора, конечно, нацарапал в нем свои инициалы Г.Г. Рядом он изобразил веточку петрушки, которая, по его словам, была их семейным гербом.

Даб-Даб, хотя и была не менее знаменитой, чем поросенок, относилась к своей славе намного спокойнее. Сразу после представления можно было видеть, как она хлопчет по хозяйству в фургончике Доктора. Она стелила постели или жарила картошку, даже не успев снять свою розовую балетную юбочку.

— Этот поросенок мне ужасно надоел, — говорила она. — И с чего это он так задается? Если бы не Доктор, никто бы из нас не прославился. Ведь все животные смогут делать то же самое, что и мы, если их учителем будет Джон Дулитл. Кстати, Доктор, вы забрали у Блоссоба деньги?

— Еще нет, — ответил Доктор. — К чему беспокоиться? Ведь еще не прошло и недели, как мы здесь выступаем. А Беллами хочет продлить контракт и на следующую неделю. Я не видел Блоссоба — постой, постой — вот уже три дня.

— Вы должны обязательно сходить к нему. Я считаю, что нашу долю нам нужно забирать каждый день.

— Почему, Даб-Даб? Мне кажется, что Блоссом — честный человек.

— Честный? — переспросила Даб-Даб. — Может быть, он и честный, но я бы не упустила его из виду. Послушайтесь моего совета и забирайте деньги каждый день. Он, наверное, нам уже очень много должен. Особенно сейчас, когда пантомима идет два раза в день.

— Хорошо, хорошо, Даб-Даб, не волнуйся, — успокоил домохозяйку Доктор. — Блоссом отдаст деньги, как только разберется со всеми своими счетами.

Даб-Даб без конца напоминала Доктору, чтобы он сходил к Блоссому, но Джон Дулитл так этого и не сделал. Уже подходила к концу вторая неделя их гастролей в Манчестере, а директор «Величайшего Цирка на Земле» все еще не появлялся с деньгами. Но самым странным было то, что вот уже несколько дней его никто не видел. Тяни-Толкай приносил Доктору неплохой доход, и заработанных им денег вполне хватало на насущные нужды труппы. Как всегда, беспечный в отношении денег, Доктор не беспокоился, надеясь, что все уладится само собой.

К концу второй недели «Падлбийская пантомима» стала такой знаменитой, что фургончик Доктора уже не мог вместить всех желающих поговорить с режиссером удивительного спектакля и еще раз взглянуть на его артистов. И тогда Джон Дулитл и его питомцы решили устроить для публики прощальное чаепитие.

Целое утро Даб-Даб трудилась, не покладая крыльев. Ведь ей надо было разослать более двухсот

приглашений. На помощь позвали и миссис Магг. Фургончик украсили цветами, а вокруг него расставили множество маленьких столиков. Теодозия с Даб-Даб напекли огромное количество пирожных и приготовили триста чашек чаю. Наконец в субботу, в четыре часа пополудни, начали собираться гости. Артисты, многие из которых были одеты в свои театральные костюмы, тоже расселись за столиками и как радушные хозяева стали пить чай вместе с элегантными дамами и господами. Это было прощальное чаепитие, потому что на следующий день цирк уезжал из Манчестера. На прием пришел мэр города со своей женой и несколько журналистов. Они делали в своих блокнотах наброски, как хозяйка вечера Даб-Даб разливает чай, а Габ-Габ разносит гостям пирожные.

На следующий день, завершив самые успешные гастроли за всю свою историю, цирк покинул Манчестер.

Он направился в маленький городишко, лежавший всего в двенадцати милях к северо-востоку от Манчестера. Но как только караван цирковых кибиток прибыл туда, начал накрапывать дождь. Натягивать палатки и ставить помосты под дождем было не очень-то приятно. К тому же сырая земля под ногами артистов вскоре превратилась в непролазную хлюпающую грязь.

Дождь продолжал идти и на второй день, и на третий. Нечего и говорить, что это плачевно отразилось на делах цирка. Посетителей совсем не было.

— Ничего страшного, — сказал Доктор, когда на третий день их пребывания в этом городке все его семейство расселось за столом, чтобы позавтракать. — Мы ведь заработали кучу денег в Манчестере. Это поможет нам пережить тяжелые времена.

Габ-Габ разносил гостям пирожные.

— Но вы забыли, что у нас еще нет этих денег! — возразила Даб-Даб. — Хотя одному только Богу известно, сколько раз я вас просила забрать их у Блоссома!

— Я его только что видел, — ответил Доктор. — Как раз перед тем, как зашел сюда. Все в полном порядке. Он сказал мне, что положил в Манчестерский банк все деньги, которые мы заработали. Их оказалось так много, что он побоялся хранить их у себя.

— Но почему же он не забрал их, когда мы уезжали? — удивилась Даб-Даб. — И не отдал вам нашу половину?

— Было воскресенье, — объяснил Доктор. — А в воскресенье все банки закрыты.

— Но что же он будет теперь делать? Не собирается же он так и оставить их в банке?

— Конечно, нет. Сейчас Блоссом туда поедет и заберет их. Когда я с ним разговаривал, он уже сидел на лошади. Да, не завидую я ему — ехать верхом несколько часов под проливным дождем!

Теперь надо объяснить читателю, что для содержания цирка требовалось очень много денег. Животных нужно было кормить, артистам и рабочим выдавать жалованье; кроме того, существовало множество других ежедневных расходов. Но в эти дождливые дни, когда посетителей совсем не было, а цирковые балаганы стояли мокрые и пустые, «Величайший Цирк на Земле» не только не зарабатывал деньги, но и терял их все больше с каждым днем, вернее — с каждым часом.

Как только Доктор закончил говорить, в дверях фургона показался смотритель зверинца. Воротник его рабочей куртки был поднят, и по нему стекали капельки дождя.

— Вы где-нибудь видали хозяина? — спросил он.

— Мистер Блоссом поехал в Манчестер, — ответил Доктор. — Он сказал, что вернется к обеду, в два часа.

— Гм, — хмыкнул зритель. — Вот незадача! Что же мне делать?

— А что случилось? — поинтересовался Доктор. — Может, я смогу чем-нибудь помочь?

— Мне нужны деньги, чтобы купить сена и риса для животных. Хозяин обещал выдать их мне сегодня утром, а сам уехал. Продавец фуража принес мне еду для зверей, но не соглашается отдавать ее, пока я ему не заплачу. А звери ужасно голодны.

— Наверное, у мистера Блоссом это выскочило из головы, — сказал Доктор. — Давайте я сам заплачу за все, а когда директор вернется, он отдаст мне деньги. Сколько вам нужно?

— Тридцать шиллингов. За два воза сена и пятьдесят фунтов риса.

— Хорошо. Гу-Гу, принеси-ка сюда нашу копилку.

— Ну вот опять, опять! — не выдержала Даб-Даб. Она так рассердилась, что все ее перья затопорщились. — Вместо того, чтобы забрать у Блоссом свои деньги, вы опять оплачиваете его счета! Разве это ваша обязанность — кормить животных? Какой толк в том, что мы столько работаем? Никакого! Блоссом богатеет день ото дня, а вы становитесь все беднее и беднее! Вы, наверное, никогда не исправитесь!

— Но ведь животные не могут остаться голодными, Даб-Даб! — сказал Доктор, отдавая деньги зрителю. — Ты зря волнуешься, Блоссом вернет их мне.

Дождь поливал уже три дня подряд, и цирк еще не заработал ни пенни.

После того, как Доктор сделал номер с Беппо в Бриджтоне, артисты стали относиться к нему почти что с суеверным благоговением. Они понимали, что человек, который умеет разговаривать с животными на их языке, знает о них намного больше, чем обыкновенный директор цирка — такой, как Блоссом. На глазах у всех Доктор добился того, что очень многое в жизни цирка изменилось к лучшему. Поэтому все люди, работающие в заведении Блоссом, скоро стали считать главным не директора, а Джона Дулитла.

Когда смотритель зверинца ушел, в вагончике появился еще один человек, которому тоже нужны были деньги. И так продолжалось все утро. Через каждые пять минут к Джону Дулитлу кто-нибудь приходил и говорил, что Блоссом обещал ему заплатить тогда-то и тогда-то.

В результате всех этих визитов копилка Доктора (которая была довольно туго набита после двухнедельных выступлений Тяни-Толкая в Манчестере) снова опустела.

Наступило два часа дня, а потом и три часа, но мистер Блоссом все еще не возвращался.

— Видимо, он просто задерживается, — успокаивал Доктор Даб-Даб, которая с каждой минутой нервничала и сердилась все больше. — Он скоро вернется. Я не сомневаюсь в том, что Блоссом честный человек. Не волнуйся!

В половине четвертого в фургончик к Доктору ворвался Джип.

— Доктор! — воскликнул он. — Пойдемте скорее в фургончик Блоссом. Мне кажется, там что-то неладно.

— В чем дело, Джип? Что случилось? — спросил Доктор, берясь за шляпу.

— Мистера Блоссом там нет. Сначала я подумал, что дверь заперта, но потом решил на всякий случай толкнуть ее, и она открылась. Я увидел, что внутри никого нет, и сундук тоже пропал. Там не осталось почти никаких вещей. Сходите сами и посмотрите. Ну и дела! Все это мне кажется очень подозрительным.

ГЛАВА 5

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МИСТЕРА БЛОССОМА

Внимательно выслушав все, что сказал ему пес, Доктор озабоченно нахмурился. Он медленно надел шляпу и вышел вслед за Джипом под дождь.

В вагончике директора все было в точности так, как описал его четвероногий друг. Внутри не было ни души, а все мало-мальски ценные вещи исчезли. На полу валялось только несколько обрывков бумаги. В соседней комнате, которая служила спальней миссис Блоссом, Доктора встретила такая же картина. Казалось, что хозяева, которые собирались в невероятной спешке, покинули свой дом давным-давно.

Пока Джон Дулитл в недоумении озирался по сторонам, сзади кто-то тронул его за плечо. Это был Мэтью Магг.

— Довольно паршивая картина, а? — спросил он. — Чтобы взять деньги из банка, Блоссому совсем не нужен был сундук и все остальное. Сдается мне, что мы больше не увидим нашего славного доброго директора, как вам кажется?

— Подожди, Мэтью, — возразил Доктор. — Давай не будем спешить с выводами. Он сказал, что вернется. Наверное, он просто где-то задержался. Что же касается сундука и других вещей, то он может делать с ними все, что захочет. Ведь они — его собственные. Пока у нас нет доказательств, мы не можем ничего утверждать.

— Гм, — хмыкнул Продавец Кошачьей Еды. — Конечно, вам и подумать противно, что кто-то

может оказаться прохвостом. Но поверьте моему слову — вы можете проститься с денежками, которые заработали в Манчестере.

— У нас нет никаких доказательств, Мэтью, — повторил Доктор. — И послушай: если твои подозрения оправдаются, дело примет очень серьезный оборот для всех, кто работает в цирке. Пожалуйста, не говори пока о них никому, хорошо? Совершенно незачем будоражить людей, когда мы сами толком ничего не знаем. Давай сделаем вот что: ты потихоньку оседлай коня и отправляйся в Манчестер. Там разыщи мистера Беллами и спроси у него, не знает ли он, что случилось с Блоссомом. Поезжай скорее, а когда вернешься, все мне расскажешь.

— Хорошо, — сказал Мэтью, поворачиваясь, чтобы уйти. — Но я уверен, что мистер Беллами знает о том, куда делся Блоссом, не больше нас с вами. Наверняка, он уже где-нибудь поблизости от материка. Удирает так, что только пятки сверкают.

Джип, который был свидетелем этого разговора, выскочил за дверь и помчался в фургончик Доктора.

— Друзья, — объявил он, стряхнув с себя капли дождя, — Александр Блоссом смылся.

— Боже! — воскликнул Гу-Гу. — С нашими деньгами?

— Конечно, с деньгами, черт его подери! — рявкнул Джип. — С этими деньгами мы бы могли жить припеваючи до конца своих дней.

— Я знала это! — простонала Даб-Даб, всплеснув в отчаянии крыльями. — Я же говорила Доктору, что Блоссому нельзя доверять. Я с самого начала подозревала, что он проходимец. Сейчас он купается в роскоши, а мы отдаем свои последние пенсы, чтобы расплатиться с его долгами!

— Ну и что! — воскликнул Габ-Габ. — Даже лучше, что он сбежал! Теперь мы сможем сделать настоящий цирк, Цирк Доктора Дулитла, о котором все звери так мечтали. Ура! Наконец-то мы избавились от обманщика Блоссом. Как я рад, что он удрал!

— Из того, чего ты не знаешь, — яростно набросилась на поросенка Даб-Даб, — можно составить целую библиотеку! Как Доктор сможет управлять цирком, если у него нет ни пенни в кармане? Как он будет платить жалованье циркачам и аренду за землю? Чем он будет кормить зверей? Чтобы содержать цирк, нужны деньги, деньги и деньги — целая куча денег. Ты — ты просто прокисший пудинг! Ты только посмотри на этот дождь: целыми днями он льет как из ведра, и неизвестно, когда кончится. И за все это время к нам не пришло ни души! А целые вагоны животных проедают десятки фунтов в день! Задолженность артистам и рабочим растет каждую минуту! «Я рад, что он удрал!» Да ты, ты просто сосиска!

Когда Мэтью Магг ушел, Доктор сел на старый ящик в комнате Блоссом и задумался. Закурив свою трубку, он стал смотреть на барабанящий по грязным лужам дождь. Время от времени он вынимал из кармана часы и, взглянув на них, начинал хмуриться.

Через полчаса Доктор увидел, что к нему бежит Геркулес. Силач сбросил свой мокрый плащ у входа и зашел в вагончик.

— Говорят, что хозяин сбежал, — сказал он. — Это правда?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил Доктор. — Он поехал в Манчестер и

обещал вернуться к двум часам, но до сих пор его нет. Наверное, он где-то задержался.

— Ну ладно, — вздохнул Геркулес. — Будем надеяться, что он скоро вернется. Сегодня он должен заплатить мне жалованье за неделю. Мне нужны деньги.

Силач присел на пол рядом с Доктором, и они принялись болтать о погоде и народных приметах.

Через несколько минут к ним присоединился клоун Хоп со своим Свистком. Всем известно, что ничто не распространяется так быстро, как плохие новости. До него тоже дошел слух, что Блоссом удрал из цирка. И на этот раз Доктор попытался оправдать директора. Он сказал, что пока у них нет доказательств, директора нельзя ни в чем обвинять.

И друзья продолжили разговор о погоде. Правда, теперь он был уже несколько натянутым и не вызывал у собеседников большого интереса.

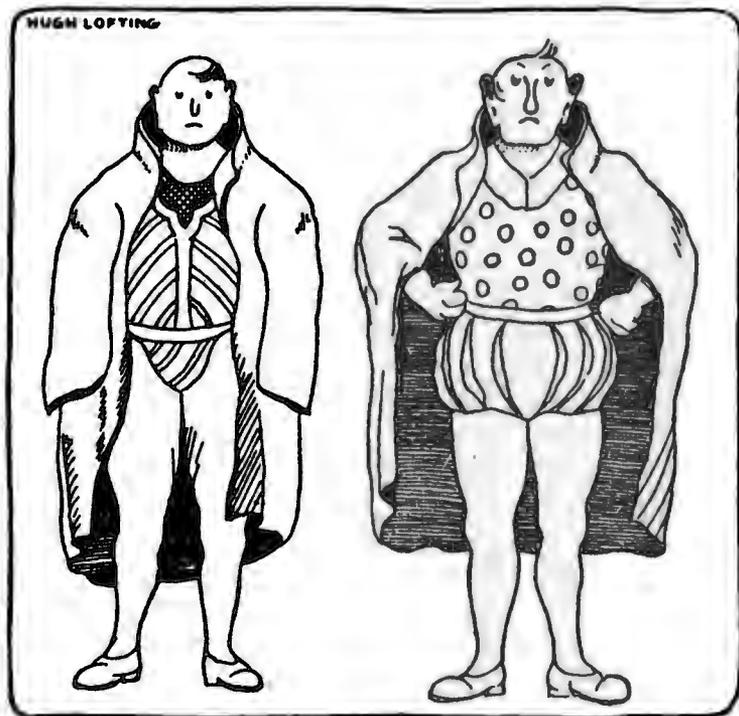
Вскоре пришли и братья Пинто, акробаты на трапеции. Они тоже хотели знать, куда подевался Блоссом и почему он не заплатил им в это утро жалованье, как обещал раньше.

Скоро Доктор, который с каждой минутой все больше недоумевал, почему не едет Блоссом, уже не мог говорить ни о чем другом, кроме как о его таинственном исчезновении.

Наконец в вагончик пришел бригадир рабочих.

— Это мне совсем не нравится, — угрюмо сказал он, когда услышал то, что слышали уже все остальные. — У меня жена и трое детей. Скажите на милость, чем я буду их кормить, если мне не заплатят? Уже сегодня моей хозяйке не из чего приготовить обед!

— Вот именно, — воскликнул один из братьев Пинто. — У нас с женой недавно родился малыш,

Появились братья Пинто, акробаты на трапеции.

нам тоже очень нужны деньги. Если Блоссом действительно удрал, мы должны сообщить об этом в полицию.

— Но мы же не знаем наверняка, что он сбежал, — продолжал настаивать Доктор. — Он может вернуться в любую минуту.

— А может и не вернуться, — вставил Геркулес. — Если он мошенник, то к тому времени, когда мы получим доказательства, он уже будет где-нибудь в Китае. И тогда ищи-свищи. Сейчас уже почти шесть. Братья Пинто правы. Что мы здесь сидим и гадаем? Надо послать кого-нибудь в Манчестер.

— Я уже послал туда своего помощника Мэтью Магга, — сказал Доктор.

— Гм, — хмыкнул один из акробатов, — значит, и у вас на душе беспокойно, Доктор? Когда он уехал?

Джон Дулитл снова взглянул на часы.

— Примерно четыре часа назад.

— Пора бы ему вернуться, — проворчал Геркулес. — Но я готов поклясться, что в Манчестере он не найдет и следа Блоссом. Да, ребята, похоже, что нас бросили. Хотел бы я, чтобы этот Блоссом сейчас здесь оказался! Он бы запел у меня соловьем! — И силач так крутанул своей ручищей-кувалдой в воздухе, как будто хотел свернуть кому-то голову.

— Не понимаю, — сказал рабочий. — С чего это он решил вдруг бросить все свое хозяйство и смыться?

— То, что он оставил, — это тьфу по сравнению с тем, что прихватил с собой, — возразил Геркулес. — Одному Богу известно, сколько денег он получил от Беллами за спектакли Доктора. Такие барыши его цирку никогда и не снились. К тому же, этот негодяй уже три недели подряд не платил нам

жалованье. Как к нему ни придешь — у него всегда найдутся отговорки. Я не сомневаюсь, что он давно задумал сбежать, — как только почувал большой улов.

— Что же нам теперь делать? — воскликнул клоун Хоп.

— Да, что нам делать? — повторили братья Пинто.

— Нам нужно выбрать нового директора, — сказал Геркулес, — такого, который смог бы позаботиться о цирке и вытащить нас из этой дыры.

ГЛАВА 6

ДОКТОР СТАНОВИТСЯ ДИРЕКТОРОМ ЦИРКА

Как только Геркулес произнес это, взгляды всех присутствующих устремились на Доктора.

— Доктор, — сказал силач. — Сдается мне, что нашим новым директором должны стать вы. Я готов побиться об заклад, что из вас получится отличный директор. А, ребята?

— Мы согласны, мы согласны! — закричали все. — Доктор — как раз тот человек, который нам нужен.

— Ну вот и прекрасно, — обрадовался Геркулес. — Доктор, от имени коллектива «Величайшего Цирка на Земле» я вручаю вам заведение покойного Александра Блоссом. Отныне и во веки веков ваше слово будет для нас законом.

— Но... Боже... — от растерянности Доктор начал заикаться. — Я же ничего не знаю, я никогда не был директором цирка, и кроме того, я...

— Нет, знаете, — перебил его Геркулес. — Разве не ваше выступление с Беппо принесло нам такой успех в Бриджтоне? Или не ради вас цирк пригласили в Манчестер? Кто, кроме вас, умеет разговаривать с животными? Никто. Нам нечего бояться — с вами мы не пропадем. Я уверен, что если вы станете директором, мы заработаем даже больше денег, чем с Блоссомом. Теперь вы можете распоряжаться нами, как хотите.

— Геркулес прав! — воскликнул Хоп. — Только подумайте, что с нами станет, если вы откажетесь! Только вы один можете вытащить нас из этого переплета!

Целую минуту Доктор ничего не отвечал. Он сидел на своем ящике и думал. Циркачи стояли с понурыми лицами и терпеливо ждали, что же он решит. Наконец Доктор повернулся к ним и сказал:

— Хорошо. Я не собирался задерживаться в цирке надолго, но сейчас я просто не имею права уйти. Как я могу бросить на произвол судьбы вас и всех тех животных, которым я обещал помочь? Если вы хотите, чтобы я стал директором, я попробую им стать. Но теперь мы будем работать совсем по-другому. Все будут партнерами в общем деле. Сколько мы заработаем, столько вы и получите. Вместо жалованья я буду выдавать каждому причитающуюся ему долю денег. Это значит, что когда наши дела будут идти плохо, — вы будете получать совсем немного, а когда хорошо — то очень много. Кроме того, я оставляю за собой право увольнять того, кого захочу, в любой момент, без предупреждения.

— Вот здорово! — закричал Геркулес. — Вот как надо управлять цирком — все партнеры, а хозяин один.

— Но я должен предупредить вас, — сказал Доктор, — что вначале нам придется очень тяжело. Мы будем много работать, а денег почти не будет. Ведь сейчас у нас нет ни пени, и пока не кончится дождь, мы не сможем ничего заработать. Может быть, мы даже влезем на какое-то время в долги. Правда, сначала нужно найти человека, который согласится открыть нам кредит. Ну как, вы готовы к этому?

— Готовы! Готовы! — закричали все. — Мы с вами, Док! Недовольных не будет! Вы тот директор, который нам нужен.

Уныние и отчаяние, охватившее циркачей минуту назад, сменились радостным оживлением. Они улыбались и поздравляли друг друга.

Посреди этого веселья в вагончике появился Мэтью Магг. Вместе с ним приехал и сам мистер Беллами.

— Я очень сожалею о том, что произошло, — сказал директор Амфитеатра, обращаясь к Доктору. — Я выдал этому негодяю Блоссому две тысячи фунтов, и он сбежал вместе со всеми деньгами, даже не расплатившись с торговцами. Они первыми пришли ко мне и сказали, что Блоссом их обманул. А потом уже прибыл и ваш мистер Магг. Мы сообщили обо всем в полицию, но я сомневаюсь, что они смогут поймать этого мерзавца. Он, наверное, уже очень далеко. Вы лучше возвращайтесь в Манчестер, и я снова предоставлю вам место в моем парке. Вы сможете выступить там до тех пор, пока не заработаете столько денег, сколько вам будет нужно.

— Ура! — закричал Хоп. — И посмотрите, дождь кончился. Наконец-то счастье улыбнулось нам. Ура Цирку Доктора Дулитла!

— Простите, — раздался вдруг позади чей-то тихий и вежливый голос. — Могу я видеть Доктора Дулитла?

Все обернулись и увидели, что на пороге стоит какой-то невысокий и худощавый господин. В дверном проеме за его спиной ярко светило солнце.

— Это я, — ответил Доктор.

— Очень рад с вами познакомиться, — сказал маленький господин. — Я представитель фирмы театральных продюсеров. Не могли бы вы приехать со своей труппой на гастроли в Лондон в следующем месяце? Если, конечно, вас еще не ангажировали на это время.

— Ха! — воскликнул Геркулес. — Ну, что я вам говорил? В первую минуту, как он стал директором,

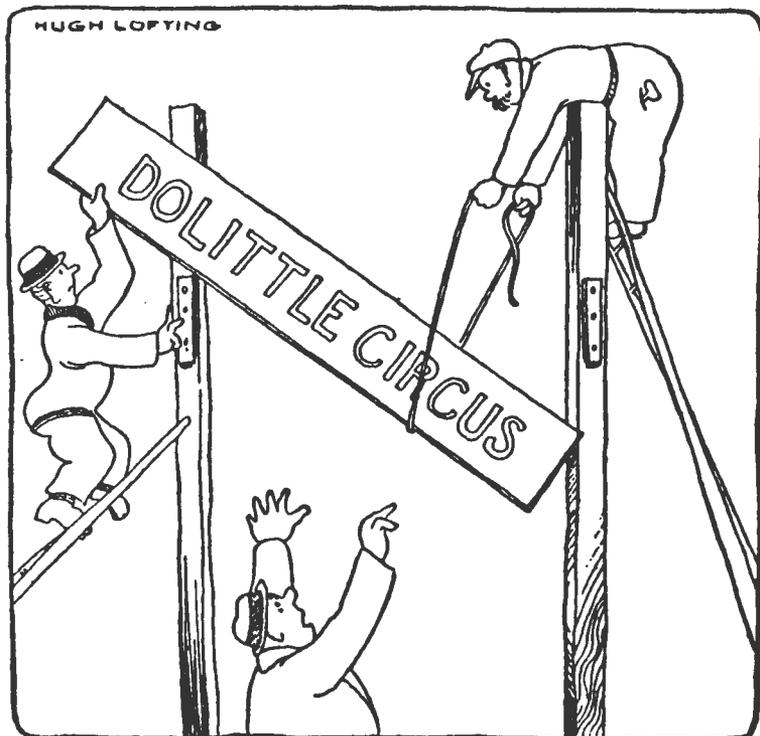
нас пригласили в Манчестер, а во вторую — в Лондон. Да здравствует наш Доктор!

Этот день стал самым счастливым для всех обитателей цирка — и людей, и животных. Как только среди циркачей разнеслась молва, что теперь их директором будет Джон Дулитл, все — и рабочие, и артисты, и мальчишки-конюхи — побежали поздравлять его. Каждому хотелось сказать Доктору, как он будет рад работать под его руководством.

Теперь, когда дождь кончился, у всех поднялось настроение, и сразу закипела работа. Первым делом циркачи сняли старую вывеску «Величайший Цирк на Земле», а на ее место водрузили новую: «Цирк Доктора Дулитла». Конечно, это было не такое броское название, но в действительности цирку Доктора Дулитла суждено было стать намного более известным и прославленным, чем когда-либо был цирк Блоссомы.

Мистер Беллами старался чем мог помочь циркачам, оставшимся без гроша. Он предложил Доктору денег взаймы, но тот, не желая влезать в новые долги, отказался. Он только попросил директора Амфитеатра поговорить с торговцами, чтобы те давали им продукты в кредит, пока цирк не заработает хоть немного денег. Нечего и говорить, что мистер Беллами был очень известной фигурой как в Манчестере, так и за его пределами, и все лавочки того городка, где расположился Цирк Дулитла, его прекрасно знали. Поэтому торговец зерном, зеленщик, бакалейщик, мясник и многие другие с готовностью согласились выполнить просьбу директора Амфитеатра.

Переезд в Манчестер означал новые расходы, поэтому Доктор решил не возвращаться туда, а остаться в том городке, где они были. Погода нала-

Вместо старой вывески водрузили новую:
«Цирк Доктора Дулитла».

дилась, и к ним стало приходиться все больше и больше народу. К тому же, приезд мистера Беллами и его визиты к местным лавочникам возбудили любопытство горожан — всем захотелось взглянуть на цирк, о котором так заботился знаменитый директор Амфитеатра. Популярности Цирка Доктора Дулитла способствовало, как ни странно, и само бегство Блоссомы с деньгами. Как только в Манчестере стало известно, что «Падлбийская пантомима» ограблена и брошена без средств к существованию в маленьком городке, все газеты стали писать только об этом. И внезапно жители городка обнаружили, что эта самая знаменитая «Падлбийская пантомима» находится у них, а они ее даже не замечали, пока не прочитали о ней в газетах.

После этого все только и говорили, что об ограблении, каждому ужасно хотелось посмотреть и на пантомиму, и на Доктора, и на его знаменитых актеров. Народ валом повалил в Цирк Доктора Дулитла.

Как вы уже знаете, это был небольшой город, но за три дня циркачам удалось заработать достаточно денег, чтобы вернуть все долги и купить провизии еще на несколько дней. После этого даже кое-что осталось, и Доктор заплатил каждому жалованье, правда, очень-очень маленькое.

Опытный бухгалтер Гу-Гу трудился с утра до вечера. Ведь теперь ему пришлось не только считать деньги, заработанные Тяни-Толкаем, но и вести тщательный учет всех средств, поступающих в цирк. А это было не таким простым делом. Сначала Гу-Гу подсчитывал общий заработок, потом вычитал из него те деньги, которые они должны были заплатить лавочникам, а потом уже делил оставшуюся сумму между всеми циркачами. Причем жало-

ванье каждого зависело от того, сколько он работал. Например, рабочие и кучера, которые работали всего два раза в неделю, получали меньше, чем артисты, которые выступали в аттракционах два раза в день. Но чем лучше шли дела цирка, тем больше получал каждый, и наоборот.

Хотя почти все циркачи стойко переносили те первые тяготы, о которых предупреждал Доктор, все же нашлось несколько человек, которые были недовольны, что им сразу не заплатили большого жалованья. Джон Дулитл и сам был рад избавиться от таких работников, и потому, как только у него появились деньги, он тут же расплатился с ними и уволил их. Таким образом, новый цирк Доктора Дулитла начал свое существование в меньшем составе, чем цирк Блоссом закончил. Зато теперь там не было никакого обмана, а все, кто работал в нем — и люди, и животные, — стали настоящими друзьями. Они были полны надежды и счастливы, что теперь у них появился такой замечательный директор.

ГЛАВА 7

МЭТЬЮ МАГГ — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА

Не только счетовод Гу-Гу, но и домохозяйка Даб-Даб были необычайно заняты в эти дни.

— Знаете, — сказала утка как-то вечером Джипу и Гу-Гу, — хотя все складывается очень удачно и я совсем не хочу отравлять всеобщую радость, мне кажется, что нашему Доктору нужен помощник. Конечно, никто лучше него не придумает пьесу для зверей или какой-нибудь новый номер, но вести дела он совершенно не умеет. Я знаю, что произойдет: все его партнеры — и Геркулес, и Хоп, и Пинто — скоро разбогатеют, а он так и останется бедным. Только вчера вечером Доктор говорил мне, что собирается отправить опоссума домой в Вирджинию: он хочет лазить по деревьям при лунном свете, а здесь, видите ли, не те деревья и не тот лунный свет. Я сказала ему, что в Англии луна абсолютно такая же, как в Вирджинии. А он ответил, что нет, не такая: у нас она недостаточно зеленая. Представляете, во сколько нам обойдется билет до Америки? Я уверена, что как только Доктор заработает на него деньги, он тут же отправит опоссума домой. Он уже говорил мне и о льве, и о леопарде — что таких больших диких зверей нельзя держать в неволе. Ох, если бы у нас был еще один управляющий, который умеет вести дела! Он бы приглядывал за нашим Доктором.

— Ты права, — вздохнул Джип. — Доктору нужен помощник. Но знаешь, я очень надеюсь на

Мэтью Магга — он совсем не такой простак, как кажется.

— К тому же он очень добрый, — вставил Свисток. — Как только он увидит меня или Тоби, сразу же достает из кармана косточку и бросает ее нам.

— Да, — подтвердил Джип. — Раньше он как раз этим и занимался — доставал для кошек еду. У него и вправду очень доброе сердце. И в делах он тоже кое-что смыслит. Ведь это он договорился о наших гастролях в следующем городе. Доктор совершенно не знал, как это делается. Он посоветовался с Мэтью, и тот сразу же отправился туда и все разузнал: когда там бывает ярмарка, сколько нужно будет платить за землю, сколько стоит фураж и тому подобное. Я не раз слышал, как Мэтью хвастался, что он — партнер знаменитого циркового артиста и доктора медицины Джона Дулитла. Он умеет набить цену и себе, и нашему цирку, а это не так уж плохо. Он заставил Доктора напечатать афиши, и их уже расклеили по всему Тилмауфу, где мы будем скоро выступать. Да, я очень надеюсь на Мэтью. Он хороший человек.

И все согласились, что было бы совсем неплохо, если бы Мэтью, как выразилась Даб-Даб, приглядывал за Доктором. Ведь теперь, когда уже ничто не мешало Джону Дулитлу осуществить все прежние замыслы, он мог бы так ими увлечься, что непременно разорился бы.

Цирк Доктора Дулитла очень отличался от всех других цирков, которые существовали до этого в Англии. Во-первых, Доктор настоял на том, чтобы циркачи обращались с публикой очень вежливо; во-вторых, он запретил им говорить

неправду о своих аттракционах. Ведь они привыкли называть их «самыми грандиозными на свете», а своих животных «единственными в неволе». Каждый старался, как мог, расхвалить себя и свой номер.

Доктор положил этому конец. Он попросил артистов говорить публике только то, что есть на самом деле, — чтобы никто не чувствовал себя обманутым, когда уходил из цирка. Вначале это очень не понравилось Мэтью Маггу. Он стал убеждать Доктора, что если не набить себе цену, то и народу придет очень мало. Однако вскоре выяснилось, что Доктор был прав. Когда люди увидели, что все, о чем написано в афишах, — правда, Цирк Доктора Дулитла приобрел репутацию самого честного, и от посетителей не стало отбою.

Мэтью не нравилось также и то, что Доктор решил устраивать бесплатное чаепитие для всех посетителей.

— Вы же разоритесь, Доктор! — говорил он. — К нам приходят тысячи людей, и вы хотите бесплатно напоить их всех чаем! Ведь у нас цирк, а не гостиница и не приют для вдов и сирот.

— Но, Мэтью, — возражал Доктор. — Люди, которые приходят к нам, — мои гости. Некоторые идут сюда издалека, да еще и несут на руках детей. Разве им не приятно будет выпить чашечку чая? Это ведь такой хороший обычай. Я сам чувствую себя ужасно, если не выпью днем чаю. К тому же, если мы будем закупать чай и сахар на вес, это обойдется нам не так уж и дорого. А твоя Теодозия будет его готовить.

И чаепитие для посетителей стало доброй традицией. А потом к ней прибавилась еще одна — всем детям, которые приходили в его цирк, Док-

*Всем детям Доктор бесплатно
раздавал пакетики с леденцами.*

тор бесплатно раздавал пакетики с мятными леденцами. И вскоре то, что предсказывал Доктор, сбылось: в том городе, где пути Цирка Дулитла пересекались с каким-нибудь другим цирком, артисты Доктора зарабатывали вдвое больше — потому что люди знали, что в Цирке Доктора Дулитла их напоят чаем и будут обращаться с ними вежливо и честно.

ГЛАВА 8

ЦИРК ДОКТОРА ДУЛИТЛА

До гастролей в Лондоне оставалось шесть недель. По дороге туда циркачи собирались остановиться еще в трех городах. Первым из них был Тилмауф. Там-то Доктор и угодил опять в тюрьму — правда, всего на одну только ночь. Вот как это произошло.

Нечего и говорить, что все звери, которые работали в заведении Блоссомы, обрадовались даже больше, чем люди, когда их директором стал Доктор. Но и сам Джон Дулитл не забыл о своих обещаниях. Как только у него появились деньги, он отправился в зверинец, чтобы расспросить животных, какие у них есть жалобы. Жалоб было хоть отбавляй. Прежде всего, каждому хотелось, чтобы его вольер заново покрасили. И все клетки были отремонтированы и покрашены в тот цвет, который больше всего нравился его обитателю.

После этого последовала и другая жалоба. Правда, ее Доктору приходилось выслушивать уже не раз. Лев и леопард устали жить в заточении. Они мечтали выбраться из своих тесных клеток и немного поразмяться на воле.

— Мне и самому жалко держать вас взаперти целый день, — вздыхал Доктор. — Если бы я мог, я бы сейчас же отправил вас домой в Африку и выпустил на свободу в джунгли. Все дело в деньгах. Как только мы их заработаем, я постараюсь вас освободить.

— Если бы мы могли погулять на воле хотя бы несколько минут в день, — сказал лев, грустно глядя на зеленые холмы вдалеке, — нам было бы не так тяжело.

— Да, — вздохнул леопард. — Это бы очень скрасило нашу жизнь. Я уже так устал сидеть в этой проклятой тесной коробке!

Голос леопарда был таким грустным, а морда льва такой несчастной, что Доктор не выдержал.

— Послушайте, — сказал он. — Если я разрешу вам выходить на прогулку каждый вечер, вы дадите мне одно обещание?

— Какое угодно! — хором воскликнули оба зверя.

— Скажите мне честно, если я выпущу вас на полчаса, вы вернетесь сами в свои клетки?

— Конечно, вернемся.

— Дайте мне честное слово, что вы не будете есть людей.

— Честное слово, не будем.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Теперь каждый вечер, когда все посетители уйдут, я буду открывать ваши клетки и выпускать вас на полчаса погулять, договорились?

Сказано — сделано. Скоро вечерние прогулки льва и леопарда стали такой же традицией в Цирке Доктора Дулитла, как бесплатное чаепитие и раздача мятных леденцов детям. Каждый вечер Доктор выпускал хищников из зверинца, и через полчаса они добровольно возвращались обратно. Какое-то время все шло на удивление гладко. Циркачи вскоре поняли, что звери не собираются нарушать данное Доктору слово и нападать на людей. И даже Теодозия вскоре перестала пугаться, когда ненароком натыкалась в темноте на льва или леопарда, которые возвращались к себе в вольеры после вечерней прогулки.

— Почему я не додумался до этого раньше? — удивлялся Доктор. — Ведь звери работают целый день так же, как люди. Разве они не заслуживают небольшого отдыха на свободе? Пусть погуляют и порезвятся хотя бы ночью.

Когда лев с леопардом выходили из цирка, они вели себя очень осторожно. Чтобы никого не испугать, они старались не попадаться людям на глаза. Тем более, что люди их вообще не интересовали: им порядком надоели назойливые взгляды посетительниц, которые толпились целый день у их клеток. Но однажды вечером, когда цирк только приехал в Тилмауф, случилась такая история.

Около десяти часов в фургончик Доктора прибежал Мэтью Магг.

— Доктор! — воскликнул он. — Лев не вернулся! Я пошел запирать клетки и увидел, что его нет. А выпустил я его уже час назад!

— Боже! — закричал Доктор и, вскочив на ноги, бросился в зверинец. — Он не мог убежать — ведь он дал мне слово. Лишь бы с ним ничего не случилось!

В зверинце Доктор сразу же побежал к клетке с леопардом и спросил, не знает ли он, где лев.

— Наверное, он заблудился, — ответил леопард. — Мы вышли с ним вместе и пошли по вересковой пустоши на северо-восток. По дороге нам попалась речка, и мы решили поискать, где ее можно перейти вброд. Лев пошел вверх по берегу, а я вниз. Но мне не везло — речка становилась все шире и глубже. А потом я услышал, как часы на городской ратуше пробили десять, и пошел назад. Я думал, что лев уже дома, но когда пришел сюда, то увидел, что его здесь нет.

— Вам не встретился никто из людей? — спросил Доктор.

— Ни единой души, — ответил леопард. — По пути мне попалась ферма, но я ее обошел, чтобы никого не напугать. Не волнуйтесь, Доктор, лев скоро вернется.

Всю ночь Доктор не ложился спать. Он даже сходил к той речке, про которую ему рассказывал

леопард и поискал льва там, но его и след простыл.

Наступило утро, а лев так и не вернулся. Доктор начал ужасно волноваться. Однако пора было открывать цирк, и он пошел встречать первых посетителей. Все утро он был очень занят, и это, к счастью, отвлекало его от тревожных мыслей о пропавшем животном.

Во время чаепития Доктор, как обычно, играл роль радушного хозяина, а Теодозия бегала от столика к столику, разливая чай. В этот день народу в цирке было особенно много. Фермеры и горожане, принарядившись по случаю воскресенья, пришли сюда развлечься и отдохнуть.

Вдруг, когда Доктор проходил между столиками, предлагая дамам блюдо с пирожными, он заметил мистера льва, который неторопливым шагом возвращался в цирк через главные ворота. Так как все были заняты чаепитием, а лев старался идти очень тихо, никто не обращал на него внимания. Доктор надеялся, что ему удастся добраться до своей клетки незамеченным. Но — увы! Когда до эверинца оставалось всего несколько шагов, из балагана братьев Пинто вышло семейство фермера и наткнулось прямо на льва. Что тут началось! Женщина издала пронзительный вопль, схватила ребенка на руки и бросилась бежать. Фермер с испугу кинул свою дорожную палку прямо льву в нос и тоже пустился наутек. Дамы завизжали, повсюду начали опрокидывать столики, а какой-то глупец даже выстрелил из ружья. Бедный лев, до смерти испугавшись, развернулся и со всех ног бросился вон из цирка.

В конце концов публику удалось немного успокоить, но выходной день был испорчен. Никому уже больше не хотелось развлекаться, и вскоре цирк опустел.

Таким образом, появившись всего на несколько минут, мистер лев снова исчез. Доктор очень испугался, что после такой ужасной встречи он вообще не решится вернуться в цирк, а найти его теперь будет еще труднее, чем прежде.

Но только Джон Дулитл собрался отправиться на поиски льва, как к нему пришли двое полицейских и арестовали его. Они сказали, что Доктор обвиняется в том, что разрешает хищникам разгуливать на свободе, подвергая опасности жизнь граждан. Кроме того, оказалось, что лев забрался в чей-то курятник и съел там всех кур. Вскоре объявился и хозяин этих кур. Когда Доктора вели в тюрьму, он бежал за ним по пятам и, ругаясь на чем свет стоит, требовал возмещения всех убытков.

Эту ночь Доктор провел в тюрьме. Лев же к тому времени нашел себе убежище в подвале одной пекарни. Однако ни пекарь, ни кто-либо другой не решались вывести его оттуда. Все жильцы дома были так напуганы, что даже не легли спать. Они послали в цирк гонца с просьбой забрать хищника. Но хитрый Мэтью Магг, который прекрасно знал, что со львом легко может справиться любой из циркачей, сказал, что один только Доктор не боится подходить к животному, и если они хотят, чтобы льва забрали, пусть скорее бегут в тюрьму и просят освободить Джона Дулитла.

Поэтому, как только рассвело, Доктора выпустили из тюрьмы.

Он сразу же отправился в пекарню, чтобы поговорить со львом.

— Мне страшно стыдно, Доктор, — начал оправдываться тот, — но я заблудился. Всю ночь я бродил по этому полю и только к утру отыскал свои старые следы. Я так старался незаметно проскользнуть в

цирк. Но когда этот болван выстрелил из ружья, я ужасно испугался и поэтому убежал.

— Ну, а цыплята? — спросил Доктор. — Ты же обещал мне никого не трогать, когда будешь гулять на свободе?

— Я только обещал не трогать людей, — возразил лев. — Вы не представляете, как мне хотелось есть после этой ночной прогулки. Я просто умирал с голоду. Сколько они с вас требуют за этих кур?

— Девять фунтов, десять шиллингов и шесть пенсов, — ответил Доктор. — Всего одиннадцать цыплят — по полкроны за каждого.

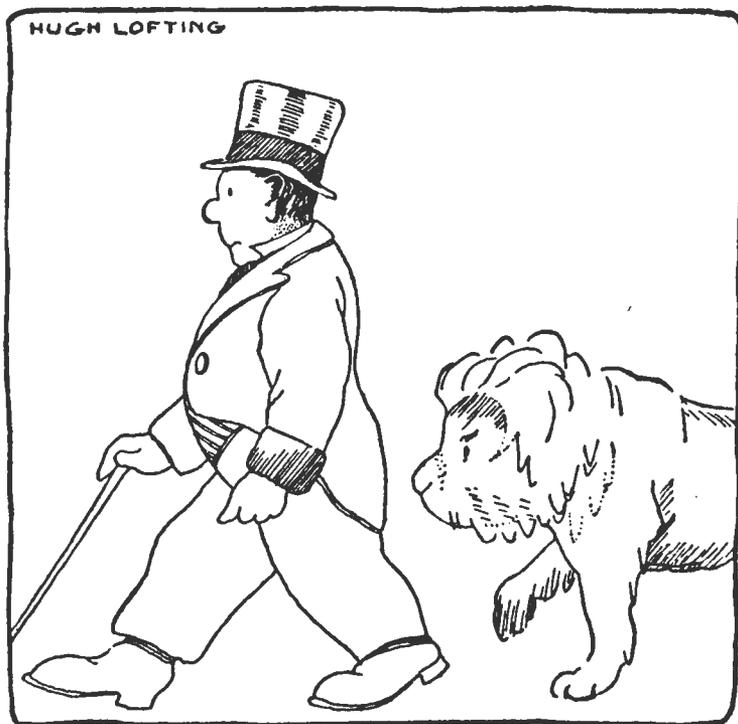
— Да это же грабеж среди бела дня! — воскликнул лев. — Я в жизни не ел более невкусных и жестких цыплят! К тому же, их было девять, а не одиннадцать.

— Ладно. В следующий раз, — сказал Доктор, — я сам буду сопровождать тебя во время прогулок.

И он повел льва домой. А испуганные жители наблюдали сквозь замочные скважины, как этот страшный зверь шествует по улицам за Джоном Дулитлом — покорный и тихий, словно ягненок.

Теперь, когда Доктор мог устроить животным такую жизнь, о которой он всегда мечтал, ему очень нравилось работать в цирке. А бедная Даб-Даб начала понимать, что у нее остается все меньше шансов вернуть Доктора в Падлби.

Вы уже знаете, что любимым занятием Джона Дулитла в свободное время было придумывать новые спектакли и аттракционы с участием зверей. Он всегда старался, чтобы они понравились прежде всего детям, а потом уже взрослым. Успех Говорящей Лошади и Падлбийской Пантомимы натолкнули Доктора на мысль, что его умение разговаривать с животными может сослужить ему отличную службу. Например, тех змей, которых он купил у Фати-

Доктор повел льва домой.

мы, Доктор научил выступать со своим собственным номером. Вместо шатра, в котором сидела глупая и толстая Фатима, выдававшая себя за заклинательницу змей, в Цирке Доктора Дулитла поставили еще один балаган, в котором змеи давали свое представление совершенно самостоятельно, без помощи людей. Под аккомпанемент музыкальной шкатулки они исполняли необычный, но очень грациозный танец. Это было что-то среднее между кадрилию и детской игрой в веревочку. (Знаете, когда веревочка натягивается между пальцами обеих рук, и играющие запутывают или распутывают ее, чтобы получились разные фигуры.) Так вот, змеи плавно скользили по сцене, раскачиваясь в такт музыке на своих хвостах, потом, выстроившись парами, кланялись друг другу и, свиваясь в кольца, образовывали одну длинную цепочку. Кроме того, они делали и тысячу других удивительных вещей, которые публике еще никогда не приходилось видеть.

Со временем почти все без исключения аттракционы, в которых выступали животные, стали исполняться ими самостоятельно, без участия людей. Их было очень много, и каждый был сделан таким образом, чтобы подчеркнуть неповторимые особенности того или иного животного. Например, в номере змей публике демонстрировалась их необычайная грациозность, так как, по мнению Джона Дулитла, змея была самым грациозным существом на свете. Слон же, наоборот, ворочал на сцене тяжести, показывая зрителям свою фантастическую силу, а не делал разных глупых трюков, балансируя на одной ножке, как это обычно принято в других цирках.

— Люди не должны вмешиваться в представления зверей, — сказал как-то раз Доктор Мэтью Маггу. — Аттракционы Геркулеса, Хопа или акро-

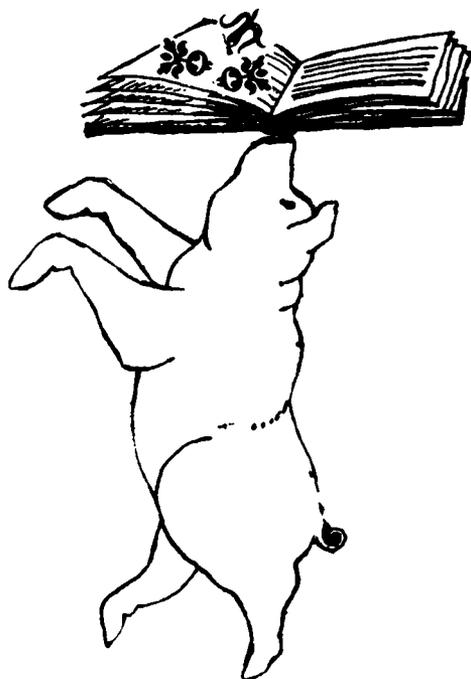
батов — это совсем другое дело. Они показывают всем свое искусство. Но скажи мне, зачем нужен на сцене какой-то глупый дрессировщик, который, щелкая хлыстом, заставляет льва прыгать через кольца? Люди привыкли думать, что сами животные ни на что не способны. Но я уверен, что если им не мешать, они придумают аттракционы намного лучше наших. Только им надо объяснить, какие вещи кажутся людям смешными. Ты знаешь, ведь животные намного остроумнее человека. Просто люди слишком глупы, чтобы понять их чувство юмора. То, что обычно смешит зверей, совсем не трогает нас. Мне все время приходится упрашивать их опуститься до нашего уровня и делать свои шутки более... э... грубыми и плоскими. Иначе люди могут их совсем не понять.

Теперь вы видите сами, что Цирк Доктора Дулитла стал совершенно новым и необычным цирком. Каждого, кто приходил туда, встречали так тепло и радушно, что ему казалось, что он попал в большую и добрую семью.

Там не существовало почти никаких запрещающих правил для посетителей. Если какому-нибудь мальчишке хотелось заглянуть за кулисы, или зайти в вольер к слону, его непременно туда пропускали. Одно только это делало Цирк Доктора Дулитла непохожим на все остальные. И когда артисты уезжали из того города, где только что выступали, их всегда провожали дети. Они бежали за фургончиками несколько миль подряд, а потом вспоминали цирк еще очень долго и терпеливо ждали, когда же он снова вернется в их город. Ведь каждый ребенок знал, что Цирк Доктора Дулитла — это цирк для детей.

КУХОННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ПОРОСЕНКА ГАБ-ГАБА

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ*

*Профессор Габ-Габ извещает, что в связи с удорожанием жизни издание остальных 19 томов этого грандиозного труда временно приостановлено.

Hugh Lofting
Gab Gabs book
An encyclopedia of food
1932

Перевод с английского
Е.Л.Новицкой

ТОММИ СТАББИНС, СЫН САПОЖНИКА ИЗ ГОРОДКА
ПАДЛБИ-НА-БОЛОТЕ, ОБЪЯСНЯЕТ ЧИТАТЕЛЮ, ЧТО ЗА
КНИГУ ТОТ ДЕРЖИТ В РУКАХ.

Никогда бы не подумал, что написать книгу про Габ-Габа окажется так трудно, куда труднее, чем про Доктора Дулитла. И, однако, это истинная правда.

Когда я работал у Доктора секретарем, мне частенько случалось засиживаться допоздна, разбирая его записи, в которых полно было всяких формул и графиков, — но все было проще и вот почему: добрый Доктор всегда приходил на помощь, если работа стопорилась.

Габ-Габу не нужны были формулы и графики, но зато когда попадалось трудное место, выпутываться приходилось без него. Доктор Дулитл сам написал уже много книг и был очень опытным писателем, а у Габ-Габа — хотя он хотел, чтобы все его считали величайшим сочинителем в мире, — опыта никакого не было. И все же в недостатках этой книги (если они есть) виноват не один Габ-Габ. Наверное, я просто не гожусь для такой работы. Из меня не вышло бы хорошего редактора (редактор — это такой человек, который умеет ловко расставить слова, понятно и красиво пере-сказать то, что произнесли или написали другие). Но во времена, когда была придумана эта книга, очень немногие люди, кроме нас с Доктором,

понимали язык зверей. Когда-нибудь их, без сомнения, будет больше.

У Доктора, конечно, получилось бы гораздо лучше; я надеялся, что он и возьмется за эту работу. Габ-Габ просил меня уговорить его. Однако наш разговор слышала утка Даб-Даб. А она — хоть и была простой уткой — очень хорошо заботилась о Докторе Дулитле и его доме.

— Томми Стаббинс, — сказала она мне (очень строго), — если ты будешь приставать к Доктору с глупыми каракулями этого бестолкового поросенка, тебе не поздоровится. У бедняжки серьезных дел по горло, некогда ему возиться с пороссячьей болтовней о еде.

— Но, Даб-Даб, — возразил я, — в конце концов без еды и люди жить не могут. А я прочел то, что написал Габ-Габ на пороссячем языке: там немало интересного — и очень забавного.

— Вот именно, Томми, — ответила она, топорща перья. — Он рассказывал мне кое-что из того, что хочет включить в книгу. Он все время старается придумать что-нибудь позабавнее. А питание — очень серьезное дело. С ним шутки плохи.

— Да будет тебе, Даб-Даб, — сказал я, — совсем это не так. Еда — это должно быть весело. Если кто-то умирает от голода, тогда, конечно, все довольно грустно. Но ты сама слишком серьезно относишься к жизни.

— Ну, — сказала Даб-Даб, разводя крыльями, — у меня для этого немало причин — при такой-то семейке. Но Доктор слишком занят. И значит, выход только один. Если книгу Габ-Габа так уж необходимо переводить на человеческий, почему бы, Томми, тебе самому не взяться за это?

Подумав хорошенько, я согласился с нашей домоправительницей. У бедного Доктора Дулитла, который с утра до вечера и даже ночью лечил больных зверюшек, что толпились у дверей, да еще писал книги по ветеринарии и биологии, в самом деле не было времени.

Вот как получилось, что я сам взялся за перевод.

Узнав, что труд, над которым он так долго корпел, наконец-то издадут, напечатают на настоящем печатном станке и будут продавать в книжных магазинах, Габ-Габ был на седьмом небе от счастья.

Он только немножко огорчился, когда я сказал ему, что, наверное, не смогу поместить в книге его собственные картинки. Я бы с удовольствием. Но... м-м... рисунки Габ-Габа были типично поросячьими рисунками, и ни один печатник не смог бы их воспроизвести. Ведь Габ-Габ был не такой художник, как все. Он редко рисовал карандашами или красками. Обычно он создавал свои полотна грязью на стенах хлева. А одно (портрет Короля пикников) он написал сиропом от малинового варенья и мятным желе. Я сказал ему, что мне очень жаль, но, возможно, печатникам будет немного легче работать, если я сам сделаю рисунки, и не мятным желе, а обыкновенными красками.

Мои иллюстрации, к сожалению, далеко не так своеобразны и выразительны, как те, что делал Габ-Габ. Но по крайней мере одного у них не отнимешь: я, как мог, старался выполнить все, о чем просил наш писатель. Поросенок стоял у меня за спиной и хрюкал, объясняя, что нужно изменить или поправить, пока не получалось так, как он хотел.

Но увы! Когда я приступил к тому, что он написал (конечно, не буквами, а значками Поросячьей азбуки Доктора Дулитла), оказалось, что задача куда слож-

ней, чем я думал. Во-первых, было очень трудно читать. Переводить письменный поросячий на человеческий нелегко. Язык, на котором разговаривают, вернее хрюкают, довольно прост — если приноровиться. Но Габ-Габ, хотя Доктор Дулитл и занимался с ним чистописанием, был очень неаккуратным писателем. Страницы рукописи пестрели кляксами — большими жирными кляксами. А кляксы получались потому, что за работой Габ-Габ ел спелые помидоры — от помидоров, говорил он, у него появлялись мысли в голове. И, конечно, помидорный сок капал на бумагу и смешивался с чернилами.

А сколько же он написал! Вместо обычной писчей бумаги Габ-Габ использовал коричневую оберточную. К тому же он терпеть не мог мелкий аккуратный — кривлячий, как он говорил, — почерк. И вот целый чердак докторского дома был набит от пола до потолка огромными листами коричневой бумаги, исписанными размашистыми неряшливыми значками. Это и была его рукопись (хрюкопись, как звала ее Даб-Даб).

Некоторые читатели помнят, что когда наш поросенок впервые объявил звериному семейству Доктора Дулитла, что собирается написать книгу об Искусстве питания, он сказал, что назовет ее «Краткая кухонная энциклопедия в двадцати томах». Не забудем: Габ-Габ знал о еде так много, что двадцать томов для столь высокоученого мужа — сущий пустяк.

Поэтому мне пришлось огорчить его еще раз, объяснив, что я вынужден сократить его произведение до размеров обычной печатной книги.

А когда из горы его записей я отобрал то, что, как я думал, будет интереснее всего читателям-людям, мне показалось, что книге пойдет на пользу,

если я добавлю рассказ о том, как Габ-Габ собирал эти сведения, и — ну, еще кое-какие мелочи.

Я вовсе не хочу сказать, что написал книгу вместо Габ-Габа. Просто мне пришлось в придачу к длине немножко изменить и ее форму. Я долго думал, как лучше ее построить. И вот что я в конце концов придумал.

Наш писатель имел обыкновение читать то, что написал, любому, кто согласится послушать. Как только он заканчивал новую главу, он немедленно пробовал ее на ком-нибудь из обитателей докторского дома. Обычно это происходило по вечерам, когда перед сном звери собирались вокруг очага. Постепенно у них: собаки Джипа, филина Гу-Гу, утки Даб-Даб, городского воробья Чипсайда, белой мышки — а иногда к ним присоединялся и я — вошло в обычай сходитьсь после ужина в уютной кухне, а Габ-Габ, восседая за столом, читал нам свою рукопись. А частенько он удивлял нас целыми лекциями, разъясняя непонятные места. Он называл это «авторские чтения».

Слушатели, конечно, высказывали свои мнения, говорили, что им понравилось, что нет — порой не слишком вежливо. Многие их замечания — и за, и против — показались мне достойными того, чтобы войти в книгу. Однако авторские чтения продолжались много недель, собственно говоря, даже несколько месяцев. Поэтому мне опять пришлось все сокращать. В конце концов, как увидят читатели, в рукописи, которую я отдал печатать, я оставил десять таких вечерних чтений, сделав из них десять глав. Каждая представляет собой точную запись всего, что происходило, не пропущено ни одно слово, произнесенное самим Габ-Габом или теми, кто его слушал.

Итак, мы начинаем...

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

— **А**х-ты-Господи-ты-Боже-мой! — воскликнула Даб-Даб, влетая в комнату и с грохотом швыряя на стол поднос. — Этот негодный поросенок меня в могилу сведет!

— Что он еще натворил? — поинтересовался Джип.

— Что натворил? — возмутилась Даб-Даб. — Я думала, моему терпению пришел конец, когда он стал называть себя «Габ-Габ, Д.С.Н.», но...

— Что такое Д.С.Н.? — спросила белая мышка.

— Доктор Салатных Наук, представьте себе, — фыркнула Даб-Даб. — Это уже никуда не годилось. Но теперь он раздобыл пару очков Доктора Дулитла — без стекол, одну черепаховую оправу — и носит не снимая. Он думает, что так больше похож на писателя. Слоняется по всему дому, нацепив их на пяточок, и декламирует куски из своей дурацкой книги.

— Пи-пи-пи, — прыснула мышка. — Ну и зрелище! Хотя знаешь, Даб-Даб, это, наверное, очень интересная книга. «Кухонная энциклопедия». Не знаю, правда, что такое энциклопедия, наверное, что-нибудь ужасно вкусное — и очень большое, чтобы надолго хватило. Надеюсь, Габ-Габ не забыл про сыр.

— Тебя послушать, так книги надо прямо из сыра делать, — проворчал Джип. Он примостился у очага, положив морду между вытянутыми лапами и прикрыв глаза. Могло показаться, что он спит, но это просто была его любимая поза, и он слушал

вечерние беседы, не пропуская ни слова. — Приходишь в книжную лавку и говоришь: «Ах, я так люблю швейцарские романы. Заверните парочку, пожалуйста». Или: «Мне половинку вон той голландской поэмы, будьте любезны».

— Ха-ха! Ты у нас тоже почитать любишь, — съязвила в ответ белая мышка, сморщив свой маленький розовый носик. — Хорошую книгу с мясом оторвешь.

Филин Гу-Гу, великий математик, сидел на спинке моего стула, такой же безмолвный и невозмутимый, как сам стул.

— Этот поросенок Габ-Габ, — задумчиво проговорил он наконец, — напоминает мне мальчика, с которым я когда-то был знаком. Маленький мальчик с большим аппетитом. Он жил на ферме, где у меня было гнездо в амбаре. Однажды один гость спросил его, каким спортом он любит заниматься больше всего. «Есть», — ответил мальчик. «А каким видом спорта ты любишь заниматься на свежем воздухе?» — спросил гость. «Есть на свежем воздухе», — ответил мальчик.

— Вылитый наш поросенок, — прочирикал Чипсайд. Он вспорхнул на стол и начал склеивать хлебные крошки, помогая Даб-Даб убирать после ужина.

— Скажи-ка, Томми, — спросил он, — академик-то наш много ошибок делает?

— Совсем не делает, Чипсайд, — ответил я. — Видишь ли, Поросячья азбука Джона Дулитла состоит из значков, а не из букв. Каждый значок заменяет целое слово, а иногда даже целое предложение.

— Хм, это вроде китайского что ли?

— Да, — ответил я. — Вроде китайского, но гораздо проще.

— Еще бы! — сказала Даб-Даб. — Для этого-то глупышки. Он вечно сует нос во все книги Доктора по садоводству и кулинарии. Да только он не читает — притворяется. Я думаю, этот поросенок без ошибок даже слово «лук» написать не сумеет — ни за какие коврижки.

— Все р-равно, — крикнула Полинезия с верхушки дедушкиных часов, — пр-росто здор-рово, что он собр-рал в этой книге столько инфор-рмации!

Обезьянка Чичи подбросила полено в огонь.

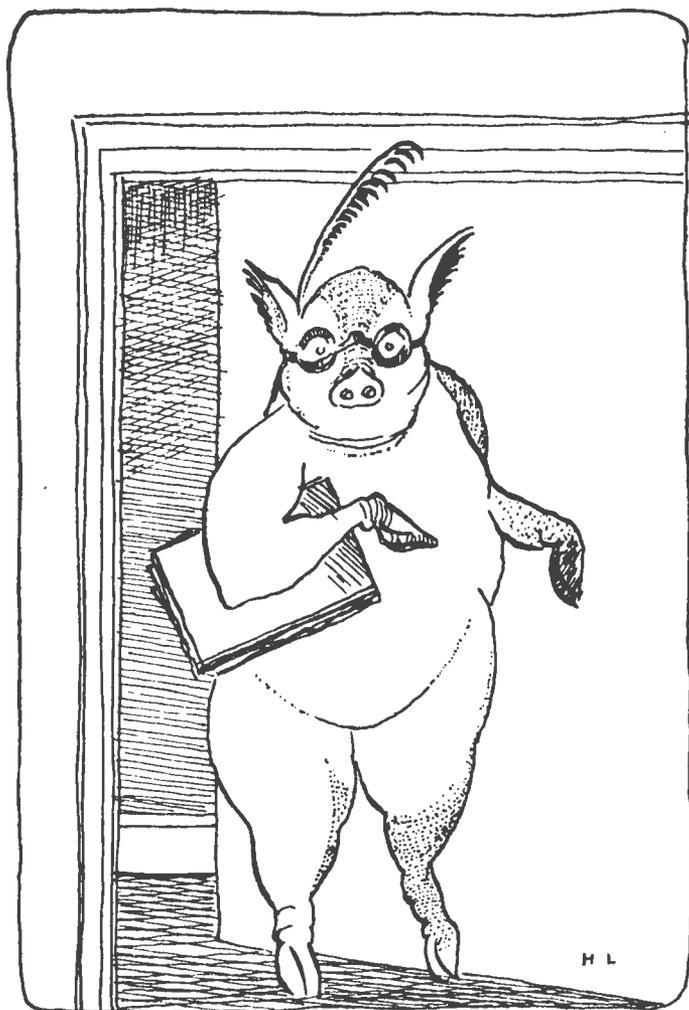
— Да, — согласилась она, — только он ее не в книгах нашел. Он вечно пристаёт ко мне, чтобы я ему рассказала про фрукты, которые растут в африканских джунглях, — и про овощи тоже: про ямс, и про всякие другие.

— Ну, скоро он сюда пожалует, — проворчала Даб-Даб. — Когда я мыла посуду, он прошел мимо и объявил, что устроит нам сегодня какое-то авторское чтение. Так что, кто хочет спать, пусть поторопится... Ой, вот он!

В дверь постучали. Габ-Габ всегда с трудом справлялся с дверными ручками. Ему приходилось крутить их обеими передними ножками, поэтому, когда кто-нибудь мог открыть, он всегда стучал.

— Да уж, это точно он, — хихикнула белая мышка.

Я поднялся и распахнул дверь. В проеме стояла странная фигура — писатель Габ-Габ. Под мышкой у него топорщилась большая растрепанная кипа бумаги, за ухом торчало гусиное перо, на носу красовались черепаховые очки без стекол, а на лице застыло утомленное выражение.

*В проеме двери
стояла странная фигура.*

— Ох-ох-ох, — вздохнул он, — вы и представить себе не можете, как я переутомлен!

— Скорей уж перекормлен, — фыркнула Даб-Даб. — С чего бы это ты был переутомлен?

— Исследования, — простонал великий писатель. — Неустанные, бесконечные исследования.

— Что это ты исследуешь? — поинтересовался Джип. — Клубничную грядку?

— Что такое исследования? — спросила белая мышка.

Габ-Габ придвинул стул к столу рядом со мной и уселся. Затем тщательно протер очки (в которых не было стекол) скатертью и снова надел их.

— Исследования? — переспросил он. — Ну, э-э... исследования — это... э-э... библиография.

— А что такое библиография? — робко спросила белая мышка.

— Это когда ты идешь в библиотеку и читаешь там книги. И так узнаешь, что написать в своей.

— А, понятно. Просто списывание, — хихикнула мышка.

— Ничего подобного, — раздраженно ответил Габ-Габ. — Никакое не списывание. Это очень трудно объяснить. В жизни великого писателя, мышка, есть вещи, которые выше твоего понимания. Видимо, исследования — одна из них. Весь день я пытался выяснить точное название места, где у короля Альфреда сгорели лепешки. У меня просто голова кругом. Я уже не знаю, был ли вообще король Альфред — и правда ли у него сгорели лепешки. Я только что из библиотеки. Мой кабинет — ну, вы знаете, на чердаке, — весь от пола до потолка забит книгами, которые я оттуда принес. И вскоре я буду вынужден вернуться к моим трудам — к моей... э-э... библиографии. Но прежде, я думаю, вам

захочется выслушать Кухонную проповедь, которую я написал вчера вечером.

У Чи-Чи брови взлетели до самой макушки, а Полинезия шепотом разразилась ужасными ругательствами по-шведски.

— Кот меня подери! — воскликнул Джип. — Кухонная проповедь?

— Да, — бодро ответил Габ-Габ. — Она начинается так:

Возлюбленные братья,
Это грех большой —
Съев картофель печеный,
Выкинуть шкурку долой.

Это очень известные слова; впервые их произнес, если не ошибаюсь, Его светлость архиепископ Кренделийский. И...

— Эй-эй-эй! Минуточку! — перебил его Чипсайд. — Как-нибудь в другой раз, ваше преподобие. Но что это ты там плел про Альфреда Великого?

— Я хотел нанести это место на мою кухонную карту мира.

— Кухонная карта? Это зачем? — удивился воробей.

— О, это очень полезная вещь, — объяснил Габ-Габ. — Глава о кухонной географии — одна из величайших в моей книге. А кухонная карта — важная часть этой главы. Я уже сделал несколько карт и выкинул их, потому что был ими недоволен. Так трудно писать мелко, чтобы поместилось все, что мне нужно. Карта понадобится не только для изучения кухонной географии, но и кухонной истории. Я хотел бы отметить на ней все города, где происходили важные события в истории кулинарии, например, место, где, как полагают, у короля Аль-

фреда подгорели лепешки, за которыми ему поручила присмотреть одна старая дама. А еще на карту будут нанесены все города и страны, прославившиеся какой-нибудь едой. Скажем, Россия — родина икры, английский городок Мелтон-Моубрей, откуда происходят сладкие пироги, английские же Ярмут, знаменитый своей селедкой, и Банбери, где пекут всем известные пирожки с яблоками, тот самый Банбери, куда, помните, нас приглашали в детстве поскакать на деревянных лошадках и поглядеть на прекрасную даму на белом коне, у которой

Кольца на пальцах, бубенцы на ногах
И тра-ля-ля и так далее.

Га-Габ помахал передними ножками в воздухе, как будто дирижировал.

— Ты хочешь сказать: бубенцы на ножках, кольца в носу, — сердито поправила Даб-Даб. — Вот несносный поросенок!

— Все равно я не понял, что ты *делать-то* с ней будешь, с картой этой, — сказал Чипсайд.

— Делать! Да ей цены нет, — ответил Габ-Габ. — На ней же показано, где что есть вкусенького. Положим, ты проснулся утром и почувствовал, что не прочь провести тихие банановые выходные. Отлично. Тебе нужно лишь взглянуть на карту и купить билет на пароход до Центральной Америки. Проще простого.

— Я понял, чего он хочет, Чипсайд, — вмешался Джип. — Он хочет, чтобы вместо расписаний поездов и пароходов были меню. Приходишь в кассу и говоришь: «Мне, пожалуйста, билет до самого вкусного пудинга. Первый класс, будьте добры». Да уж, проще некуда.

— Пи-пи-пи, — засмеялась белая мышка.

— Напрасно смеетесь, — сказал Габ-Габ и взглянул на часы. — Завтра вечером расскажу вам еще что-нибудь. А теперь мне пора заняться библиографией. Пойду пографлю.

И с большим достоинством он собрал свои бумаги и удалился.

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ О СВОИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМУ
СОСТОЯНИЮ ИСКУССТВА ПИТАНИЯ, А БЕЛАЯ
МЫШКА ДОПОЛНЯЕТ ЕГО РАССКАЗ

— **П**ринимаясь изучать историю изобретения пищи,— начал Габ-Габ, когда все звериное семейство собралось на следующий вечер вокруг очага, — мы сталкиваемся с огромной проблемой. Об этом писали многие, но не все серьезно. Некоторые порхали от одной темы к другой, как мотыльки. А многое из того, что привыкли считать верным, как показали мои... э-э... исследования, вовсе не верно. Возьмем, к примеру, картофель — исключительно важный продукт питания. Что бы мы без него делали?

— Ты бы немножко похудел, — проворчал Джип.

Габ-Габ пропустил его слова мимо ушей.

— Итак, возьмем картофель: его открыл, как считают очень и очень многие, сэр Уолтер Роли. Неверно, в корне неверно. Правда, что в 1586 году сэр Уолтер первым ввел в употребление картофель в Ирландии, где его и по сей день любят больше других овощей. Но открыл его не Роли. Роли только привез его с Каролинских островов и стал выращивать у себя в Корке, а потом он очень быстро распространился по всей Ирландии.

— Пи-пи-пи, — пропищала белая мышка. — Картофель в корке! Как чудесно! Наверное, из нее

и варенье можно сварить. Варенье из апельсиновых корок, из арбузных, из картофельных...

— Ох, — вздохнул Габ-Габ. — Сколько же тебе еще нужно всего объяснять! Не корка, а Корк, это местность в Ирландии, где были имения сэра Уолтера Роли.

— Ну, а кто же открыл картофель на самом деле? — спросил я.

— Мореплаватель по имени сэр Джон Хокинс, — ответил Габ-Габ, — вот кто первым привез картофель в Англию в 1563 году. Он обнаружил его в Южной Америке, а именно в городке Кито, где люди издавна употребляли этот корнеплод в пищу. Это очень любопытно, потому что в Кито сварить картошку почти невозможно.

— Почему? — спросил филин Гу-Гу.

— Потому что город Кито расположен в горах Андах — очень, очень высоко. И вся вода успевает выкипеть, прежде чем картошка будет готова.

— Пр-равда, пр-равда, — пробормотала Полинезия, которая сама когда-то была заядлой путешественницей.

— А я терпеть не могу картошку, — пробурчал Джип, придвигаясь поближе к огню.

— Ой, Джип, — пропищала белая мышка, — а ты пробовал когда-нибудь картофельное пюре, посыпанное тертым сыром и запеченное в духовке?

— Это называется *pommes de terre au gratin*, — произнес Габ-Габ с важным видом. Теперь возьмем короля овощей, пастернак, известный в ботанике как *pastinaca sativa*. В диком виде встречается на обочинах дорог в Европе и Центральной Азии. Его выращивали еще древние римляне. Принадлежит к семейству зонтичных, он всегда был...

— Ты что, не можешь говорить нормально? — спросил Джип. — Что это за иностранные слова и откуда взялись зонтики?

— Не обращай внимания, — вмешалась Даб-Даб. — Он хочет, чтобы мы подумали, будто он знает разные языки — и природоведение в придачу! Хотя точнее сказать: *огородоведение* — при его-то фигуре!

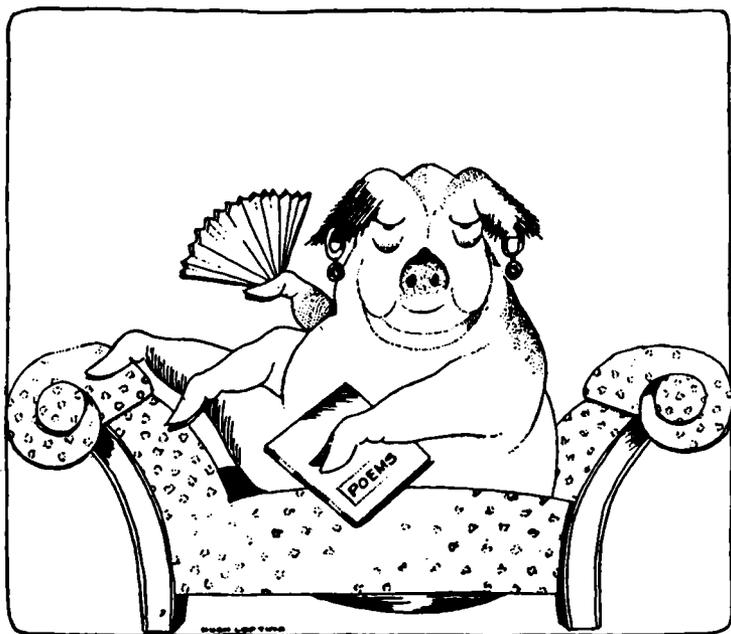
— Прошу прощения, — вежливо произнес Габ-Габ, оборачиваясь к утке. — Но с чего это ты взяла, что можешь судить о фигурах — о свиных фигурах; о фигурах домашней птицы — возможно, но не о свиных. Положим, тебе бы довелось увидеть знаменитую красавицу Порцию Бекон. Не думаю, что ты оценила бы по достоинству ее фигуру.

— Что еще за Порция Бекон? — вмешалась Чичи.

— О, это была чрезвычайно изысканная дама, — объяснил Габ-Габ. — Из достойнейшего семейства. О, какая у нее была фигура! Сколько грации, что за формы! Ее называли Венерой Беркширской. Должен признаться (тут великий писатель слегка улыбнулся воспоминаниям ушедших дней), что я был в свое время к ней весьма неравнодушен. Ее дружба оказалась в высшей степени полезна — для книги, разумеется. Я никак не мог выбрать продукт, от которого бы у меня появилось писательское вдохновение. Некоторые говорили, что лучше всего — оливки. Но мне они не подошли. Они нарушали мой настрой.

— А что это значит? — спросила белая мышка.

— Точно не знаю, — ответил Габ-Габ. — Но он есть у всех писателей. Не перебивай. Итак, вернемся к Порции Бекон. Она чрезвычайно помогла мне в выборе подходящих для писателя продуктов. В свое время ее салон был знаменит: на вечера приглашались только самые утонченные свиньи.

*Порция Бекон,
«Венера Беркширская».*

Прекраснейшее зрелище являла она, возлежащая на кушетке, окруженная достойнейшими из достойных свиньями, чьи имена были у всех на слуху, свиньями, которые вершили поистине великие дела. Ей посвящена целая глава в моей книге. Ибо и она вписала свое имя в кухонную историю. Будущие исследователи станут почитать ее как изобретательницу кухонных духов. Можно сказать, первооткрывательница! Каждый раз она была надушена новыми духами: то это был сок чернослива, то тминная эссенция, или мускат, или ячменное пиво; но один аромат был особенно очарователен — смесь ванили и редиса, весьма изысканно. Но, быть может, величайшее произведение парфюмерного искусства она создала, когда выходила замуж. Множество бессонных ночей провела Порция, подбирая новый запах для своей свадьбы. Она хотела придумать себе такое украшение...

— Ты хочешь сказать, угощение, — проворчал Джип.

— Украшение, — продолжал Габ-Габ, — какое не снилось ни одной невесте. И в конце концов остановила свой выбор на букетике итальянских незабудок.

— Никогда не слышал о таких цветах, — проговорил Гу-Гу.

— Ну, это не совсем цветы, — объяснил поросенок. — Это такой длинный зеленый лук, который появляется весной. Видите ли, в изысканном обществе, где вращалась Порция, не любили называть это растение луком. Поэтому и переименовали в итальянскую незабудку. С тех пор они вошли в моду, и почти не одно свинское бракосочетание теперь не обходится без итальянских незабудок. Свадьба Порции удалась на славу. Ее только не-

множко — чуть-чуть — испортили некоторые гости: вместо того чтобы, как полагается, посыпать счастливую пару рисом, они бросали рисовую кашу. Они правильно думали, что жениху и невесте вареный рис придется больше по вкусу, чем сырой. Но я должен признать, что получилось несколько неприятно.

— Нет, вы только послушайте, что плетет этот поросенок, — воскликнула Даб-Даб. — Ну просто... — она всплеснула крыльями в досаде и не произнесла больше ни слова.

— Глава, посвященная истории кухонных изобретений, — рассказывал дальше Габ-Габ, — получилась гораздо длиннее, чем я предполагал, потому что пришлось писать в ней не только обо всех этих ученых и путешественниках, которые открыли какую-нибудь новую вкуснятину, но и о таких, как Порция Бекон — а их оказалось немало, — кто изобрел разные полезные вещи, связанные с едой.

Вот, например, человек, который придумал и первым использовал Суповой термометр. Он был вождем эскимосов. Однажды этого господина пригласили на юг, в гости к генерал-губернатору Канады. В его честь в Оттаве устраивали много приемов и обедов, и ему пришлось есть разные блюда, которых он никогда раньше не пробовал, — скажем, горячий суп. А он, конечно, привык там у себя за Северным Полярным кругом есть все охлажденное — сырое тюленьё мясо и всякую такую всячину. Так вот, суп ему понравился, но он очень сильно обжег им рот. А угадать, достаточно ли суп остыл, ему никак не удавалось. Однажды он где-то увидел висящий термометр. Он спросил, для чего эта штука. А когда услышал, что она показывает, холодно или жарко на улице, то сказал себе: «Ага, а почему

бы не завести такой для супа?» И купил себе термометр — это был как раз термометр для ванны. И повесил его на шнурок, и всегда надевал на шею, когда ходил на приемы. Он больше никогда не обжигался и стал жить-поживать, добра наживать.

Джип только застонал.

Габ-Габ полистал бумаги, которые лежали перед ним на столе.

— Вот еще одно замечательное изобретение, — сказал он, заглянув в свои записи, — печенье-гигрометр.

— Что такое гигрометр? — спросила белая мышка.

— Гигрометр, — объяснил Габ-Габ, снимая очки, — это прибор, который показывает, сух или влажен воздух.

— В Англии он ни к чему, — сказала Полинезия. — Тут всегда сыро. Жуткий климат! А в милой старой Африке сейчас... Впрочем, это я так. Продолжайте, профессор.

— Так вот, жил однажды человек, который все время болел: то ангиной, то простудой... И доктор велел ему ни в коем случае не выходить на улицу в дождь и туман. Вы знаете, каким мягким и клёклым становится имбирное печенье в сырую погоду — не ломается с хрустом, а гнется. И этот человек стал держать такое печенье на подоконнике и каждое утро пробовал. Если оно гнулось, он оставался дома, если ломалось, отправлялся на прогулку.

— А что он делал с тем печеньем, которое ломалось? — спросила белая мышка.

— Съедал, — ответил Габ-Габ. — У него было очень много имбирного печенья. Он был кондитер. А теперь позвольте мне рассказать вам про суп из топора. Однажды в России много лет назад, когда Наполеон донимал весь мир своими войнами, один

очень голодный солдат заглянул в крестьянскую избу, надеясь, что там его накормят. А у хозяйки, которая была дома одна, уже просило поесть так много солдат, что она сразу сказала ему: «В доме ничего нет». Крестьянка захлопнула дверь перед его носом, а солдат сел на крылечке на солнышке и стал думать. Он был уверен, что в доме есть продукты, надо было только сообразить, как заставить хозяйку расстаться с ними. И тут ему в голову пришла занятная мысль. Он снова постучал. Женщина открыла дверь и сказала, что если он сейчас же не уберется, она спустит собак.

«Извини, хозяйка, — успел произнести солдат, — ты любишь готовить?»

«Ну... м-м... да, — ответила она. — Когда есть, из чего готовить?»

«Доводилось ли тебе слышать о супе из топора?» — спросил солдат.

«Нет, — удивилась она. — Никогда.»

«Это очень вкусно, — сказал солдат. — Хочешь, я научу тебя его варить?»

«Да, пожалуй, — согласилась она. — Я люблю новенькое.»

Понимаете, ей во что бы то ни стало захотелось узнать, что же это за суп получится из простого топора. И вот солдат снял свой мешок, взял во дворе топор, принес его в кухню и хорошенько вымыл. Потом попросил чугунок и, положив в него топор и наполнив до половины водой, поставил в печь. Время от времени он помешивал в чугунке ложкой, а когда вода начала закипать, попробовал и причмокнул.

«О, — сказал он, — пальчики оближешь!»

«Дай мне попробовать», — попросила женщина, думая, что он колдует у нее на глазах.

«Сейчас, сейчас, — ответил солдат, — нужно только соли добавить и перца».

И крестьянка принесла ему соли и перца. Солдат посолил, поперчил воду и опять попробовал.

«Так лучше. Но знаешь, в прошлый раз, когда я варил этот суп — как раз перед тем, как мы вошли в Москву, — оказалось, что если добавить немного лука, чуть-чуть для аромата, получается совсем другое дело. Жаль, что, как ты говоришь, у тебя дома пусто».

— Погоди-ка, — заторопилась хозяйка, — может, где-нибудь и завалялась луковичка».

Ей не терпелось попробовать, каким получится этот чудесный суп, и не хотелось, чтобы все испортилось оттого, что нет лука. Она принесла луковичку, солдат нарезал ее и бросил в горшок. Попробовав, он сказал:

«А как бы сюда подошла хорошая морковка... Жаль, что у нас ее нет!» — Хозяйка принесла морковку, и она отправилась в чугунок. И снова отхлебнул солдат.

«Нет, двух мнений быть не может, — произнес он, — у печи я делаюсь художником. Мне надо было бы стать не солдатом, а поваром. Когда кончится эта война, я, верно, сменю профессию. Кто знает? Все-таки лучше кормить людей, чем убивать! — он снова отхлебнул. — Довольно, — сказал он и отбросил ложку. — Получилось даже лучше, чем я думал. Без колебаний скажу, добрая женщина, что этот суп достоин попасть на обед королю. Но знаешь, что сделал бы сейчас самый лучший повар?»

«Нет», — ответила она.

«Он добавил бы самую малость — косточку. Суп и так почти совершенство. Но настоящий мастер

положил бы еще косточку или две — любая подойдет: говяжья, телячья, баранья — просто для аромата, как говорится, для навару. Так обидно, что в доме нет ни единой косточки. Но ничего не поделаешь. Ставь тарелки на стол, я буду разливать».

«Тарелки вон там на полке, — ответила хозяйка. — Можешь накрывать к обеду. А я только что вспомнила, у меня в погребе сохранилась старая говяжья косточка. Схожу, принесу».

«Ну тогда пусть покипит еще немного, — решил солдат. — Топор еще недостаточно разварился».

И хозяйка пошла и принесла чудную говяжью косточку, и ее положили в горшок. А через некоторое время солдат разлил суп по тарелкам, осторожно зачерпывая сверху, и они уселись за стол попробовать. Крестьянке так понравился суп, что она принесла из кладовой целую буханку черного хлеба; словом, обед удался на славу. Лишь несколько часов спустя, когда она собралась вымыть чугунок, то увидела, что топор такой же твердый и непроваренный, как раньше. Но в это время солдат был уже далеко на пути в город, где полным полно всякой еды.

— Ну, — сказала Чичи, — эта крестьянка была не особо умная, верно?

— Верно, — согласился Габ-Габ. — Зато солдат — голова.

— Где ты взял эту историю? — спросил Гу-Гу.

— В библиотеке — занимаясь своими исследованиями, — объяснил Габ-Габ. — Но ее рассказывают в России и по сей день, насколько я знаю. И считается, что это истинная правда.

— Очень плохо, — сказала Даб-Даб, — что ты тратишь время на всякую ерунду вместо того, чтобы заняться чем-нибудь полезным.

Белая мышка погладила передними лапками свои длинные шелковистые усики. Ее розовые глазки глядели задумчиво.

— Не знаю, — проговорила она наконец, — должно быть, писать книгу очень интересно. Я бы и сама хотела написать книгу. Но я могла бы писать только рассказы про сыр, а это, наверное, быстро надоело бы всем читателям, кроме мышей. А ты не напишешь обо мне в своей книге, Габ-Габ?

— О тебе? С какой стати?

— Мне только что пришло в голову, — объяснила мышка, — что я сама участвовала в истории кухонных изобретений.

— Что же ты изобрела?

— Я была не совсем изобретателем. Скорее — изобретением, если можно так выразиться. Я была... э-э... принимающим игроком в гороховом крикете.

— Кем-кем? — нахмурился Джип.

— Принимающим игроком в гороховом крикете, — пропищала мышка. — Я ведь вам рассказывала, что до того, как поселилась у Доктора Дулитла, я была ручной мышкой. Моим хозяином был восьмилетний мальчик. Всякий раз, когда на обед подавали зеленый горошек, начинались неприятности. Этот мальчик очень любил горошек, но не умел его есть. Он пытался набрать его не ложкой, а ножом. И, конечно, горошинки падали и разбегались по всему полу. Родители очень сердились на мальчика, потому что им приходилось ползать по всему полу, чтобы навести порядок, а они этого терпеть не могли. Тогда мальчик стал брать меня с собой за стол. Я сидела у него в кармане, а когда горошинки рассыпались, должна была ловить их и съедать. И набегалась же я! Потому что вы даже не представляете себе, как ловко горошинки укатываются и прячутся —

под пианино, в крысиных норах, за дедушкиными часами, где угодно. Мальчик называл это гороховым крикетом, так что изобретателем надо записать его, хотя бегала я. Если мне удавалось поймать все горошинки до одной, я получала на ужин лишний кусочек сыра. Но мальчик здорово умел ронять горошек. Так что, когда я подбирала и съедала все, у меня уже не оставалось никакого аппетита для сыра. А что стало с моей фигурой! Я была такая круглая, что могла кататься по полу не хуже горошины. Тыставишь это в свою книгу, Габ-Габ?

— Непременно, — ответил великий писатель. — Я считаю, что это очень важно. Обязательно вставлю.

— Еще бы! — презрительно фыркнула Даб-Даб.

ВЕЧЕР ТРЕТИЙ

ДОКТОР САЛАТНЫХ НАУК, ПОСЛЕ НЕСКОЛЬКИХ СЛОВ
О НЕКОЕМ ЮБИЛЕЕ, РАССКАЗЫВАЕТ СЛУШАТЕЛЯМ О
ПОМИДОРНЫХ ВОЙНАХ

Когда Габ-Габ снова устроил авторские чтения, за окнами выл холодный ветер. Чичи, в которой текла африканская кровь, была не в восторге от английской погоды, как и Полинезия, но почти никогда не ворчала и не жаловалась. Она просто следила за тем, чтобы в очаге всегда горел огонь, а в доме было довольно хвороста для растопки. Проворная обезьянка взбиралась на деревья в саду Доктора Дулитла и обламывала засохшие веточки. Дорожки и лужайки в саду всегда сияли чистотой, потому что Чичи не оставляла на них ни одной сухой палочки. Весь сушняк она аккуратно складывала в специальные ящики.

Итак, в камине весело гудел огонь. Но в комнате все равно было не очень уютно, пока я не задернул тяжелые шторы на окнах и мы не расселись поближе к очагу.

Когда великий писатель вошел в комнату, мы увидели, что на нем старая зеленая курточка, в которой он когда-то выступал на сцене. В былые дни он вдевал в петлицу цветок гвоздики или герани, чтобы сразу было видно, какой он элегантный. Но в этот вечер вместо цветка в петлице некогда знаменитого артиста красовалась алая шелковая лента.

— В честь чего это ты так вырядился, профессор? — спросил Чипсайд.

— Это, — произнес Габ-Габ, усаживаясь за стол, — в честь одного юбилея.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал воробей. — Сегодня 3 сентября... Не подсказывай, не подсказывай... Нет, сдаюсь.

— Сегодня юбилей Йоркширского пудинга! — торжественно провозгласил Габ-Габ.

— Мог бы сообразить, что от него ничего, кроме глупости не услышишь, — проворчал Джип.

— В честь больших юбилеев всегда надевают такие украшения, — продолжал Габ-Габ, глядя на Джипа поверх очков. — Все истинно образованные едоки вдевают в петлицу алую ленту, чтобы отметить день, когда это великое нововведение было поставлено на стол в первый раз. Это очень важная историческая дата. Зачем вы приглашали меня, если только и знаете что легкомысленно хихикать да молоть чепуху? В конце концов я изю всех сил стараюсь сделать свои обзорные лекции как можно более познавательными...

— Ты хочешь сказать, *обжорные*, — перебил Джип. — Я сам большой любитель поесть. Но как ты умудряешься столько говорить и писать о еде, ума не приложу!

С видом утомленного, но терпеливого школьного учителя великий писатель снял очки и положил их на стол рядом со своими бумагами.

— Только вот зачем, — спросил он, — притворяться, будто еда — занятие несущественное?

— Профессор тут в точку попал, — заявил Чипсайд. — С пустым брюхом особо не побегаешь. Император Наполеон, знаете, что сказал? «Армия топает на пузе».

— Может быть, поэтому верблюды могут идти так долго без остановки? — спросила Чичи. — У них ведь, кажется, два живота. Или это у кого-то другого?

— Пи-пи-пи, — прыснула белая мышка. — Два живота! Как здорово! Хотя, — она вдруг помрачнела, — не очень-то и здорово. Только вообразите, что у вас болят сразу два живота. Ой-ой-ой!

— Однако не забудь, дружок, — сказал Габ-Габ, — что если у тебя не в порядке один живот, его заменит второй. И неужели ты не понимаешь, — он обернулся и ткнул своим огромным гусиным пером в сторону Джипа, растянувшегося у огня, — что история кухонных изобретений — это история человечества, да, пожалуй, история всего мира животных? Да спроси хоть самого Доктора Дулитла! И не только история, но и география! Почему, ты думаешь, разные народы обосновались там, где мы их видим сегодня на карте? Потому, что они нашли там подходящие продукты, — Габ-Габ вскочил, потрясая своим пером. — Грандиознейшие войны, дамы и господа, вспыхивали оттого, что люди не могли поделить пшеницу, из которой пекут хлеб, овес, из которого варят кашу, пастбища, на которых пасут овец и коз. Из овечьей шерсти делают одежду — без нее люди бы замерзли, а без молока — умерли от голода. Но прежде должна быть трава. Пища! И питьевая вода — тоже своего рода пища в конце концов: веками одни племена воевали с другими из-за того, кому достанется источник или река, которые означали для них самое жизнь. Целые народы исчезли с лица земли, вымирая от голода — им было нечего есть. Великие королевства приходили в упадок и гибли оттого, что в погребах было пусто. Мощные империи достигали зенита могуще-

— Пи-пи-пи! —
прыснула белая мышка.

ства и славы — при полных желудках. Книга, которую я пишу, покажет, что на свете не существует ничего, дамы и господа, равным счетом ничего, что было бы для нас важнее пищи,— и великий писатель тяжело опустил на стул, видимо подавленный значительностью своей длинной речи и огромной важностью пищи.

— Он что-то сказал о козьем молоке? — сонно пробормотал Джип. — Бр-р-р, гадость! Терпеть его не могу!

— Хрюшка наш дело говорит — иногда,— прочирикал весельчак Чипсайд. — Кто ж спорит, весь мир на еде держится. Старикашка Джип только спросил: зачем болтать-то обо всем без конца?

— А почему бы и нет? — возразил Габ-Габ. — Это что, стыдно?

— Да нет, — ответил воробей. — Ладно, валяя дальше свою лекцию, доктор Хряк.

— Прошу не называть меня хряком, — рассердился Габ-Габ. — Не забывайте, что у меня есть родословная — длинная родословная.

— Куцый хвостик и длинная родословная! Пипи-пи! — пропищала белая мышка и захихикала над собственной шуткой.

— Предпочитаю быть фокстерьером с короткой родословной, чем поросенком с длинной, — пробурчал Джип.

— И снова ты только лишний раз показываешь свое невежество, — сказал Габ-Габ. — В старые времена рыцари с гордостью носили на щитах и шлемах знак — голову вепря.

— Что такое вепрь? — спросила белая мышка.

— Поросенок, который слишком много болтает, — проворчал Джип.

— Ладно, профессор, не обращай на него внимания, — сказал Чипсайд. — Ну хочется старикашке иногда пошутить.

— Итак, — произнес великий писатель, — все вы, наверное, слышали о войне Роз — где воюющих одной стороны, Ланкастеров, когда они выходили на битву, украшала белая роза, а их противников, Йорков, — алая.

— Это было незадолго перед моим рождением, — вмешалась Полизезия, которая прожила очень длинную жизнь. — Я что-то слышала о них.

— Очень хорошо, — сказал Габ-Габ. — Но доводилось ли вам слышать о войне Помидоров? Нет? Так слушайте, я расскажу вам.

Белая мышка снова погладила свои длинные шелковистые усики и, устроившись поудобнее, приготовилась слушать.

— Война Помидоров! Недурно, — хихикнула она.

— В одной стране, — начал Габ-Габ, — много лет назад к обеду в день Рождества подавали жареного гуся, начиненного помидорами. Сколько люди помнили себя, таков был национальный обычай. Никому и в голову не приходило встретить Рождество без жареного гуся с помидорами, как, скажем, не пришло бы в голову попытаться взлететь. Специально для рождественского гуся на солнечных землях этой прекрасной и мирной страны выращивали отличные круглые красные помидоры; так бы и жил этот счастливый народ, если бы в один роковой день из соседней страны не приехал к ним в гости садовник.

Этот садовник был не злой человек, и, хотя из-за него произошло столько несчастий, он хотел как лучше. Он считал себя большим знатоком овощей и фруктов и привез с собой новый сорт помидора. Это

был желтый помидор — то есть, желтым он становился, когда поспевал. Садовник сказал, что это последняя и самая модная новинка — тот, кто идет в ногу со временем, если он может достать желтые помидоры, на красные даже не взглянет. Вы знаете, каковы люди: то, что приходит к ним издалека, из чужих земель, всегда кажется им лучше того, что растет или вырабатывается дома.

И вот, многие богатые семьи стали сажать желтые помидоры; скоро новое поветрие охватило очень многих. И когда наступило Рождество, добрая половина жареных гусей была начинена желтыми помидорами. Но в каждой стране всегда есть люди, которые называются консерваторами, — они думают: пусть все будет по-старому, так лучше. И, узнав, что рождественских гусей подают с новой начинкой, консерваторы страшно рассердились. Они произносили речи на площадях. Они призывали всех истинных патриотов дать решительный отпор желтым помидорам. Красные, говорили они, были хороши для наших отцов, хороши они и для нас, и для наших детей. В наши дома коварно вползает чуждый нам иноземный вражеский обычай, и если позволить распространиться по стране желтой заразе, наша возлюбленная родина больше никогда не будет такой, как прежде, — начнется собачья жизнь.

— Вот еще! — фыркнул Джим. — Собаки терпеть не могут помидоры.

Габ-Габ поднял свое перо, призывая к тишине, и продолжал:

— С другой стороны, богачи — не из старинных родов, а те, что только-только разбогатели и хотели прослыть модными и современными, упорно отстаивали новую начинку. Вскоре и они стали произносить речи на улицах. Тут уж такое началось! Вся

страна разделилась на два лагеря. На каждом углу спорили и бранились. Правительство пало. Министры лишились работы. Из-за этого спора, который уже стал казаться неразрешимым, начали происходить разные неожиданности. В конце концов разразилась война, худшая из войн, гражданская, — люди воевали со своими соплеменниками.

— Многие погибли? — шепотом спросила белая мышка.

— Нет, — ответил Габ-Габ. — К счастью, нет. Это, наверное, единственный случай в истории. Война Помидоров в самом деле была поразительная война. Хотя она тянулась очень долго — много раз наступало и проходило Рождество, — и люди уже не понимали, остановятся они когда-нибудь или нет, не погиб никто. Потому что вместо пуль и пушечных ядер они стреляли помидорами. Одна сторона называла себя Желтыми, а другая — Красными.

Но удивительнее всего было то, что Красные стреляли желтыми помидорами, а Желтые — красными. Они, понимаете ли, думали, что противнику будет обиднее, если его закидают его собственной начинкой, так сказать.

— Ну и кто победил? — спросила Чичи.

— Желтые. Им в конце концов удалось загнать Красных в ущелье между двумя горами. И там, на берегу реки, они просто забросали врагов помидорами, те взмолились о пощаде, и был объявлен мир. Но рассказывают, что еще долго после войны вода в реке была красной от томатного сока.

— Значит, гусей стали начинять желтыми помидорами? — спросила белая мышка.

— Нет, — ответил Габ-Габ. — Дело в том, что после войны в стране не осталось ни одного помидора. Все были пушены в ход. На следующее Рож-

дество — а затем и на каждое — жареного гуся подавали с луком.

— Ха! — сказал Чипсайд. — Вкусная история, профессор. Раз уж без войн все равно не обойтись, эта получше многих. Это же надо — сколько пользы — полное ущелье кетчупа! Фью!

— Да, но какие потери среди овощей! — вздохнул Габ-Габ, скорбно качая головой. — Сколько помидоров погибло! Целый вид стерт с лица земли! Ужасно, ужасно!

— Не огорчайся, — сказала Чичи, подкладывая полена в огонь. — Подумай только, как замечательно, что люди повздорили не из-за кокосовых орехов.

ВЕЧЕР ЧЕТВЕРТЫЙ

ДАВ НЕКОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ,
ГАБ-ГАБ ПРИСТУПАЕТ К СВОЕМУ ЗНАМЕНИТОМУ
«КУХОННОМУ ДЕТЕКТИВУ»

— Прежде чем ты начнешь, профессор, — сказал Чипсайд, — может, ты нам тут набросаешь планчик. В смысле, чего там у тебя в твоей хваленой энциклопудии, кроме истории с географией?

— О, масса, масса всего, — ответил писатель. — Отдельные главы посвящены кухонным стихам, кухонной музыке, кухонным басням — «Лиса и виноград», «Пирог», «Баллада о королевском бутерброде» и так далее. Есть кухонные романы — большой раздел. Там среди прочего собраны истории о любви знаменитых кулинаров и о кулинарной жизни знаменитых героев. Затем есть глава о кухонной фантастике, но я должен предупредить, это не для всякого — требуется богатое воображение, понимаете ли, и... э-э... душа, чтобы оценить ее по достоинству, — чистая игра воображения, весьма причудливая. Такова же и глава, посвященная кухонным сказкам. О, и еще многое другое: кухонные детективы — кулинарные преступления и съедобные тайны; кухонные комедии; кухонные трагедии. Я даже начал главу «Кухонный Шекспир».

— Ну и ну! — ахнула Даб-Даб. — Сколько я в жизни видела нахалов, но такого выдающегося наглеца — первый раз! Кухонный Шекспир! Ты что, собрался его пьесы переписывать?

— М-м, не совсем, — сказал Габ-Габ. — Но, видишь ли, я подумал, что таким образом смогу поощрить стремление к знаниям молодых людей — и особенно молодых поросят. Так мало делается, чтобы привлечь поросят к какой бы то ни было учебе. Даже теперь, хотя существует Поросячья азбука Доктора Дулитла, они столь мало времени уделяют серьезному чтению! Без произведений Уильяма Шекспира — обратите внимание на фамилию, Шекс-*пира*, — немыслимо хорошее образование. И мне подумалось, что если в его пьесах будет немножко больше про еду — я просто заменю тут словечко, там другое — то я смогу привить юному поколению вкус к хорошим книгам.

— Знал я одного козла, который ел книги, — заметил Чипсайд. — Только вкус у него был так себе. Он больше любил дешевые газетки. Почитай-ка нам своего нового Шекспира, хрюшка.

— Ну, я еще немного успел сделать, — объяснил Габ-Габ. — Прочту вам несколько цитат, чтобы вы поняли, в каком направлении я работаю. — Он полистал свои записи. — Ага, вот они. Из трагедии «Макбет»: «Да здравствует весь этот стол и Банка варенья, наш отсутствующий друг!» Как видите, изменения очень небольшие. Или вот еще. Из прекрасной романтической пьесы «Суфле и Джульетта»: «Суфле-о, о зачем же ты Суфле-о!.. То, что зовем желе-о. И под другим названием сохраняло б свой сладкий запах!» Ну разве не прелесть?

— Габ-Габ, о зачем же ты Габ-Габ-о! — пробормотал Чипсайд. — Ладно, понял. Теперь как насчет кухонных детективов?

— Да-да, расскажи нам еще какую-нибудь кухонную историю. — попросила белая мышка. —

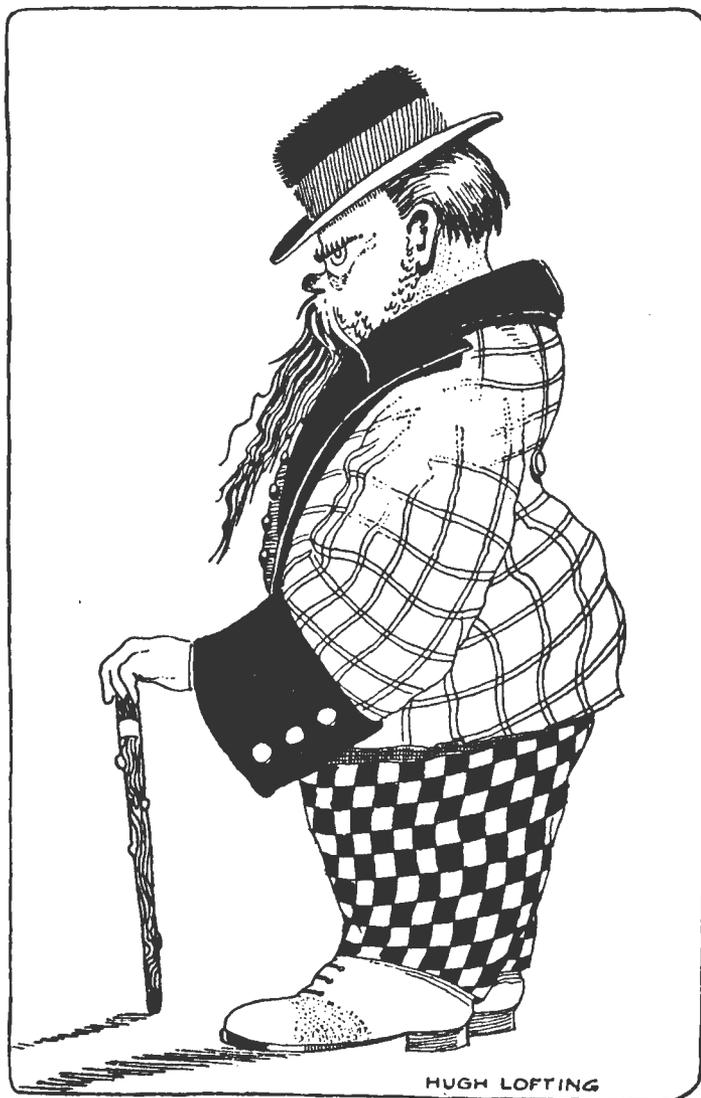
Мне понравилась та, про суп из топора. А про сыр у тебя ничего нет?

— Во всяком случае не в детективах, — ответил поросенок. — Их несколько, это называется «серия», потому что многие персонажи в них повторяются. Главного героя зовут Шницель Хлопс, он — знаменитый Холодильный Сыщик. Его образ проходит через все рассказы.

— Надеюсь, — пробурчала Даб-Даб, — он проходит, не останавливаясь. Не хотелось бы с ним встретиться.

— Этот сыщик необыкновенно умен, — продолжал Габ-Габ. — Когда что-нибудь пропадало, и полиция не могла обнаружить, кто это украл, почти всегда звали Шницеля Хлопса, чтобы он схватил вора. Впервые его имя прогремело после «Случая с пропавшей коробкой». Один очень важный индийский раджа путешествовал вместе с сыном по Европе, желая повидать разные страны. За ним следовали целая толпа слуг и горы багажа. Любимым лакомством раджи был особым образом приготовленный соус из яиц, овощей и всяких пряностей, поэтому он возил с собой три коробки яиц. Обычное яйцо — не очень дорогой продукт. Но эти представляли огромную ценность. Дело в том, что такие яйца несет только один вид морских птиц, которые водятся лишь на родине раджи — да и там им почти цены нет.

Через некоторое время после приезда в Англию закончилась вторая коробка. И вот однажды, когда раджа, пригласив множество гостей, собрался потчевать их своим любимым соусом, в гостиную ворвался повар; в ужасном возбуждении он кричал, что третью, последнюю, коробку украли. Все пришли в страшное волнение. Раджа был очень расстро-

— Хлопс, Холодильный Сыщик —
перодегый и загримированный.

ен, что ему придется разочаровать своих гостей — многие из них с нетерпением ждали минуты, когда подадут знаменитый соус, — а полицейские, узнав о случившемся, чрезвычайно рассердились. Что подумают в мире об Англии, говорили они, когда у столь важных гостей похищают завтрак из-под самого носа? Было назначено два крупных денежных вознаграждения. Одно назначил раджа: тому, кто вернет пропажу, второе — полиция: тому, кто отыщет похитителей и доставит их в руки правосудия.

Так вот, хитроумный сыщик Хлопс разоблачил вора. Ни за что не догадаетесь, кто это был. Раджа остановился в университетском городке, потому что хотел отдать сына в колледж. А в этом университете было тайное общество — братство лакомок, которое называлось Сигма Эта Эскалоп — знаете, греческими буквами, как всегда в университетах. Раз в месяц они собирались на тайные заседания — веселые застолья, где каждый из членов общества по очереди должен был угостить остальных каким-нибудь блюдом, которого те никогда раньше не пробовали.

Общество Сигма Эта Эскалоп образовалось, я думаю, потому что многие стали сознавать: англичане, обычно такие смельчаки и фантазеры, едят без всякого воображения. Серьезно, всегда одно и то же, три-четыре блюда, а как подумаешь о Франции или других странах... никакой кулинарной отваги. В тот месяц была очередь одного студента, весьма легкомысленного молодого человека, и он замучился, выдумывая, где бы раздобыть новый рецепт. А тут как раз подвернулся раджа, и студент решил: яичный соус — именно то, что нужно. Он вошел в дом и утащил последнюю коробку яиц. У этого молодого человека был очень богатый отец, и он надеялся

достать денег, чтобы потом заплатить радже. Но узнав, что одна эта коробочка стоит целое состояние и что похитителя разыскивает полиция, он спрятался вместе с добычей. Великий Шницель Хлопс выследил его и нашел.

— Где? — спросила белая мышка.

— В тайном холодильнике тайного общества, — ответил Габ-Габ. — Это было просто чудо, поскольку никто, кроме членов общества не только не знал, где он находится, но даже и не подозревал, что он существует. Но Хлопс получил только одну награду — от полиции.

— Почему? А кто же получил другую? — спросила мышка.

— Награду раджи тому, кто вернет пропажу, не получил никто, потому что молодой человек все съел. И чуть не превратился в ледышку, пока сидел в холодильнике. Так Хлопс получил прозвище Холодильный Сыщик. С тех пор он расследовал множество ограблений, особенно тех, что как-то связаны с едой; он считался специалистом в этой области. Полицейские из других городов обращались к нему за советом и помощью, а кухонные воры во всех странах света трепетали при одном упоминании его имени.

Но я хочу рассказать вам о самом трудном расследовании из всех, когда-либо проведенных Шницелем Хлопсом. Ибо настал день, когда великий сыщик обнаружил, что вступил в поединок с обладателем выдающихся способностей, с умом блестящим и дерзким, почти равным его собственному. Произошло несколько ограблений — внезапно и сразу, — как появляется сыпь, когда болеешь корью. И было непонятно, ни кто их совершил, ни каким образом

он это сделал. На месте преступления не оставалось ни одной улики, которая...

— Ты сказал: «не оставалось ни одной улики»? — переспросила белая мышка.

— Ни одной улики, — терпеливо повторил Габ-Габ. — Это значит, не оставалось никаких зацепок, ничего, что бы указывало, кто совершил ограбление. Не перебивай, пожалуйста. Вокруг ограбленных домов не было никаких следов, нигде ни одного отпечатка пальцев, которые выдали бы ловкого вора. После того как в газетах появились сообщения об этих злодеяниях, люди поставили вокруг своих домов сторожей, которые всю ночь не смыкали глаз. На окна и двери навесили хитрые замки и запоры. Придумали разные фокусы, например, протянули поперек пола проволоку, чтобы проникший в дом вор обязательно бы об нее споткнулся, тогда должен был зазвонить колокольчик. Но все равно замки взламывались, ограбления совершались, вещи пропадали.

— Какие вещи? — спросила мышка.

— Потерпи. Я как раз к этому подхожу, — ответил Габ-Габ. — Ночь за ночью сыщик Хлопс ворочался в постели без сна и скрежетал зубами от бессилия — если только он не скрежетал ими на безлюдных улицах, пытаясь выследить дерзкого нарушителя закона. О, он очень дорожил своим громким именем. А тут неделя шла за неделей, никого не удавалось поймать, и великий сыщик чувствовал, что его репутации грозит опасность — он перестанет считаться великим сыщиком, лучшим в мире специалистом по кухонным ограблениям, если в ближайшее же время не арестует кого-нибудь и не положит конец возмутительным преступлениям.

И газеты вконец распоясались. Все полицейские и сыщики — круглые дураки, писали они, и плохо защищают честных людей от злоумышленников. А одна газета — это была специальная газета, которая называлась «Антрекоты и фарши» (сокращенно «Аиф»), — особенно издевалась над бедным Хлопсом. Поскольку все ограбления были связаны с едой, «Аиф» очень ими интересовалась и поручила своему корреспонденту заняться этим делом.

Корреспондента звали Ромуальд Штекс или, коротко, Ром Штекс. В газете он считался самым ловким и смысленным репортером, потому что умудрялся узнавать кулинарные новости раньше других. Ром Штекс стал хвостом ходить за Хлопсом и приставать к нему с вопросами, пытаясь выведать, что тому удалось обнаружить. А не получив ответа (поскольку Хлопс молчал), возвращался в редакцию и, *сардонически* ухмыляясь, писал для газеты заметки про то, как тупы все детективы вообще и Шницель Хлопс в особенности.

Однако Холодильный Сыщик не бездействовал — о, нет. Тщательно изучив все ограбленные дома, он выделил некоторые общие черты совершенных преступлений. Например, он заметил, что вор (или вору) всегда проникал в дом через окно кухни. Позже, когда на кухонных окнах появились особые замки, — откуда-нибудь еще, не оставляя ни единого следа, который позволил бы определить, как это ему удалось. Крайне непонятно! Но Хлопс заметил, что независимо от того, как грабитель попадал в дом, он никогда не забывал наведаться в кухню и, видимо, слегка закусывал там, прежде чем исчезнуть. Потому что каждый раз обнаруживались грязные ножи и тарелки с остатками еды. *А одна тарелка всегда стояла на полу.*

Установив эти закономерности, Хлопс принялся определять, какую еду предпочитали воры. Он обнаружил, что, если на кухне оказывалось клубничное варенье, то наутро хозяева недосчитывались одной-двух баночек. «Ага! — прорычал он. — Вор, который любит клубничное варенье. Это уже ниточка!» И он кинулся по следу, а неутомимый Ром Штекс поспешал за ним по пятам.

Первым делом Хлопс отправился в полицейский участок и стал просматривать картотеку. Это ряды и ряды ящиков с карточками, в которых записаны истории всех воров и грабителей, когда-либо совершавших кражи. Но хотя Хлопс провел в участке целый день, перерыв тысячи карточек, он не нашел никого, кто, ограбив дом, любил бы полакомиться клубничным вареньем. Хлопс был озадачен и сбит с толку. Но вдруг его осенило. «Ага! — снова сказал он себе. — Нет в картотеке? Значит, он иностранец. Преступник — иностранец, который любит клубничное варенье. Ха-ха, ну теперь он не уйдет от Холодильного сыщика!» И прокравшись на цыпочках мимо Штекса, уснувшего среди карточек, он снова бросился в путь.

Хлопс разослал телеграммы в полицейские участки всего мира с просьбой сообщить, что там известно о дерзком взломщике, который равнодушен к клубничному варенью. Но хотя он получил целый мешок писем в ответ, ни в одном не было ни слова о подобной личности. Хлопс опять зашел в тупик. Между тем почти каждую ночь совершалось новое ограбление — можно сказать, под самым его носом. И он продолжал скрежетать зубами — а Ром Штекс тем временем продолжал писать про него гадости в «Антрекотах и фаршах».

Так вот, теперь о том, какие вещи пропадали: сначала, как установил великий сыщик, уносили что попало — хотя никогда помногу сразу — часы, серебряные ложки, украшения, одежду, трости, подозрительные трубы, сигары и прочее. Это тоже мешало определить, кем мог быть вор и какой у него характер. Но одно полицейские делают почти всегда, попадая в такое положение, — они устанавливают слежку за скупщиками краденого.

— Кто это? — спросила белая мышка.

— Скупщики краденого — те, кто покупает вещи, которые были украдены. Они стараются никогда не спрашивать, откуда вещи, потому что знают — или догадываются, — что обычно их уносят из чужих домов. Они платят за товар очень дешево, а продают его гораздо дороже. Это обычное занятие, но опасное и, конечно, бесчестное. У меня был приятель-поросенок, известный скупщик краденых овощей. В изысканном обществе на него смотрели как на сомнительную личность. Однако надо заметить, что он, к его чести, никогда не перепродавал приобретенного. Он...

— Он все слопывал сам, — перебил Джип. — Спорю на мозговую косточку.

— Совершенно верно, — подтвердил великий писатель.

— Вот что называется «играть наверняка», — заметила Полинезия. — Ловкий мошенник.

ВЕЧЕР ПЯТЫЙ

КУХОННЫЙ ДЕТЕКТИВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ —
И ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

— И так, — начал Габ-Габ, — мы остановились на том, что, следя за скупщиками краденого, полиция часто ухитряется обнаружить зонтик, или банджо, или грелку, которые были когда-то похищены. Куда бы ни отправлялся Шницель Хлопс, при нем всегда был список пропавших вещей. Но нигде он не нашел ни малейшего следа ни одной вещи. Он велел своим помощникам, младшим детективам, переодевшись трубочистами, фининспекторами, кем угодно, каждый день заходить к скупщикам, вынюхивать и высматривать. Но из этого ничего не получилось. Тем не менее на этот раз Хлопс не был сбит с толку, он кое-что узнал, вернее, вычислил дедуктивным методом.

— Погоди, погоди, я не расслышала, — попросила белая мышка. — Как ты сказал, «дико активным»?

— О, темнота! — воскликнул Габ-Габ. — Нет! Дедуктивным методом. Без него ни один приличный детектив не обходится. Это значит — работать мозгами, если они у тебя есть. Размышлять. Ты замечаешь какую-нибудь мелочь, некоторое время перевариваешь ее в голове, и в конце концов из этого получается новая мысль. Например, тыходишь сюда, а твои усики вымазаны патокой. Я бросаю на тебя взгляд и начинаю размышлять, и в конце

концов с помощью дедуктивного метода определяю, что ты была в чулане. Теперь ясно?

— Да, — застенчиво ответила мышка, — кажется, ясно. Но, по-моему, ты с помощью дедуктивного метода определил, что я такая же неряха, как ты. А это неверно. Впрочем, все равно. Рассказывай дальше, пожалуйста.

— Итак, Шницель Хлопс размышлял следующим образом — он сказал себе: «Если вор не относит краденые вещи скупщикам, то что же он с ними делает? Он наверняка отправляет их парходом за границу, чтобы продать там через сообщников. Ага! Вот и еще одно звено в цепочке! В местной картотеке отсутствует. Имеет сообщников за границей. Да, он, несомненно, иностранец — опасный иностранец. Но почему тогда полиции других стран ничего о нем не известно? Не может быть, чтобы на столь ловкого и опытного преступника не завели где-нибудь карточку. Странно, очень странно!» Тут он почувствовал, что сейчас снова зайдет в тупик и, чтобы этого не случилось, отправился домой писать письмо бабушке, страдающей ревматизмом.

На востоке уже разгоралась заря, когда, отперев дверь отмычкой, великий сыщик вошел в дом. На крыльцо вылез кот и стал лакать свое утреннее молоко. Но Хлопс ничего не замечал. Он был раздражен и раздосадован.

Он отправился прямо в кабинет и упал в кресло. На столе лежала пачка писем, утренняя почта, которую только что принесли. Угрюмо и рассеянно — мысли его были далеко — Хлопс стал просматривать письма. Наконец ему попался конверт с иностранной маркой. Он разорвал его зубами. В то утро Хлопс ненавидел все иностранное.

Но по мере того как сыщик читал письмо, его настроение менялось. Сначала у него глаза на лоб полезли. Затем он разинул рот от изумления. Затем его лицо расплылось в широкой ухмылке. Письмо было от начальника полиции Венесуэлы, страны в Южной Америке. Видите ли, Холодильный Сыщик забыл посчитать, сколько ответов получил, а это письмо шло из такой далекой страны несколько недель. «Мы почти уверены, — говорилось в нем, — что человек, которого вы разыскиваете, значится в нашей картогеке уже три года. Обычно он проникает в дом через кухонное окно. На обратном пути всегда задерживается, чтобы полакомиться клубничным вареньем — если оно есть. Но не откажется и от любого другого. Собственно, равнодушен ко всякой еде. Родом не из нашей страны, но хорошо известен здесь как Педро-Пузо-Кукурузо, Мексиканский Кухонный Бандит. Сокращенно Кукурузо. Работает ли ваш преступник с собакой? Если да, можете не сомневаться, это Кукурузо».

Шницель Хлопс подскочил на стуле. Он подскочил так внезапно и так высоко, что стукнулся головой о потолок. Но в страшном волнении даже не заметил этого.

— Собака! — вскричал он. — Ну конечно же! Тарелка на полу. Кому еще могли поставить тарелку на пол?!

Тут в кабинет ворвался один из его помощников — только что неподалеку ограбили еще один дом. Великий сыщик быстро наклеил длинную седую бороду и поспешил на место преступления. Он опросил всех обитателей дома. Но, разумеется, никто не видел, как грабитель входил, никто не видел, как он выходил; и, разумеется, на кухне остались следы ужина: вымазанные в варенье ножи и ложки

— и одна грязная тарелка на полу. Хлопс стал изучать землю вокруг дома в поисках собачьих следов. И, конечно, нашел их — на грядке под кухонным окном. Теперь он окончательно уверился, что Педро-Пузо-Кукурузо и есть тот таинственный грабитель, которого он разыскивал. И немедленно дал объявление во все газеты:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК

Педро-Пузо-Кукурузо, известный под кличкой Мексиканский Кухонный Бандит. Высокий, смуглый и худой. Подозрительный тип. Любит варенье. Работает вместе с собакой. Если кому-либо известно что-либо, что помогло бы схватить эту темную личность, прошу написать или сообщить лично м-ру Шницелю Хлопсу, сыщику.

Теперь все знали, как зовут грабителя и как он выглядит, и все стали вспоминать и гадать. Но узнать имя и некоторые детали внешности, еще не означает поймать. В стародавние времена имена Робин Гуда и капитана Кидда были известны каждому, и, однако, они преспокойненько разгуливали на свободе. И в самом деле, несмотря на все толки и пересуды, не нашлось ни одного человека, кто действительно встречал бы этого невидимку, чьи многочисленные преступления наделали столько шума.

И в конце концов Хлопс начал недоумевать и сомневаться. Может, это был вовсе не Кукурузо? Иностранец не мог бы прошмыгнуть незамеченным, когда все вокруг его ищут. В дома проникали так же, как и раньше, почти каждую ночь. Но теперь пропадали только продукты. Не украшения, не зонтики — только продукты. И в каких количествах!

**Мексиканский Кухонный Бандит
с помощником.**

Бережливые хозяйки в одну ночь лишились всех своих запасов — мешков муки, корзин яблок, дюжины банок с компотом. Великий сыщик был крайне озадачен. Потому что одному человеку этого не съесть. Казалось, теперь работает целая банда.

И Хлопс сказал себе: «Ну что ж. Допустим, мы ошибались. Но если мы не умеем найти человека, быть может, мы найдем собаку?» И он снова обошел все места преступлений и тщательно изучил все собачьи следы под увеличительным стеклом. Потом он их зарисовал. Потом показал дрессировщикам и продавцам собак. Те сказали, что никогда в жизни не видели таких отпечатков лап и понятия не имеют, какой породы может быть эта собака. Что нисколько не удивительно, так как раз сам Кукурозо представлял собой совершенно новый вид грабителя, его четвероногий помощник тоже должен был быть совершенно новым видом собаки.

— Ну и какой породы была эта собака? — спросил я.

Габ-Габ торжествующе улыбнулся:

— Жульдог.

— Кто-о? — Джип даже подскочил.

— Жульдог, — повторил писатель. — Смесь бульдога с жуликом. Очень редкая порода. Видите ли, для того чтобы успешно обчистить кухонные шкафы и холодильники, чрезвычайно важно в ночной тиши не издать ни одного лишнего звука. Неловкая рука, тянущаяся за банкой соленых огурцов или батонном колбасы, может наделать столько шума, что проснется Спящая Красавица. А у жульдога была тонкая длинная мордочка и длинное туловище на коротких ножках. Он мог проскользнуть между бутылками с уксусом и жестянками с чаем и принести пучок спаржи, ничем не звякнув

по дороге. Его специально дрессировали, и он никогда не ел того, за чем его посылали, потому что знал: перед тем как смыться, его хозяин обязательно поставит для него на кухонный пол тарелку с вкуснейшим ужином.

Все это выяснилось позже. Пес оставался неизвестным, неузнанным и непойманным до последней минуты, потому что, как и сам Кукурузо, умел менять внешность. Иногда он переодевался в кокер-спаниеля, иногда — в немецкую овчарку. И вел себя всегда так, как того требовала его новая внешность. Если он преображался в задумчивого скотч-терьера, то еле ковылял по городу — седой, старенький, страдающий одышкой. Если в приветливого щенка эрделя, то скакал, резвился и приставал ко всем с вопросами. Он умел лаять и рычать шестью разными голосами. Если нужно, он умел косить глазами. Он умел все. И, конечно, его никто никогда не мог вывести на чистую воду. Да что там говорить, и у Педро-Пузо-Кукурузо, и у его собаки голова варила.

После того как его описание появилось в газетах, Мексиканский Кухонный Бандит стал еще более дерзким и нахальным. Казалось, он совсем забыл об осторожности. Так и виделось, как он злорадно хихикает, оставляя в ограбленных домах записки, подписанные его именем: «Благодарю за вкусный ужин. Ваши сторожа ужасные тупицы. Мимо них можно слона провести. Искренне ваш, Кукурузо».

Он любил дразнить Хлопса, называя его болваном и олухом. Он сообщал в записках, какой дом собирается ограбить. И хотя Холодильный Сыщик отправлялся туда с двумя помощниками и дюжиной полицейских и всю ночь был начеку, на следующее утро оказывалось, что самые вкусные и дорогие продукты таинственным образом исчезли.

Тогда полиция изловила всех собак города, всех, до единой, и возвращала их только владельцам в собственные руки. Жульдог и тут выкинул дьявольскую шутку. Он тоже явился. Но на этот раз переодевшись в бездомного кота — полуперсидского, полуголодного — испуганного, слабого и дрожащего. Костюм был так хорош, что никому и в голову не пришло заподозрить обман; получив бесплатно сытный обед, он плюнул на остальных собак и удалился.

Между тем люди все больше и больше сердились и негодовали. А Шницель Хлопс продолжал скрежетать зубами. Он так сильно ими скрежетал, что стер почти до корней, и очень страдал, поскольку не мог как следует пережевывать пищу. Газеты продолжали потешаться над ним, а Ром Штекс поместил на первой странице «Антрекотов и фаршей» сатирическое стихотворение — по крайней мере Штекс считал его сатирическим:

Прихватив мешок для груза,
Лезет в кухню Кукурузо,
Тащит мясо и сироп. С
Праздничком, вас, Шницель Хлопс!

Но в конце концов Педро-Пузо-Кукурузо зашел слишком далеко. Он уже украл все самые ценные продукты, он выставил на посмешище лучших сыщиков, он швырнул вызов полиции, он потряс мир своими блестящими и дерзкими преступлениями. Но на этот раз он совершил нечто такое, чего не совершал никогда раньше, — чего, вероятно, не совершал раньше никто, — украл кухарку.

— Это еще зачем? — удивилась Чичи.

— А что, кухарки очень ценятся, — объяснил Габ-Габ. — Конечно, хорошие. А эта была замеча-

тельная. Она славилась своими пирогами, особенно ревеневым. Ее звали Ваниль Вербена. Хозяйка Ванили говаривала, что она стоит столько золота, на сколько тянет сама, — а это кое-что значило, поскольку Ваниль была огромная, как дом, и весила тонну. И вот, там, где служила в кухарках Ваниль Вербена, начали твориться странные вещи. Кухню грабили несколько раз. А семья была большая: мама, папа и шестеро детей — и у всех здоровый аппетит.

Обычно в этой семейке все были очень пухленькие и упитанные. А тут вдруг стали худеть — и особенно сама кухарка. Эта добрая женщина, когда-то круглая, как яблоко, начала таять на глазах, таяла, таяла, пока не превратилась в тоненькую соломинку. «Вот как горюет по своим пирогам», — говорили люди.

Как бы то ни было, она вдруг исчезла. Однажды утром ее кровать с особо прочными пружинами оказалась пуста. И Шницель Хлопс рьяно взялся за дело, гораздо более рьяно, чем когда бы то ни было в своей переполненной делами жизни. И не только потому, что новое злодеяние Кукурузо затмевало все прошлые. У Хлопса была и личная причина — романтическая.

Видите ли, расследуя прошлые ограбления (а этот дом грабили уже не раз), Шницель Хлопс познакомился с Ванилью Вербеной, когда та была еще пухленькой и пригожей, а попробовав ее дивных пирогов, решил на ней жениться. Он даже расширил кухню в своем собственном доме, чтобы ей было где развернуться. Так что можете представить себе, как он был разъярен, как зол на Кукурузо, который добавил к длинному списку своих злодейств еще одно, непростительное, — похищение кухарки.

*Ваниль Вербена была огромная,
как дом.*

Хлопс поклялся своей широчайшей мировой известностью и своей длинной фальшивой бородой, что не сомкнет глаз, пока не найдет бесценную Вербену, а негодного мошенника — не схватит и не бросит в тюрьму.

Он чуть не умер от недосыпания, но сдержал слово.

И вот как это было. Сначала он прибег к дедуктивному методу. Зачем человек крадет кухарку, спросил он себя. Потому что любит хорошо поесть? Конечно. Но, украв, он не решится оставить ее у себя дома. поскольку люди, которые видели жертву раньше, могут ее узнать. Он наверняка сделает похищенную главным поваром ресторана. И, конечно, это должен быть новый, недавно открывшийся ресторан.

Хлопс взялся за дело и сначала расспросил всех о новых закусочных, кафе, ресторанах и рестораничках. А потом стал обходить их один за другим и всюду заказывал ревеневый пирог. Холодильный Сыщик, конечно, знал, что Кукурузо спрячет Вербену от людских глаз. Но он помнил вкус ее знаменитого ревеневого пирога и был уверен, что узнает его среди тысяч.

Великий сыщик съел столько порций, что иногда ему казалось: ревеня он больше никогда в рот не возьмет. Однако он храбро шел дальше. И, разумеется, наконец набрел на ресторан, где официант подал пирог, который — Хлопс понял это немедленно — мог быть приготовлен только ручками Ванили Вербены. Он тотчас велел одному из своих помощников арестовать владельца ресторана и надеть на него наручники. Сомнений быть не могло — Кукурузо попался. Затем Хлопс тщательно обыскал все помещение и в кухне обнаружил свою

драгоценную стряпуху, прикованную к кухонному столу и месившую тесто для ревеневого пирога, — была там и диковинной внешности собака, которая ела из стоявшей на полу тарелки. Гнусной карьере Мексиканского Кухонного Бандита пришел конец.

— Его посадили в тюрьму? Надолго? — спросила белая мышка.

— Нет, вот что интересно: его вообще не посадили в тюрьму, — ответил Габ-Габ. — В машине по дороге в полицейский участок Хлопс стал задавать грабителю разные вопросы. Например, ему хотелось узнать, что Кукурузо делал со всеми этими горами пищи, которую он украл. И оказалось, что Мексиканский Кухонный Бандит был вроде перодеотога Робин Гуда. Он грабил богатых, чтобы отдавать добычу бедным. Когда он узнавал, что у какой-нибудь состоятельной семьи большие запасы пищи, он непременно проникал в этот дом, чтобы потом накормить бедняков, которым нечего было есть. Даже Ваниль Вербену, знаменитую кухарку, он похитил ради бедных. Он придумал устроить ресторан, где бродяги и нищие могли бы получить хорошую еду бесплатно.

Кукурузо был очень хитрый. Понимая, что унести Вербену человеку не под силу — да и в окно она не пролезет, — мошенник раздобыл такие специальные пилюли для похудения и каждый раз, забираясь в дом, подкладывал их в еду, которую оставлял в кладовке. Вот почему вся семья вместе с кухаркой так сильно похудела.

Когда Холодильный Сыщик узнал, почему его заклятый враг совершил все свои преступления, он стал смотреть на все совсем другими глазами. Посадить в тюрьму такого достойного человека, который всю свою жизнь помогал бедным, — ни за что

на свете, думал он. Однако нужно было хотя бы притвориться, что он по-прежнему хочет наказать злодея. И, некоторое время поразмыслив, пока машина катилась по дороге, он сказал своему пленнику:

— Тебе наверняка хочется покурить. Я сниму с тебя наручники, чтобы ты мог достать из кармана свои сигареты. — Он так и сделал, и Кукурузо поблагодарил его. Затем Хлопс сказал:

— Предположим, ты бы сейчас не направлялся в тюрьму, а был бы свободным человеком, стал бы ты жить честно или продолжал бы грабить дома?

И Кукурузо ответил:

— Я бы жил честно. В этой игре тебя рано или поздно все равно поймают. К тому же я виноват перед жульдогом. Когда мы познакомились, он был кристально честной собакой — я забрал его из цирка, там-то он и научился так здорово менять внешность. Это я сбил его с пути и научил воровать. — Он печально вздохнул. — Если бы я сейчас был свободен, я бы взял жульдога и мы стали бы вместе выступать. Я хорошо играю на гитаре. Увы, слишком поздно захотел я начать жизнь с начала.

Опять Хлопс надолго замолчал и только пожевывал накладной ус, погрузившись в свои мысли. Вдруг он сказал:

— Прошу прощения, я отлучусь на минутку, мне нужно поговорить с шофером.

Он постучал в окошко, остановил машину и вышел, аккуратно оставив дверь открытой. Делая вид, что отдает какие-то распоряжения, он краешком глаза наблюдал за Кукурузо. И увидел, как Мексиканский Кухонный Бандит ползком пробирается между кустами, а за ним поспешает верный пес. Но Хлопс и не подумал пускаться в погоню.

Он сел в пустую машину и отправился в полицейский участок. Там он попросил проводить его к дежурному офицеру и сказал:

— Мне очень жаль. Я схватил вора, надел на него наручники и все такое, но он вырвался из моих когтей, когда я вез его в тюрьму. Тем не менее я думаю, что больше вас не будут беспокоить кухонными ограблениями.

А потом он отошел от всех дел и женился на Ванили Вербене. Она опять превратилась в такую же восхитительную пышечку, как раньше, и они стали жить-поживать, добра наживать.

ВЕЧЕР ШЕСТОЙ

КАК ЦВЕТУЩАЯ АЙВА СПАСЛА ЖИЗНЬ СВОЕМУ ОТЦУ

— **А** сейчас я расскажу вам кухонную басню. — сказал Габ-Габ. — Это перевод с персидского.

— Что такое басня? — спросила белая мышка.

— Господи! — воскликнул великий писатель. — Стоит тебе только пискнуть, а я уже знаю, что ты скажешь. «Что такое то? А что такое се?» Басня — это старинный рассказ, который должен преподать нам урок, но ему не обязательно быть правдивым. Басни придумал один древний грек по имени Эзоп. А еще он прославился тем, что изобрел закуску, которая называлась «эзопов язык». Очень вкусно, особенно если есть, пока не остыло.

Итак, во времена, когда еще не было страны Персия, в тех местах жил очень воинственный народ башибузуки. Это были замечательные наездники. Можно сказать, они жили в седле. И хотя они были такие свирепые, что держали в страхе весь Восток, они были еще необыкновенными чистюлями — регулярно принимали ванны. Так велела им их религия. А пророки и священнослужители внушали заповедь: мойся ежедневно. Правда, для того чтобы служить своей вере, им не приходилось прилагать никаких усилий. О них заботились лошади. Живя в седле, башибузуки и спали в седле. А лошади были так хорошо выдрессированы, что, как только занималась заря, они направлялись прямехонько к ближайшему водоему. Так что башибузуки обычно просыпались перед завтраком, плавая в реке среди

льдин, или пуская пузыри со дна какого-нибудь миленького прудика. Это очень закаляло.

И вот однажды Шах башибузуков решил пойти войной на самого могущественного своего соседа, Султана Кудристана. Он приказал своей армии выкупаться, пообедать и выступать в поход. Несколько месяцев ни одна сторона не выигрывала и не проигрывала, потому что Шаху никак не удавалось втянуть противника в хорошую потасовку. Солдаты Кудристана прятались в горах, к которым лошади башибузуков не привыкли. И в один прекрасный день Шах вызвал к себе в шатер своего главнокомандующего генерала Бух-аль-Бабаха и сказал: «Генерал, в горах мне с Султаном не справиться. Я не могу к нему подступиться. Вот что я придумал». «Да, сэр, — ответил генерал. — Каков ваш план?»

Я забыл вас предупредить с самого начала, что эта басня будет о ядах — так сказать, ядовитая история.

— О ядах! — в ужасе воскликнула белая мышка. — Что-то мне это не нравится. Какое отношение к еде имеют яды?

— О, огромное, — ответил Габ-Габ. — Знания о продуктах помогают понять, что лучше употреблять в пищу, а знания о ядах — что лучше не употреблять в пищу. И то, и другое очень важно. Вы, наверное, слышали старую поговорку: «Что полезно одному, то другому вредно». Страус может съесть вещи, которые нам с вами не пошли бы в прок, — теннисный мячик, камень, что угодно. Но не все яды смертельны. От некоторых просто слегка нездоровится и все. В старину, когда изучением ядов занимались гораздо больше, чем сейчас, можно было купить зелье на любой случай жизни: поро-

шок, от которого полчаса болит живот, пилюлю «два дня в постели» или безобидную с вида микстуру, несколько капель которой в пять минут отправят вас на тот свет.

В эти дикие времена у всех королей и королев и у всех важных персон были на постоянной службе специальные отравители, которые жили во дворце вместе со всеми домочадцами. Они были вроде сегодняшних придворных докторов, знаете, — и врачи, и химики, и аптекари. Однако вернемся к нашей басне: генерал башибузуков спросил Шаха: «Каков же, о Всемогущий Повелитель, ваш план?» И Шах ответил: «Генерал, поскольку я не могу втянуть Султана в открытую битву, я думаю, надо бы его отравить. Как только армия Кудристана лишится своего умного командующего, мои люди, я уверен, живо разделают их под орех. Сию же минуту доставь ко мне всех придворных отравителей, мы с ними тут поболтаем и решим, чем бы так попотчевать Султана, чтобы он больше никогда не встал во главе своих войск». При этих словах генерал смертельно побледнел. Позже я объясню вам, почему. «Великий шах! — вскричал он, падая на колени. — Мы не взяли с собой ни одного отравителя. Накануне того дня, когда ваша армия выступила из столицы, у них был большой пир. Только для своих — без посторонних, — на который были приглашены все профессиональные отравители. И кому-то пришло в голову, что выйдет славная шутка, если угостить пирующих их собственным снадобьем. Что-то подмешали в суп, и на следующий день все отравители так ужасно себя чувствовали, что не смогли тронуться в путь вместе с армией».

Шах нахмурился — на лбу у него появилась очень грозная складка: «Как так не взяли ни одного

отравителя! — загремел он. — Первый раз такое слышу!» — И он стал топтать ногами и метаться по шатру, как безумный.

Так вот, побледнеть генерала заставило не предложение отравить султана Кудристана. Закаленный башибузукский кавалерист от этого и глазом бы не моргнул. Но дело в том, что Бух-аль-Бабах был не только главнокомандующим, но и Великим визирем Шаха. А в те дни заведено было так: если вы Шах или Император, и что-то у вас не клеится, вы первым делом отрубаете голову Великому визирю и заводите нового. Что бы ни произошло: лошадь охромела, куры перестали нестись, — Великий визирь за все расплачивался жизнью. Так все видели, что вы важная персона и с вами шутки плохи.

Бедный генерал попытался незаметно выбраться из шатра, но Шах погрозил кулаком ему вслед и крикнул: «Прежде чем сядет солнце, твоя голова скатится с плеч долой!»

В отчаянии Бух-аль-Бабах побрел в свой шатер. Его жена и прекрасная дочь Цветущая Айва крепко спали. Он разбудил жену и сообщил ей печальные новости. «Увы! — вскричал он ломая руки. — Я погиб!»

Но жена генерала была очень умная женщина. Поговаривали даже, что из нее вышел бы гораздо лучший генерал, чем сам Бух-аль-Бабах. Она не стала плакать и причитать, а задумалась. И размышляя, поглядывала на свою прекрасную дочь Цветущую Айву, которая мирно спала на тахте, сплошь расшитой узорами.

«Слушай, Бух, — произнесла она наконец. — Голова у тебя бестолковая, но другой нет, и мы не можем себе позволить ее потерять. Даже в этой огромной армии мужей раз-два и обчелся. Однако

сия юная девица спасет тебе жизнь. Как тебе прекрасно известно, при всей красоте и невинности она ужаснейшая в мире стряпуха. С тех самых пор, как она чуть не погубила священного слона Его величества, приготовив для него рис, разве не запрещено ей высочайшим указом даже кипятить воду из опасения, что здоровью воинов будет нанесен ущерб. Шахские отравители остались дома. Ну что ж, я предлагаю вместо них использовать нашу малышку Айву. Если бы только удалось забросить ее в лагерь Султана и устроить так, чтобы она стала его кухаркой, можешь не сомневаться, что он умрет от несварения желудка, прежде чем зайдет солнце».

Она осторожно разбудила прекрасную девицу и объяснила ей свой замысел. Семья не может позволить себе лишиться главы, сказала она дочери, спасти отца — ее долг, даже если работа ей не по вкусу. Тут надо заметить, что Айва была по натуре, как говорится, домоседка — любила домашний уют и хозяйство. Больше всего в жизни она хотела растить послушных детей и готовить вкусную еду для хорошего мужа. Так что судьба обошлась с ней сурово, сделав ее ужаснейшей поварихой из всех, что когда-либо помешивали в кастрюле половником. Поняв, чего хочет от нее мать, Цветущая Айва залилась слезами, и они ручьями потекли по узорчатой вышивке тахты.

Тем не менее ради отца она в конце концов согласилась. Немедленно вызвали лучших башибузукских лазутчиков. И в большой фруктовой корзине, прикрытой сверху ананасами, ее пронесли через горы в лагерь Султана. Там главный лазутчик оставил корзину на рыночной площади, а сам отправился немножко полазить и пошпионить.

Он вызнал, что Султану как раз нужна новая повариха. Отлично! Еще он вызнал, что в этот самый день Султан намеревался отравить Шаха. В те времена это было модно. Больше нельзя было терять ни минуты, нужно было как можно скорее представить Султану новую кухарку и спешить назад, чтобы предупредить Шаха о готовящемся покушении на его жизнь. Главный лазутчик знал свое дело. Он быстро вернулся на площадь, вытащил Айву из-под ананасов и доставил ее к Султану. Он расхваливал ее кулинарные дарования, называя лучшей поварихой в мире, а особенно превозносил ее блинчики. Султан сказал, что возьмет девушку с испытательным сроком и попробует ее стряпню. Айву отвели на кухню, а лазутчик поспешил домой.

Ну что ж, она справилась со своей задачей как нельзя лучше. После первого блинчика Султана отнесли в постель, и живым он ее больше не покидал. Двое лучших военачальников вражеской армии скончались от того же блюда. Бедная Цветущая Айва была безутешна. Она знала, что стряпает ужасно. И не старалась нарочно испечь особенно плохие блинчики. Просто так получилось. У нее всегда так само собой выходило. Можно сказать, своего рода талант. Да и о Султане никто особенно не горевал, потому что он сам собирался отравить своего врага. Однако, узнав, что блюдо ее имело успех, Айва залила слезами всю кухню и убежала к своим.

А при дворе Шаха был в самом разгаре праздничный пир, и все ликовали и веселились. Отцу Айвы, Великому визирю, обожаемый повелитель вручил подарки и награды. Шах послал за девушкой, чтобы лично поблагодарить ее, и сказал, что выиграл войну только с ее помощью. Потому что

после смерти Султана армия Кудристана бросилась врассыпную под натиском быстрой и закаленной конницы башибузуков. Он предложил ей пост Главного придворного отравителя. Но она отказалась и снова залилась слезами, вспомнив, что надедали ее блинчики.

Шах посадил Айву к себе на колени и стал утешать ее. И вдруг, когда она приподняла покрывало, чтобы утереть слезы, увидел, что она необыкновенно хороша. Шах не был женат и незамедлительно предложил ей взамен места отравителя место супруги. Девушка ответила, что с радостью согласится, если он пообещает, что ее папе не отрубят голову, даже если куры не будут нестись.

Это обещание она получила; Шах даже сказал, что она может стряпать, сколько ей вздумается — при условии, что ни ему, ни его армии не придется пробовать ее стряпню. Лучше всего, сказал он, все закапывать, чтобы случайно не отравились лошади или собаки.

И они поженились под всеобщее ликование, и стали жить-поживать, добра наживать.

ВЕЧЕР СЕДЬМОЙ

ПОСЛЕ НЕСКОЛЬКИХ СЛОВ О ДИЕТЕ ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ, КАК ОДНАЖДЫ ПРЕКРАСНЫЙ ЗАКАТ ВДОХНОВИЛ ЕГО НАПИСАТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СОВЕРШЕННО САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ

И снова в очаге на кухне Доктора Дулитла весело гудел огонь, и, хотя еще не кончилась зима, было так тепло, что казалось, лето не за горами.

Добрая Чичи таскала хворост; поленья, которые оказывались для нее слишком тяжелы, она катила перед собой, как бочку. На полу валялись кусочки коры, мусор, но Чичи прошла по кухне метлой. И когда она уселась и приготовилась слушать, пол сиял так, что осталась бы довольна даже Даб-Даб.

Доктор Дулитл возился с аквариумом у себя наверху — приручал редкие морские растения. А когда он работал, никому — ни под каким видом — не позволялось ему мешать.

Все остальные собрались в кухне. Слушать «авторские чтения» Габ-Габа уже вошло у нас в обычай. Даб-Даб все еще относилась к его трудам с презрением, какого, по ее мнению, они заслуживали. Но мы заметили, что она почти всегда приходит послушать, и стали подозревать, что Кухонная энциклопедия больше не кажется ей такой чепухой, как поначалу. К тому же она перестала гнать нас в постель в положенный час. Так что порой утро начинало светиться за окнами бледно-голубым све-

том, прежде чем заканчивалась лекция Габ-Габа об искусстве питания.

Филин Гу-Гу и попугай Полинезия никогда не говорили сразу помногу. Видимо, поэтому они без особых усилий заслужили репутацию очень мудрых птиц. Я всегда слушал с любопытством, потому что никогда не мог угадать, чем удивит нас на этот раз великий писатель.

Воробей Чипсайд и белая мышка даже не скрывали, что обожают лекции профессора Габ-Габа, и покатывались от смеха или хихикали, как школьники, когда какое-нибудь место им особенно нравилось.

Даже ворчун Джип перебивал все реже и реже, а когда все же вмешивался, казалось, что он, скорее, притворяется — потому что, видимо, считает своим долгом критиковать, — чем высказывает истинное мнение.

В этот вечер Доктор салатных наук что-то запаздывал. А когда он наконец появился, белая мышка, которая вот уже полчаса нетерпеливо теребила свои белые шелковистые усики, потребовала объяснить, почему он опоздал.

— Я перечитывал «Книгу о кухонных снах», — ответил Габ-Габ.

— Зачем это? — спросила белая мышка.

— О, это не очень существенная работа, — сказал Габ-Габ. — Так, пустяки. Но я подумал, что все равно ее стоит просмотреть. Она будто бы объясняет значение снов. Например, если вам приснилось, что вы едите капусту брокколи, то, утверждает книга, можете быть уверены, с вами непременно случится какая-нибудь неприятность. И наоборот, если вы во сне плотно пообедаете репой, вам очень скоро повезет в делах или в любви.

Но больше всего меня задержал визит к доктору Мазурику. Дело в том, что доктор Мазурик давал объявление в газетах, что может заставить похудеть с помощью не диеты, а мысленной тренировки.

— Что такое диета? — спросила белая мышка.

— Диета, — ответил Габ-Габ, — это когда не ешь того, что любишь есть, а ешь то, чего не любишь. Я несколько поправился за последнее время и решил попробовать мысленную тренировку — это как-то приятнее, чем диета. Но я был крайне разочарован. Метод доктора Мазурика основан на том, что ты без конца повторяешь: «Ну-ка, брюшко, убирайся и назад не возвращайся!» Однако на мою фигуру это почему-то совершенно не действовало.

При условии, что вы произнесли заговор несколько раз подряд, вам разрешалось съесть все, что угодно, — *мысленно*, то есть, в уме. Он выписал мне прекрасные блюда: артишоки, картофель, спагетти, фаршированные финики, гренки с сыром и т.д., — о которых я должен был *думать* на завтрак, на обед и на ужин. Предполагалось, что это полностью меня насытит. Ничего подобного. Только вызывало бесшешеный аппетит. А все, что мне было разрешено, — по капельке ячменного отвара утром и в полдень. Остальное время можно было только думать о еде. И если бы у меня не хватило присутствия духа положить три-четыре яблока под подушку на ночь, кто знает, что бы со мной случилось. Не думаю, что еще когда-нибудь обращусь к доктору Мазурику. Он берет большие гонорары и называет это «Метод мысленной тренировки доктора Мазурика для страдающих ожирением».

— Ожирение? — переспросила белая мышка. — Это то же самое, что озверение?

— Да, — буркнул Джип.

— Перед тем как ты вошел, — продолжала белая мышка, — мы тут спорили о твоей книге. Я тебя защищала. Я сказала, что мне больше всего нравятся всякие кухонные истории. А Чичи сказала, что ты сам все из головы выдумал. А Джип сказал: как это ты можешь что-нибудь из головы выдумать, когда у тебя и головы-то нет на плечах. Но Чичи стояла на своем, потому что почти все твои истории кончаются словами «Они стали жить-поживать, добра наживать». А так обычно кончаются сказки, правда? Нам очень интересно, сколько ты действительно выдумал.

Габ-Габ тщательно протер очки. Некоторое время он молчал. И мы поняли, что доктор салатных наук произнесет сейчас нечто очень важное.

— Ваши слова заставляют меня обратиться к особой части моей книги, — начал он, — которую я намеренно отложил до конца — то есть, до конца чтений. Видите ли, я почувствовал, что, кроме библиографии, библиотечных исследований по истории, географии, кроме мифов и легенд о еде, мне хочется написать что-то совершенно самостоятельно, от начала до конца. И я создал такое произведение — и очень им горжусь.

— Это какой-нибудь кухонный рассказ? — спросила белая мышка.

— В некотором роде, да, — ответил писатель. — Пожалуй, его можно назвать кухонным романом. Хотя и это не совсем подходит. Ни одно название не годилось, и тогда я придумал нужное слово сам. Это *эпикническое* произведение.

— Что-что? — прорычал Джип.

— Эпическое произведение, — объяснил Габ-Габ, — это поэма, длинная поэма или историческое повествование, написанное поэтическим языком.

История Елены Прекрасной Гомера, например, — эпическое произведение. Свою же работу, чтобы сделать ее вкуснее, можно сказать, аппетитнее, я назвал эпикнической — смесь *эпического* с *пикником*. Это история короля Глотина II, Короля пикников.

Любопытно, как мне пришла в голову такая идея. Многие воображают, что мы думаем только о еде. Это не совсем верно. Когда перед вами стайка юных поросят с мечтательным выражением на свежих мордашках, не всегда обязательно предполагать, что они грезят о картошке. Однажды прелестным вечером я любовался дивным летним пейзажем, залитым малиновым светом августовского заката. Я задумчиво пожевывал редис, но голова моя была полна поэзии — до отказа.

В конце концов, сказал я себе, — я — деревенский поросенок, селянин. Городская жизнь, конечно, очень хороша — на короткое время, так сказать, для разнообразия. И, однако, ничего нет лучше деревни. Вообразите, какой прелестный вид открывается моим глазам: круглятся зеленые холмы; сочные луга обрамляют зеркало вод — видите, вот она, поэзия: просто «сочные луга» почти ничего вам не говорят, а стоит добавить «обрамляют зеркало вод», и тотчас же представляется яркая картина. «Зеркало вод» — это озеро, «сочные» значит зеленые, хорошо политые и пышные — но без луж и грязи — восхитительное место, где в изобилии сладкие луковицы лилий и тому подобное.

Однако продолжим: впереди раскинулась тенистая дубрава; прохладная тихая река петляет и вьется по широкой долине; под кряжистыми дубами во множестве лежат мясистые, с ореховым привкусом желуды, а среди них кое-где выглядывают круг-

лые шляпки грибов; в кустиках утесника шныряют жизнерадостные кролики; высокий клевер в полном цвету покачивается в такт легкому ветерку; спелые ягоды ежевики застенчиво прячутся в листве; повсюду дичится дикая яблоня. Картина, радующая сердце любого поэта, как сказал один из них: «Здесь все ласкает взоры, Лишь человек...»

«Но чу! — остановил я себя. — Не аромат ли то трюфелей? Да, так и есть, мой пяточок не обманул меня. Но я не стану их откапывать. Я не поддамся искусу. Земные помыслы да не нарушат моего возвышенного расположения духа». Понимаете, чем дальше я шел, тем более и более поэтическим становился. Я прилег на траву среди первоцвета и прикрыл глаза. Из-за поэзии я мог запросто умереть от голода. Такое случилось — с истинно великими писателями.

Прилетела пчела и ужалила меня в нос. Я думаю, она унюхала запах клевера, который я жевал. Но таково было владевшее мной чувство любви ко всей Природе, что я не позволил этому происшествию нарушить плавное течение моих мыслей. К тому же у меня твердый пяточок, и даже злой черный шершень не может нанести мне большого вреда, когда я полон идей и образов. Я просто взял прохладный лист щавеля и приложил к укусу. Впоследствии я его съел — даже поэтам нужно иногда подкрепиться.

«Сей сладостный вид, — сказал я себе, — нуждается лишь в прикосновении моего мастерского воображения, чтобы стать местом действия грандиозной пьесы, кухонной оперы, поэмы о хорошем вкусе — чего угодно, — что будут читать и декламировать истинные лакомки, поколение за поколением. Вот он передо мной. Первый акт. Ибо разве это не само Королевство пикников?»

Я вскочил, снедаемый огнем вдохновения. Меня ужалили еще две пчелы — оказывается, я расположился рядом с их гнездом. Но мне было не до них. Схватив записную книжку, я принялся за дело. Я писал, писал, писал. Заполнив последнюю страничку, я перешел на листья щавеля. Когда кончился щавель, я работал на том, что попадалось под руку. Я даже с ног до головы покрыл записями корову, которая паслась неподалеку. Мысли переполняли меня.

И постепенно король Глотин II вставал перед моими глазами как живой посреди чудесного окружения, как бы созданного для него. Спустилась ночь, но я ее не заметил. А на рассвете сын фермера пришел доить корову. Я попытался делать наброски и на нем, ибо я испытывал прилив вдохновения. Но он не позволил. Поэтому последние строки мне пришлось запечатлеть на стволе дерева.

Когда солнце поднялось во всем своем блеске, я наконец закончил, усталый, измученный, испытывающий жажду и голод, но счастливый — как только может быть счастлив писатель, который знает, что сделал свое дело и сделал его хорошо. Я крепко уснул, а корова тем временем съела весь мой щавель и стерла с себя все записи, валяясь в траве.

Но это уже было неважно. Великое эпикническое произведение надежно хранилось в моей голове. Я пошел домой и записал его на оберточной бумаге. И завтра с вашего позволения, прочту его вам.

ВЕЧЕР ВОСЬМОЙ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ГЛОТИНА II, ПРОЗВАННОГО КОРОЛЕМ ПИКНИКОВ. О ЕГО УДИВИТЕЛЬНОМ ДВОРЕ, ЧУДЕСНЫХ ПОРЯДКАХ, ИМ ЗАВЕДЕННЫХ, О ЕГО НЕСМЕТНОМ БОГАТСТВЕ. ЗДЕСЬ ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ НАЧИНАЕТ СВОЕ ЭПИКНИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ (КОТОРОЕ, ОН НАДЕЕТСЯ, БУДЕТ ИМЕТЬ ЖИЗНЬ СТОЛЬ ЖЕ ДОЛГУЮ, ЧТО И ТВОРЕНИЯ ШЕКСПИРА). ОН ОПИСЫВАЕТ САМЫЙ ГРАНДИОЗНЫЙ ИЗ ВСЕХ ЗНАМЕНИТЫХ КОРОЛЕВСКИХ ПИКНИКОВ И ДИКОВИННЫХ ГОСТЕЙ СО ВСЕГО СВЕТА. ОН РАССКАЗЫВАЕТ О ДРУЖБЕ КОРОЛЯ С ВЕЛИКИМ МЭТРОМ ШАМПИНЬОНОМ. И О ТОМ, КАК СОНЕТ ПРОСЛАВЛЕННОГО ФИЛОСОФА ПОПАЛ НА ЗОЛОТУЮ КАСТРЮЛЮ, В КОТОРОЙ ГЛОТИН САМ ГОТОВИЛ УГОЩЕНИЕ НА СВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Род Глотинов, прежде даже чем они стали королями, принадлежал к самой высшей знати, выше не бывает. Старика Глотина, который все дни свои проводил в баталиях и сражениях, люди знали и боялись как могущественнейшего властителя. Позже, когда он был коронован под именем Глотина I, он сделал свою страну очень богатой, присоединив к ней земли, которые завоевал. О его боевых доблестях ходили легенды и после его смерти. Годы, когда королем был Глотин I, и вельможи, и простолюдины вспоминали как век рыцарства: кавалеры тогда были отважны, дамы — прекрасны, а солдаты гордились тем, что служат в его армии.

Поэтому, когда на трон взошел его сын, Глотин II, было много пересудов о том, как станет вести себя

новый король. Имея столь достойный пример для подражания, он — это было ясно с самого начала — должен был быть поистине великим человеком, чтобы не обмануть ожидания людей.

Почти все думали, что молодой монарх затеет для начала войну покрупнее, чтобы произвести на подданных хорошее впечатление многочисленными победами, которые принесут новые земли Глотонскому королевству.

Но, к их удивлению, он не сделал ничего подобного. Вместо того чтобы созвать своих рыцарей в доспехах и приказать трубачам трубить во все трубы, король послал за своим Главным казначеем и его помощниками, он хотел знать, сколько денег в Глотонских банках и как обстоят дела в Королевской казне. Глотин понимал, что его отец оставил страну в неплохом состоянии, но даже он был поражен, когда хорошенько изучил все банковские книги. Оказалось, что в наследство ему досталось богатейшее на свете королевство. Старый Глотин I был очень экономный король, и ни одна кухарка даже передника нового не могла себе купить без специального распоряжения Главного казначея, скрепленного Королевской печатью.

«Зачем, — спросил себя новый король, — зачем затевать новые войны, когда в Королевской казне денег больше, чем она может потратить?» Ну не глупо ли покупать порох, чтобы тут же его расстрелять, или новые доспехи, которые будут немедленно расколоты? И король велел всем кухаркам купить по новому переднику и по чепчику в придачу, а всем королевским садовникам — по новому костюму; для Королевской столовой следовало приобрести новую посуду из золота и серебра, для свиней — построить новый хлев, для коров — новый коровник

с подойниками из чистого олова и многое, многое другое.

Понимаете, он подумал: славу полководца, как у моего отца, я все равно не завоеую, попробую-ка я завоевать какую-нибудь другую славу. Старого короля звали Глотин Воитель, а его сын хотел войти в историю как Глотин Транжира.

И о, как же он транжирил! Поначалу Главный казначей и Министр финансов прибегали к нему каждые два часа со счетами, свернутыми в трубку — такие они были длинные, — умоляя его быть осторожнее, потому что долго так продолжаться не может. Но Глотин II отмахивался от них и приказывал выковать комплект новых серебряных подков для своего любимого коня.

А через некоторое время — когда они увидели, что из этого вышло, — они поняли, что он, наверное, был прав. Быть королем или королевой означало тогда в глазах людей иметь много денег — впрочем, сейчас тоже. На содержание более или менее приличной страны требовалась уйма средств. И скоро мир решил, что богаче Глотонского королевства нет, потому что оно тратило больше, чем остальные. Туда стали съезжаться купцы со всех концов света, и в их магазинах шла бойкая торговля. И вместо того, чтобы разориться, Глотония, казалось, тем более богатела, чем больше тратила.

Тогда король Глотин всерьез взялся за еду. Тут, конечно, не было ничего нового. Королям нужно есть так же, как и простым крестьянам. И немало властителей вошло в историю лишь благодаря изысканным кушаньям, которые они изобрели. Кардиналы и наследные принцы не стыдились отправиться на кухню и лично проследить за приготовлением

блюда, сделавшего их имена известными во всех уголках цивилизованного мира.

Однако король Глотин II превзошел их всех. Приведя свою страну к процветанию и прославив ее своими безумными тратами — так, что за границей даже сложилась поговорка: о человеке состоятельном говорили «богат, как Глотин», — он принялся за это важное дело, да так основательно, что опять поразил весь мир. А ведь он поражал мир уже не раз.

Искусство питания никогда еще не поднималось на подобную высоту. Судомойку, придумавшую новый соус, осыпали деньгами. Шеф-повар, то есть, самый главный повар, стал такой важной фигурой при дворе, что иноземные министры, прежде чем отправиться с официальными поклонами в Королевскую залу для аудиенций, заворачивали на кухню поболтать среди кастрюль и сковородок.

А какие обеды и завтраки он давал! По великолепию и пышности столовой, говорил он, ему не будет равных. Но больше всего он любил есть альфреско*.

— Кого-кого? — переспросил Чипсайд.

— Альфреско, — пояснил Габ-Габ. — Это значит «на свежем воздухе» по...м... м... итальянски.

— А-а, понял, — сказал воробей. — А то я подумал, что ты про моего старого друга Альфреда. Отличный был парень, старина Альфред! Сам поест, а крошки мне оставит. Таксист был. Валяя дальше, профессор. Извиняюсь, что перебил.

— Так вот, именно благодаря этой приятной привычке устраивать пиры на воздухе Глотин II и стал известен потомкам как Король пикников. У

* Слово «*al fresco*» по-итальянски означает «фреска», т.е. живопись на свежей штукатурке.

Глотин II, Король пикников.

него были и другие важные титулы: Великий Магистр Ордена Золотого Рожна, Кавалер Ордена Подвязок и Подтяжек и т.д. Но всю свою длинную и наполненную трудами жизнь он предпочитал, чтобы его подданные называли его Королем пикников, а не как-нибудь иначе.

Он создал ООН — международный клуб лаком, полностью он назывался «Обожатели Обеденных Наслаждений». Этот клуб вошел в историю.

Но пикник, который король Глотин считал своим лучшим творением и который люди никогда не забудут, был устроен в июле, когда возлюбленный король миновал уже то время жизни, что зовется зрелостью. Ничего подобного мир еще не видел. Гости были приглашены со всех концов света.

Большой пикник происходил на том самом прелестном месте, которое я вам уже описывал. Главная Лужайка была запружена поварами, лакеями и официантами, прислуживавшими гостям, которых, как говорят, было не меньше тысячи.

Я, конечно, не буду перечислять целиком столь длинный список. Хотя полный Почетный Реестр был записан в специальную книгу и хранится в библиотеке Королевского кулинарного колледжа. В нем множество иностранных имен, потому что члены королевских фамилий и знатнейшие персоны мира стремились оказать королю Глотину все возможные знаки внимания — так он был богат, и такую власть имели его деньги.

Итак, среди гостей были королева Гранат-Оранжевская с дочерью, принцессой Резедой Майоранской; принц Пузан, наследник престола Сметании — его отец из кожи вон лез, добиваясь, чтобы сын получил приглашение. И, надо сказать, принц Пузан не уронил чести своего королевства: он съел

столько, что конь не смог его поднять, пришлось соорудить специальную повозку, которую тащили шесть пар волов.

Галушка, атаман донских казаков, — можете вообразить, каким важным гостем считался этот пришелец из столь дальних краев, — хотя он и швырнул костью в другого приглашенного, который ему не показался. В тех местах, откуда прибыл Галушка, так принято, но среди обходительных гостей короля Глотица происшествие вызвало легкое замешательство.

Короли и королевы съехались с Востока и Севера, Юга и Запада, а если домашние обстоятельства или государственные дела не позволили кому-либо присутствовать на пикнике лично, они послали вместо себя других важных персон. Например, у Сациви-Бульони, диктатора Ревеневой республики было хлопот невпроворот с революцией, и вместо него приехал его дядя дон Кастро Кастро. Красавец, просто красавец, но совершенно не популярен в обществе. Герцог де Кориандр, как всегда страдающий подагрой, был представлен посланником Барбарисом. И так далее.

Но больше всего среди гостей было помещиков, тех, кто при благородном происхождении все-таки более прославились своими деревенскими занятиями, чем принадлежностью к тому или иному знатному роду. Люди земли, они гордились тем, что молва об их племенных стадах идет по всему свету; признание достоинств их спаржи или меда с собственной пасеки было для них важнее, чем все подвиги короля Артура вместе взятые или записи в архивных книгах, подтверждающие древность их фамилии. Именно поэтому — как не имеющие себе равных в своей области — они и были приглашены на Большой пикник короля Глотица II.

Вот лишь некоторые из них: сэр Лангет Ланселот, знаменитый спаситель горестной Горчицы. Голландский натуралист виконт ван дер Вафль, чьи работы по овощной ботанике наделали столько шума. Граф Зефирский. Паприка Гуляш из Будапешта, чьи дунайские маслобойни поставляли лучшее масло в мире. Герр Пумперникель. Два прославленных шотландца, оба главы кланов, сэр Эль Мак-Арон и сэр Хаггис Мак-Рорус. Леди Виола Винегрет, которая выращивала самые ароматные дыни в стране. Мадам Фрикасе, известнейшая парижская хозяйка.

Был там и сэр Саймон Сосиссон — никто лучше него не умел выращивать и дрессировать морских котиков и песиков. Ее светлость герцогиня де Грильяж, большая мастерица по французским кондитерским изделиям — мастерица их есть, конечно. Маркиз де Мармелад, прямой потомок рода Оранжевских. Султанесса Халва. Графиня Рокфор, всю жизнь посвятившая сливочному сыру. Юный Кочан, отпрыск благородной фамилии из Брюсселя. Судья Сельдерей, который затем женился на леди Бесс Стыдли, превеселой молодой особе — в обществе долго судачили о разнице в возрасте между ними. Вдовствующая графиня Крем-Брюле. И очень важная персона в кухонных кругах маркиза Футьнеты.

Да и сам король последние годы отдавал все больше и больше времени сельским занятиям, охоте, рыболовству и т.д. Заботы государственные, которые он находил скучными и утомительными, он с радостью препоручил своим министрам и племяннику, который еще сыграет немалую роль в нашей истории.

Дамы были прекрасно представлены. Некоторые говорили: просто женщины гораздо большие лаком-

ки, чем мужчины, — это утверждение вызвало оживленную дискуссию; другие полагали, что у них куда меньше дел и они, естественно, не пропустят ни одного пикника или вечеринки.

Так или иначе, их действительно собралось несметное множество, и они веселились от всей души. Упомянем еще очаровательную дебютантку юную Ирис Карамель; трудно сказать, что у нее лучше получалось: плести кружева или ездить верхом. Ее только что представили ко двору, и она прибыла в сопровождении матери.

Большим успехом среди молодых людей на кухонных танцах пользовалась и Пепита Ботвинья из Мадрида. При ней была дуэнья. Довольно мило эта Пепита Ботвинья играла на арфе простенькие пьески, но, пожалуй, она была уж слишком вертлява.

И, наконец, одним из самых почетных гостей был сквайр Голуба Голубец из Голубики, владелец знаменитой голубятни. Слава о нем разнеслась по всему миру, и даже король Глотин считал для себя честью, что Голубец пожаловал на Большой пикник.

Все очень боялись, что возлюбленный король может съесть больше, чем было бы полезно для его здоровья, и тогда его место займет какой-нибудь другой монарх. Пока, однако, Глотин II на самочувствие не жаловался, и не было для него большего удовольствия, чем отправиться на кухню и приготовить какое-нибудь кушанье своими собственными королевскими руками. Из Глотина вышел отличный кулинар. Он надевал шелковый передник и с помощью Главного повара, который был у него на побегушках, готовил восхитительные лакомства в Золотой кастрюле.

Кастрюлю эту Глотин II получил в подарок.

Такие подарки принято было дарить королям на золотую свадьбу. Но Глотин был холостяк, и когда пятьдесят исполнилось ему самому, его любящие подданные собрали деньги, кто сколько мог, и преподнесли ему кастрюлю, необыкновенную по форме и отлитую из чистого золота.

Так случилось, что день рождения короля совпал с днем, когда было изобретено выдающееся блюдо — Пудинг с мясом и почками. При дворе сочли это счастливым знаком Судьбы и обещанием удачи. Как люди рождаются под знаком Льва или под звездой Венеры, Глотин II, можно сказать, родился под знаком Пудинга с мясом и почками. Вот как день рождения Его величества, который отмечался по всей стране всеобщим ликованием и народными гуляниями, стал называться не только «День Короля», но и «День Пудинга с мясом и почками».

Король посчитал это чудесное совпадение столь важным событием, что издал Королевский Указ: отныне и до конца своей жизни в этот день он будет угощать своих приближенных знаменитым блюдом, приготовленным так, как его не готовили еще никогда.

И так, год за годом, когда наступал его день рождения, все королевские челядинцы, и высокопоставленные, и попроще — лесники, сокольничие, садовники, егеря — собирались в просторной столовой и веселились от души, а величайший монарх своего времени подавал им Пудинг с мясом и почками, приготовленный его собственными руками в Золотой кастрюле. Они провозглашали здравицы...

— Что такое здравицы? — спросила белая мышка.

— Точно не знаю, — ответил Габ-Габ. — Но их

всегда провозглашали на больших пирах в древности.

— А-а, — решила белая мышка, — наверное, объявляли, что сейчас подадут.

— А в те времена во Франции жил великий печатник и поэт по имени Шампиньон. Король был его восторженным поклонником и пригласил к себе во дворец. Среди творений великого француза был сонет «Счастье этого мира».

В пятьдесят лет король Глотин II поставил крест на многочисленных сумасбродствах юности и решил остаток жизни посвятить одной цели — он мечтал научить людей жить — о, не просто правильно питаться, а постичь подлинное Искусство Жизни, приправленное здравым смыслом и пониманием, что есть истинно и ценно.

И Шампиньон должен был ему в этом помочь. Поэтому, получив в подарок Золотую кастрюлю, король вызвал Придворного гравера и попросил его вырезать на стенках благородного сосуда стихотворение «Счастье этого мира», от первого до последнего слова. Конечно, оно было написано на французском — к тому же на старофранцузском. Но я не буду утруждать вас иностранным текстом.

— Да уж, пожалуйста, — проворчал Джип.

— Я старался как можно точнее передать содержание, — пояснил Габ-Габ, — и переводил почти слово в слово. Я только раз или два поменял строчки местами и все.

Великий писатель прочистил горло и начал декламировать. И хотя белая мышка похихикала было над тем, что простой поросенок переводит с французского, она да и все остальные были странно торжественны, когда Габ-Габ замолчал.

ВЕЧЕР ДЕВЯТЫЙ

ТРЮФЕЛЕВЫЕ ТРУБАДУРЫ, ЛИМОНАДНАЯ РЕКА, ТУРНИР ВАРЕНИЙ И ДРУГИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ, УКРАСИВШИЕ БОЛЬШОЙ ПИКНИК, КОТОРЫЙ ДЛИЛСЯ МНОГО ДНЕЙ

— Немало существует легенд о веселых королевских застольях. Но я весьма и весьма склонен считать многие выдумкой от первого до последнего слова — особенно после того, как при дворе появился великий натуралист, поэт и философ мэтр Шампиньон. Не было человека, который бы жил более разумно и умиротворенно.

Однако следует дать вам некоторое представление о тех чудачествах короля Глотина, которые послужили основанием для самых немислимых сплетен.

К примеру, именно он изобрел меню-будильник. Удаляясь спать, король никогда не приказывал: «Разбудите меня в шесть часов» или «Дайте мне поспать до девяти». Он говорил: «Разбудите меня копченым угрем» или «Завтра утром меня поднимут оладьи, жареные на подсолнечном масле, с вареньем — да-да, не забудьте про варенье!»

Обычно полагают, что эти кушанья он собирался съесть на завтрак. Совсем не обязательно. Утром он чаще всего посылал заказанную еду на королевскую псарню или дарил кому-нибудь из крестьян. Его величеству нужно было лишь, чтобы его разбудил *аромат*.

Он не любил, когда лакеи суетятся вокруг, говорят, который час. Часы для него ничего не значили,

а запахи — очень много. Прекрасные кухонные ароматы — совсем другое дело! Можно было поваляться в постели лишних минут двадцать, раздумывая о том, хочется ли вам копченого угря, или стоят ли оладьи, жаренные на подсолнечном масле, с вареньем того, чтобы ради них вылезать из-под одеяла. У короля был длинный список утренних блюд, и каждый вечер перед сном Первый постельничий спрашивал: «Чем Обер-гофмейстер должен разбудить Ваше величество завтра — жареными почками или тостами с грибами?»

— В жизни не слышала такой глупости! — воскликнула Даб-Даб. — Возмутительная расточительность!

— Ничего подобного, — возразил Габ-Габ. — Я же говорил, что еду всегда отдавали крестьянам или собакам. К тому же гораздо приятнее, когда тебя будят так, а не стягивают одеяло, не распахивают шторы и не вопят в самое ухо, что уже поздно.

— Но, — сказала белая мышка, — я не понимаю, как можно знать наверняка, что проснешься от запаха из кухни.

— Ах, — ответил Габ-Габ, — вот и видно, что ты не обладаешь даром истинного лакомки. Однажды я снимал меблированную квартиру — ну, не совсем квартиру, это было слишком дорого, — а чулан, через который проходила труба горячей воды. Очень удобно и гораздо дешевле. Но женщина из соседней комнаты каждое утро ровно в шесть часов, минута в минуту, ставила в духовку имбирную коврижку. А я никогда, никогда в жизни, не мог спать под аромат горячей имбирной коврижки. Я испытал все муки бессонницы. Дело было плохо. Пришлось искать другое жилье.

Глотин II прославил себя еще одним нововведением — Трюфелевыми трубадурами. В те времена.

как известно, ни один важный двор не обходился без трубадуров. Иногда это были просто бродячие менестрели, которые зарабатывали монетку-другую, распевая на пирах. А то они служили придворными музыкантами, поэтами и певцами. И тогда должны были сочинять длинные лэ (так назывались исторические поэмы из восьми или девяти куплетов) о ратных подвигах королей или других важных персон — которые кормили и поили трубадуров.

Но Глотин II не слишком почитал войну и ратные подвиги. Будучи, наверное, самым богатым человеком в мире, он был очень скромным и к тому же обладал добрым сердцем. Поэтому он подумал: пусть лучше трубадуры, вместо того чтобы слагать длинные лэ об отваге в бою его предков, поют песни о еде и сочиняют поэмы о разных лакомствах. Он надеялся, что у его гостей от таких песен разыграется аппетит. Ибо не было для него большего огорчения, чем когда прекрасный обед оставался недоеденным, потому что гости были недостаточно голодны. Под его кухонную музыку томные барышни начинали уписывать угощение за обе щеки, а самые здоровенные из челядинцев могли проглотить камни, из которых была сложена крепостная стена.

И тут мне придется останавливать себя, ибо поэм, и песен, и ростбифовых рондо по его заказу сочинено было без счета. Одна песенка, очень популярная, начиналась так:

Треска-в-Сметане, трубадур,
Томился у окна —
Птифур, прелестная мамзель,
Плясала допоздна.

В ней было двадцать пять куплетов. Еще одна, очень трогательная, повествовала о несчастной любви Шарлотты Яблочной. Была и веселая, «Легенда о Молочной Каше и Крутом Яйце». Песню «Редиску спелую, собирайте, девы» всегда приходилось повторять. А Главного трубадура часто просили прочесть деликатесные стихи — их особенно любили слушать дамы, когда плели свои гобелены перед полдником, — они назывались «Салатные сонеты».

Однако довольно об этом. Дворец короля Глотина II был славен и другим. Придворные художники не стали украшать залы портретами монарших предков в полном облачении, а расписали стены *натюрмортами* — то есть, изображениями фруктов, семги на блюдах, луковиц, сочных персиков и тому подобного. И, я должен сказать, Королевские апартаменты от этого только выиграли. Портреты вдовцов и вдовиц с кислыми минами, злобных и прыщавых, и косоглазых принцев верхом на лошади и в доспехах с ног до головы придают замкам ненужную мрачность. А королю больше всего на свете нравилось делать жизнь своих сограждан веселее, и никто не может его осудить за то, что он заменил уксусных старцев и унылых принцев сочными персиками, вареной семгой и огурцами точь-в-точь как настоящие.

Устроено жилище короля тоже было не совсем обычно. По традиции разные части королевского замка получают имена вроде: «Кровавая башня», «Зал Коварной измены», «Комната с привидениями» и всякое такое. Знатные фамилии гордятся подобными названиями — хотя почему, ума не приложу.

Король Глотин все это изменил. Он приказал, чтобы, независимо от того, под каким именем были

известны те или иные части замка при его отце, отныне они получили бы более жизнерадостные названия. Вот как главные ворота с подъемным мостом через крепостной ров стали в народе именоваться «Воротами Божественной Лапши». Большая столовая получила прозвание «Зал Имбирного Ореха». Винтовая лестница, ведущая в башню, звалась «Макаронные Ступени». А длинная, украшенная флажками аллея, по которой прогуливались в задумчивости короли и королевы, стала «Террасой Танцующих Тянучек». И так далее.

Однако вернемся к Большому пикнику. Вкуснейшими яствами были уставлены вдоль и поперек горный склон, пустошь и луг — изысканные угощения громоздились всюду, куда ни кинешь взгляд. Сколько там было невиданных диковин: маринованный папоротник, салат из манго с анчоусами, соус из креветок, посыпанных сухим имбирем, прибывший из Бомбея, миноги, вымоченные в старом вине с добавлением мускатного ореха, виноград, начиненный сливочным сыром и посыпанный сахарной пудрой, пюре из мушмулы с гранатовым сиропом, бамбуковые побеги, приправленные соком дикого терна. Экзотические рецепты были со всей тщательностью записаны для библиотеки Королевского кулинарного колледжа.

А потом состоялся турнир варений и солений. За варенья первый приз получила леди Роза Джем, а миссис Патиссон выиграла конкурс мастеров соленья. Для детей построили специальный павильон. Никто за ними не следил, можно было пускать кораблики в супе и ронять котлеты, где вздумается.

На деревьях висели конфеты и всякие сладости, и король даже устроил Лимонадную реку, налив лимонный сок в обычный ручей, чтобы гости —

особенно юные — напились вволю. Правда, эта затея оказалась не очень удачной. Форели, которая жила в ручье, лимонный сок не понравился. Нет, она не погибла. Но у нее испортился характер. Раньше это была *радужная* форель с улыбкой от плавника до плавника, а превратилась она в унылую *кислую* форель. Однако многие лакомки сочли эту небывалую рыбу большим деликатесом.

А потом были игры и потехи — картофельные гонки, ныряние за яблоками в бассейн, метание блинов и так далее.

Но главным событием пикника стало вручение приза за Новый Овощ. Маркиза Футьнуты представила новинку — Чайную розу, которую можно было заваривать вместо кофе. И все думали, что она непременно получит приз. Однако жюри объявило, что роза все-таки не совсем овощ и потому в соревновании участвовать не может. Зато Голуба Голубец, который немало потрудился в своем огороде, создал нечто совершенно невероятное — он скрестил лук порей с морской капустой. Судьи были потрясены, и ни у кого не осталось сомнений, что из этих семян и вырастет овощ-победитель.

А Голуба Голубец был очень гордый человек.

ВЕЧЕР ДЕСЯТЫЙ, И ПОСЛЕДНИЙ

КАК ПРИНЦ СКВЕРНОЗО, РОДНОЙ ПЛЕМЯННИК КОРОЛЯ, ЗАМЫСЛИЛ СВЕРГНУТЬ СВОЕГО ОБОЖАЕМОГО ДЯДЮШКУ И СТАТЬ КОРОЛЕМ ВМЕСТО НЕГО. КОВАРСТВО МИНИСТРА ФИНАНСОВ ПРИВОДИТ СТРАНУ К РЕВОЛЮЦИИ. ГЛОТИН II ИЗГНАН. КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ СВЕРГАЮТ СКВЕРНОЗО И ПЫТАЮТСЯ ВЕРНУТЬ НА ПРЕСТОЛ СТАРОГО КОРОЛЯ. ЗОЛОТАЯ КАСТРЮЛЯ И ПОСЛЕДНЕЕ ОБЕЩАНИЕ, КОТОРОЕ ДАЛ СВОЕМУ НАРОДУ КОРОЛЬ ПИКНИКОВ

— В этом месте моей истории в действие вступает гнусный негодяй принц Сквернозо, родной племянник короля собственной персоной. Этот человек без стыда и совести давно уже вошел в сговор с другим мошенником, Министром финансов, который должен был заботиться о расходах на содержание дворца и двора. У бедняги министра было отвратительное пищеварение — такое плохое, что даже от простого заварного крема или воздушнейшего суфле у него тут же разбалчивался живот.

Сами понимаете, жилось Министру не сладко. И потому ему очень не нравилось, что король тратит столько денег на еду — которую он не мог есть, — а особенно не нравилась затея с соревнованием Новых Овощей и весь Большой пикник. Поэтому, когда принц Сквернозо поделился с ним своим коварным замыслом, Министр финансов страшно обрадовался.

Надо вам знать, что у Голубы Голубца было очень немного семян нового овоща. Собственно го-

воря, их было только четыре, и Голубец, чтобы вырастить хоть один хороший экземпляр для судей, намеревался посадить их все. Он был настоящий спортсмен, и если бы ни одно семя не дало хорошего всхода, он принял бы свое поражение как джентльмен, каковым он и был.

Поэтому, когда принц Сквернозо пришел к Министру финансов и сказал ему, что знает, где спрятаны семена, тот злобно захохотал — хотя у него очень болел живот. Поскольку он сразу понял: если Сквернозо отравит семена кислотой, ничего хорошего из них не вырастет. Гнусно хихикая, он восхвалял Сквернозо, называя его умнейшим из принцев, во всех отношениях достойным трона его дяди, который не замедлит освободиться.

В черной душе Министра таилось двойное коварство. Он, как говорится, надеялся убить разом двух зайцев. Не только посрамить достойного Голубу Голубца из Голубики, но и совершить кое-что по важней. Год за годом он ходил по врачам, пытаясь поправить здоровье, расстроенное роскошными яствами, которые придумывал его повелитель, Король пикников. К тому же он весьма не одобрял столь легкомысленного растраниживания огромного богатства страны. Он ненавидел Глотина II. И был бы рад, если бы его место занял кто-нибудь другой.

А тут как раз подвернулся случай устроить революцию. Глотония в те времена была выборной монархией — это значит, что сын короля не обязательно наследовал престол. Нового монарха избирал народ, и если наступали смутные времена, на троне мог оказаться кто угодно.

Для коварного Министра взошла Звезда Надежды. Настало время — и созрел план — свержения короля Глотина II. И хотя этот монарх завел новые

обычай не так уж давно, можно было бы сказать людям, что большая часть государственных денег растрочена на еду и развлечения, и что необходимо вернуть славные времена Глотина I.

Даже если народ не станет требовать нового короля, революция все равно произойдет, думал Министр. Нужно только отправить посланных в иноземные державы, которые одолжили денег пикниковому королевству, и уговорить их, чтобы они потребовали вернуть им деньги в понедельник в полдень и не минутой позже.

Тут, конечно, все пойдет кувырком, и почти наверняка случится революция. Попробуй-ка быстро найти деньги, чтобы заплатить долги, — поневоле голову потеряешь.

Так в Глотонии произошла революция — первая и единственная за всю историю королевства. Все будто с ума посходили — бегали, суетились, болтали без умолку. Принц Сквернозо и Министр финансов трудились как пчелки, плетя интриги и настраивая всех против короля и его друзей. То и дело стреляли и взрывали общественные здания. Казалось, люди не понимали, что делается и что произойдет в следующее мгновение. Все дела замерли. Магазины закрылись. Всюду царила полная неразбериха.

Все это печалило сердце доброго короля. Не то чтобы он боялся принца Сквернозо и других своих врагов; не то чтобы его очень волновала опасность лишиться власти. Но после стольких лет царствования подданные стали для Глотина как дети. И когда оказалось, что они взбунтовались против своего монарха только потому, что глупый фанфарон Сквернозо наговорил про него гадостей и оклеветал его, ему стало горько и

обидно. Не нужно забывать, что Его величество был уже совсем не юноша.

Король Глотин не сомневался, что если начнет войну против племянника, то победит его. Но он не хотел этого делать. Пришлось бы приводить армию в боевую готовность, созывать рыцарей с лучниками и всадниками. Так он скорее всего остался бы королем. Но он знал: прежде чем враги будут повержены, придется обречь горячо любимую страну на ужасы войны — войны, в которой невинные люди будут страдать и гибнуть только за то, что поверили рассказам Сквернозо.

«Нет, — сказал король. — Что бы ни случилось, войне не бывать. Год за годом я учил людей тому, чем хороши Жизнь и Мир, неужели же на склонах лет начну стрелять их, как собак? Нет!»

А коварные злодеи ни капельки не сомневались, что таково и будет королевское решение. В Глотинии процветали земледелие, скотоводство и разные ремесла. И Министр финансов прекрасно знал, что когда иностранные державы заберут свои деньги, страна вовсе не обеднеет. Только на первый взгляд казалось, что произошла катастрофа, но мир поверил, что тяжелые времена наступают для всех государств на земле, раз даже самое богатое из них внезапно вылетело в трубу.

Сквернозо и Министр финансов этим и воспользовались. Они сказали людям, что все случилось оттого, что не в чести Военные искусства. Спасти страну можно только одним способом — превратив ее в так называемую индустриальную державу. Всюду нужно построить заводы — кому они нужны, эти фермы, — и прежде всего заводы, на которых делают сабли, доспехи, пушечные ядра и прочие вещи, используемые в сражениях.

И бедные невежественные люди поверили, что черные дни пришли в Глотонию, потому что были забыты и заброшены Военные искусства, благодаря которым отец нынешнего короля, доблестный Глотин I ознаменовал свое царствование столькими победоносными кампаниями.

Сквернозо и Министр готовились к революции, которая наверняка должна была окончиться для них успехом — принц Сквернозо захватил бы корону, а Министр финансов стал бы Премьер-министром.

Хитрые политики была эта парочка.

И сначала у них все получалось. Таково было ужасное смятение, охватившее мирную землю, что никто не знал, к какой стороне присоединиться; и жизнь короля несколько раз висела на волоске. Но хотя Глотин II был добрый и пожилой, прежде всего он был очень храбрый. И тогда как многие монархи в таких обстоятельствах спрятались бы в подземелье или сбежали из города, он разгуливал по улицам и даже без охраны.

«Мои чада (так он всегда называл простых людей) не сделают мне ничего плохого», — отвечал Глотин перепуганным министрам, которые не хотели выпускать его из дому, когда стреляли на каждом шагу. И те глотонцы, что всегда его любили, подумали: лучше, пожалуй, чтобы королем остался он, а не принц Сквернозо, который, несмотря на все его речи, им не нравился и которому они не доверяли, сами не понимая, почему.

Так страна печальнейшим образом разделилась. Богатые торговцы и армия были за Сквернозо. На его сторону перешли и многие могущественные аристократы: всякие герцоги и прочая знать. Но люди попроще, помещики и крестьяне, все были за Гло-

тина. И верили, что, если только ему позволить, король сделает так, что вернутся старые добрые времена и Глотония снова станет богатейшей страной в мире.

И вот, чтобы решить, как быть дальше, созвали большое собрание. Глотин II предстал перед судом. О, такого еще не видела Глотония! Сквернозо явился вместе с коварным Министром финансов, и оба они говорили до посинения. Они надеялись, что, если только им удастся выставить короля в черном свете, судьи вынесут приговор: отрубить голову — и тогда все будет просто.

Но судьи на это не решались. Они бы, может, и хотели, но боялись народа. Однако Сквернозо и Министр вели себя очень ловко, и после шестичасового совещания решено было, что жизнь Его величества пощадят, но приговорят к изгнанию — он должен будет покинуть страну и отречься от престола. Принц Сквернозо был избран вместо него правителем страны.

И вот, Глотин II сложил свои пожитки и в сопровождении немногих слуг и нескольких собак отправился в изгнание; а король Сквернозо тем временем стал править.

Но через неделю он понял, что быть королем не так-то просто. Во-первых, его не любили. Как только люди немного утихомирились и смогли поразмыслить обо всем спокойно, то сообразили, что меньше всего на свете им нужны заводы, где делают сабли, доспехи и пушки. И немедленно их подожгли и спалили дотла.

Король Сквернозо двинул против бунтовщиков солдат, и многие были убиты и ранены. Потом обнаружилось, что это коварный Министр финансов попросил заграничных торговцев, чтобы они потре-

бовали вернуть им долги, и тут все просто пришли в ярость. Посреди ночи две сотни крестьян явились к Сквернозо и велели ему убираться из Глотонского королевства, прежде чем наступит рассвет, и прихватить с собой Министра финансов и его отвратительное пищеварение.

Когда наступил рассвет, их и след простыл, и больше ни того, ни другого в Глотонии никогда не видели. Так королевство осталось без короля. И тут произошло то, что называется контрреволюцией, — новая группа повстанцев принялась переделывать сделанное первой группой. Армия была распущена и приставлена копать картошку.

Тогда все стали обсуждать, стоит ли уговаривать короля Глотина вернуться. Контрреволюционеры легко одержали победу. И те же двести крестьян отправились его разыскать и привести обратно.

После долгих поисков в чужих землях они нашли старого короля, но привести назад не сумели. Глотин II не захотел возвращаться. Он объяснил, почему: во-первых, сказал Глотин, он уже, видимо, слишком стар, чтобы быть хорошим королем, а во-вторых, он немножко разочаровался в глотонцах. Наверное, пусть лучше страна будет республикой, а не королевством.

К тому же, продолжал король, он выполнил задачу, которую когда-то поставил перед собой, — научил свой народ понимать, что в жизни представляет истинную ценность. И теперь он хочет поселиться в деревне, чтобы разводить форель, выращивать фазанов и подрезать персиковые деревья. А кроме того, у одной из его собак на днях родятся щенки, а он никак не может пропустить это событие, даже ради королевского престола. Поживите в республике, сказал он, посмотрим, что из этого получится.

Крестьяне очень огорчились. Но продолжали упрашивать Глотина, чтобы он навещал свое старое королевство хоть раз в год, в День Пудинга с мясом и почками. Знаменитую Золотую кастрюлю, которая верно служила ему в былые времена, начистят так, что она будет сиять и сверкать к его приезду, шелковый передник, который он всегда надевал в королевской кухне, — выстирают и нагладят. Неужели он может отказаться от такого, говорили они, утирая слезы красными носовыми платками, — республика там или не республика. Пусть приезжает как частное лицо.

И Глотин торжественно поклялся, что приедет, при условии, что тесто для пудинга привезет с собой, — поскольку старая кухарка (никто, кроме нее, не умел замесить тесто так, как ему нравилось) не осталась в Глотонии, а разделила с ним изгнание.

Конец

ОГЛАВЛЕНИЕ

Цирк Доктора Дулитла

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. В кругу друзей у камина	7
Глава 2. Доктор встречает друга и родственницу	14
Глава 3. Дело сделано	21
Глава 4. Доктора узнали	28
Глава 5. Доктор разочаровывается	39
Глава 6. Софи с Аляски	51
Глава 7. Посланец с севера	57

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1. Побег	68
Глава 2. «Ночь зверей» в цирке	82
Глава 3. В заброшенном саду	94
Глава 4. Предводитель ищеек	106
Глава 5. Пассажиры из Пенчерча	120
Глава 6. Гранчестерский дилижанс	130

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1. Двойник Роберта Флинча	142
Глава 2. По реке к морю	151
Глава 3. Мировой судья сэр Уильям Пибоди	160
Глава 4. Лисица по имени Ночная Тень	172
Глава 5. Новое изобретение Джона Дулитла	184

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1. Снова в цирке	196
Глава 2. Скандал из-за фальшивых лекарств	209
Глава 3. Нино	217
Глава 4. Еще одна говорящая лошадь	225
Глава 5. Великолепное выступление Говорящей Лошади	233
Глава 6. Беппо Великолепный	241
Глава 7. Идеальное пастбище	248
Глава 8. Общество отслуживших Тягловых Лошадей	258

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1. Мистер Беллами из Манчестера	269
Глава 2. Спектакли для зверей	275
Глава 3. Плакат и памятник	284
Глава 4. Слава, богатство и дождь	295
Глава 5. Таинственное исчезновение мистера Блоссомы	307
Глава 6. Доктор становится директором цирка	314
Глава 7. Мэтью Магг — заместитель директора	321
Глава 8. Цирк Доктора Дулитла	326

Кухонная энциклопедия поросенка Габ-Габа

Томми Стаббинс, сын сапожника из городка Падлби-на-болоте, объясняет читателю, что за книгу тот держит в руках	337
Вечер первый	342
Вечер второй	350
Вечер третий	362
Вечер четвертый	371
Вечер пятый	381
Вечер шестой	395
Вечер седьмой	402
Вечер восьмой	409
Вечер девятый	421
Вечер десятый, и последний	427

Хью Лофтинг
ЦИРК ДОКТОРА ДУЛИТЛА

Перевод с английского
А.В.Шлыкковой и Е.Л.Новицкой
Для младшего и среднего возраста

Ответственные за выпуск
Т.В.Громова, О.В.Ермолаева

Художественный редактор
И.К.Борисова

Технический редактор
Т.Х.Гусаева

Корректор
Л.Е.Лохова

Оригинал-макет
М.Э.Темчин

Сдано в набор 20.09.92. Подписано к печати 2.02.93.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,5. Усл. кр.-отт. 28. Уч.-изд. л. 17,5+2,06 ил.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 90. Заказ № 305.

Издательство «Рудомино»
Всероссийской государственной библиотеки
иностранной литературы
имени М. И. Рудомино.
109189, Москва, Ульяновская ул., д. 1.

Ярославский полиграфкомбинат Министерства
печати и информации Российской Федерации.
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Л68 **Лофтинг Хью**
Цирк Доктора Дулитла /Пер. С англ.
Е. Л. Новицкой и А. В. Шлыковой. — М.:
Рудомино, 1993. — 440 с.: ил.

Герои сказочных произведений Хью Лофтинга хорошо знакомы нашим ребятам по книгам Корнея Чуковского, пересказавшего некоторые из них. Только вот имена у персонажей другие, и интересных приключений с ними произошло намного больше. О них вы узнаете, прочитав эту книгу. А впереди новые встречи с Доктором Дулитлом и его друзьями. В издательстве «Рудомино» готовятся две следующие книги, в которые войдут романы для детей «Путешествие Доктора Дулитла», «Доктор Дулитла на Луне», «Зоопарк Доктора Дулитла» и «Сад Доктора Дулитла».

Л $\frac{480404100-2}{476(02)-93}$ Без объявл.

84. 4 (Амер.)

